

МИР ВНОВЬ НАКРЫЛА
ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ ЭНИГМЫ.
КТО ТАКОЙ ЭНИГМА?
КАКОВЫ ЕГО МОТИВЫ?
И КАКАЯ МРАЧНАЯ ТАЙНА
СКРЫТА ЗА ЕГО ЛИЧНОСТЬЮ?
ЧТО ОСОБЕННОГО В ЭНИГМЕ?
КАКАЯ ТЬМА СКРЫВАЕТСЯ В НЁМ?
КТО ОН?
СКОРО ВСЕ МАСКИ БУДУТ СБРОШЕНЫ...

— АКТ ВОСЬМОЙ —
ДВОЙСТВЕННОСТЬ

— ПРОЛОГ —

Западное побережье Америки
2 апреля 2027 года

Аксель Стоун очнулся от того, что его волокли по шершавому асфальту, словно мешок с мусором, к чёрному брюху вертолёт, чьи лопасти, рассекая ночную тишину, издавали утробный, угрожающий гул. Кожа горела – он был раздет до исподнего. Запястья скручены за спиной, а верный нож, всегда готовый прийти на помощь, бесследно исчез. В голове бушевал шторм, грозя выплеснуться наружу тошнотой, когда его заташили в нутро машины.

Внутри вертолёт напоминал скорее летающую клетку – утилитарный, лишённый комфорта, с шестью жёсткими сиденьями, расположенными лицом к кабине пилотов. Акселя швырнули на пол, беспощадно стянув лодыжки нейлоновой петлей. Рядом, спина к спине, лежала Блейз – он узнал её по дрожащему прикосновению обнажённой кожи.

Разум, словно разбитое зеркало, собирал осколки воспоминаний. Лос-Анджелес, улицы, расследование предполагаемой деятельности Синдиката...

И вдруг – провал. Заложило уши от оглушительного рёва винтов, и вертолёт, взмыв в небо, резко завалился на бок, придавив Акселя всей тяжестью к Блейз. Она вскрикнула, и даже в этом приглушённом вое Аксель узнал её голос.

– Блейз? – прохрипел он.

Ответ последовал незамедлительно – удар тяжёлым ботинком в челюсть, и кровь наполнила рот вместе с осколками зуба.

– Молчать, – прорычал кто-то над ним.

Подняв глаза, Аксель увидел шесть мрачных лиц, обрамлённых стволами пистолетов. Шесть вооружённых охранников, каждый из которых держал его и Блейз на мушке, прожигая взглядом, полным неприкрытой ненависти.

Боль пульсировала в висках, но память постепенно возвращалась, проливая свет на произошедшее. Рейд на заброшенный ночной клуб, ставший, по их анонимной наводке, новой вотчиной Синдиката. Появление Донована, оцетинившегося оружием, говорило о том, что они напали на след змеиного гнезда, и Аксель почти не сомневался – сейчас их везут в какое-то новое, затерянное в пустыне, логово.

Аксель сплюнул багровую кровь, ощущая солоноватый привкус железа. В этой кромешной ситуации забрезжил тусклый луч надежды: своими силами им никогда бы не отыскать логово Синдиката, а теперь их, словно ценный груз, доставляли туда по воздуху. Что ж, неплохо.

Спустя час вертолёт пошёл на снижение, и Аксель кожей почувствовал, как нарастает напряжение в салоне. После жёсткой посадки прозвучали отрывистые команды. Шесть фигур в камуфляже, не шелохнувшись, чуть плотнее сжали оружие в руках, целясь в пленников. Снаружи утробно заворчал старый дизель – судя по всему, топливозаправщик. В распахнутый грузовой отсек ворвался вихрь колючего песка.

Наконец лязгнули запоры, и полёт возобновился. Попытки определить направление были бессмысленны, и Аксель позволил себе проваливаться в забытьё, цепляясь за ускользящее сознание. Он отчаянно пытался как-то поддержать Блейз, но слова застревали в горле, а прикосновения лишь обжигали кожу.

После бесконечного, казалось, ночного путешествия вертолёт вновь начал снижаться. В этот раз, едва стальная птица замерла над зыбучими песками, шестеро амбалов вскочили и, не церемонясь, волоком потащили Акселя и Блейз к распахнутой двери. Заглушив двигатель, они сбросили трап и грубо спихнули пленников вниз. Блейз вскрикнула, когда оголенные рёбра болезненно ударились о металлические ступени. Их поволокли по раскалённому песку, пока они не оказались на узкой, метров десяти шириной, дорожке, где их поджидала электрическая тележка, отдалённо напоминающая вилочный погрузчик. Приставив дула пистолетов к вискам, их взгромоздили на низкую платформу.

Тележка тронулась, направляясь к тёмному, зловещему холму, поросшему редкой, выжженной солнцем травой. Издали он напоминал неприступную крепостную стену, воздвигнутую посреди бескрайней пустыни. По мере приближения огромные раздвижные ворота медленно поползли в стороны, открывая вход в мрачное нутро. "Чрево зверя," – промелькнуло в голове Акселя, когда тяжёлые створки бесшумно сомкнулись за их спинами.

Тележка въехала на круглую платформу и замерла. Раздалось шипение гидравлики, и они начали погружаться. Платформа, словно телескоп, уходила вниз, в широкую шахту, пока не остановилась метрах в десяти под землёй. Тележка, лишённая каких-либо ограждений, съехала с платформы и, миновав тёмный, сырой коридор, остановилась перед массивной металлической дверью. Охранники, не разнимая Акселя и Блейз, вытащили их из тележки и грубо толкнули в камеру.

В дверном проёме возник Донован, словно тень из преисподней. – Ждите здесь, – прорычал он, словно зверь, оголяя хищный оскал, – Выхода нет.

Одно движение – и вы трупы. Мы видим каждый ваш вздох, – добавил он, ткнув пальцем в глаз камеры, нависшей над ними, как всевидящее око.

Дверь с лязгом захлопнулась, отрезая их от мира стальной защёлкой. Камера, не более шести футов в каждую сторону, давила своей клаустрофобией. Стены и пол, словно вылитые из единого куска металла, отзывались гулким эхом на каждый звук.

– С тобой всё в порядке? – спросил Аксель, пытаясь скрыть тревогу в голосе. – Да... ты как? – Голос Блейз дрожал, готовый сорваться в рыдания.

– Голова раскалывается. Ничто не сравнится с тем похмельем, которое я заработал после карточной ночи у Адама. Бензедрин и шампанское – гремучая смесь. Кстати, что на тебе надето?

– Только это, – Блейз слегка повела бёдрами, словно демонстрируя невидимое платье.

– Розовое?

– Они белые, если тебе интересно. Я успела переодеться перед ужином.

– Что произошло в клубе? Помню яркий свет... а потом...

– Донован спустился с балкона, окружённый стайей этих... амбалов в форме, и выстрелил в нас чем-то вроде электрошокера. Он был слишком быстр... вырубил нас ещё до того, как мы успели что-либо понять. Их было слишком много. И что теперь, Аксель?

Аксель на мгновение задумался, хмуря брови. – Не думаю, что Донован притащил нас в эту дыру просто так. Если бы они хотели нас убить, то уже давно бы это сделали.

– И что это значит?

– Это значит, что мы им зачем-то нужны. У них есть какой-то план. Пока мы не поймём, что им нужно, лучше немного отдохнуть.

Когда дверь камеры с лязгом отворилась, коридорный свет полоснул по глазам, привыкшим к полумраку. Аксель поморщился, переминаясь с ноги на ногу на холодном, шершавом полу. В камеру, словно тени, скользнули двое охранников, сжимая в руках оружие. Один, с лицом, изрезанным шрамами, приблизился к Акселю и Блейз, и бесцеремонно перерезал верёвки, оставив запястья стянутыми. Второй, молчаливый, как призрак, протянул им воду. Они жадно пили, поднося скованные руки к пересохшим губам.

– Идите, – процедил охранник с шрамами, и в голосе его сквозило лишь равнодушное презрение.

Под дулом пистолета, словно скот на бойню, их погнали по узкому коридору в убогую комнату гигиены. Там, под бдительным надзором, им позволили привести себя в порядок и воспользоваться туалетом в тесной кабинке.

— Можно мне хоть что-нибудь надеть? — Блейз взглянула на свой обнажённый торс, её глаза метали искры гнева и унижения.

Охранник лишь презрительно покачал головой. Он приказал им выйти и погнал дальше по коридору, к двери из нержавеющей стали, холодной и безучастной.

— Подождите.

Охранник, словно принося жертву древнему божеству, набрал код и подставил лицо перед скрытой камерой. Механизм ожил с тихим щелчком, и дверь отворилась, явив взору просторную комнату, пропитанную ледяным дыханием кондиционера. Но больше всего поражал цвет: багровый, густой, как запёкшаяся кровь. Пол, потолок, стены — всё вокруг тонуло в этом зловещем оттенке. За массивным письменным столом, словно восседая на троне, возвышалось старомодное вращающееся кресло с обивкой из тёмно-бордовой кожи. В нём восседал человек, которого они узнали мгновенно.

— Ради бога, дайте женщине хоть что-нибудь надеть, — произнёс Леон Шива, и в его голосе прозвучало такое отвращение, что Аксель на секунду задумался, не является ли ненависть к женщинам его единственной подлинной страстью.

Шива поднялся и неторопливо обошёл стол. На нем был безупречно сидящий тёмный льняной костюм, белоснежная рубашка и галстук цвета свежей крови. Густые чёрные волосы, зачёсанные назад с высокого лба, свободно ниспадали на воротник, словно тень сомнения. Он приблизился к Акселю, и тот вновь увидел высокие скулы и выражение надменного нетерпения, которое помнил ещё с давних времён.

Но ещё более пугающей была отстранённость в его взгляде — то, как Шива избегал зрительного контакта, словно боялся, что отражение чужих желаний в его зловещих красных глазах осквернит чистоту его собственных, нечестивых целей. Эта сдержанность, холодная и расчетливая, делала его почти неуязвимым, подумал Аксель — без ахиллесовой пяты — гордости, похоти или жалости.

— Добро пожаловать в нашу обитель, — процедил Шива с привкусом яда в голосе. — Не скрою, лицеизреть вас здесь — сомнительное удовольствие.

Аксель, не отвечая, смерил его взглядом. В этот момент вошёл человек с серой армейской рубашкой в руках — предназначалась она Блейз. Даже после стирки на ткани проступали зловещие пятна, безмолвные свидетели чужой боли. Акселю протянули аналогичный комплект, и он торопливо облачился в него.

— Располагайтесь, — Шива небрежно указал на пару грубых деревянных стульев. Блейз тяжело опустилась на один из них, выдавая усталость, скопившуюся в каждой клетке тела.

— Что здесь творится, Шива? Я полагала, ты отринул своих хозяев из Синдиката...

Шива стремительно пересёк комнату и навис над Блейз. Его пальцы грубо стиснули её подбородок, поворачивая лицо из стороны в сторону, словно оценивая товар. Затем, словно отыскав что-то, что искал, он осклабился и отступил на шаг.

— После падения мистера Икс образовалась зияющая пустота власти, которую я не мог не заполнить. Благодаря вашим ... стараниям, я вновь восседаю на троне Синдиката.

Блейз нахмурилась, не понимая.

— Но я думала...

Шива резко оборвал её, зажав рот тыльной стороной ладони.

— Тсс, — прошипел он, и на губах Блейз выступила багровая ниточка крови. — Тише. Больше никаких слов.

Шива бросил взгляд на охранника.

— Заприте эту птичку в клетке до вечера. Пусть дожидается своей... смены.

Охранник подхватил Блейз под локоть и поволок к выходу. Она шла, не сопротивляясь, а по её подбородку всё ещё струилась кровь. Шива обернулся к Акселю. Тот напрягся, готовясь к худшему.

На губах Шивы расцвела хищная ухмылка — зловещая и неотвратимая, как сама судьба.

— Теперь здесь только ты и я, Аксель. Или мне следует называть тебя... Энигмой?

1

Четырнадцатью годами ранее...

Центральное полицейское управление Лос-Анджелеса
6 марта 2013 года

— Я надеюсь, мы понимаем друг друга, Уильям?

— Разумеется, сенатор. Более чем...

Начальник полиции Уильям О'Хара, по долгу службы, обычно изъяснялся чётко и уверенно, ведя бесчисленные телефонные разговоры — с другими департаментами, по гражданским делам, с тюрьмами, мэром, политиками. Но в присутствии сенатора Джорджа Ксетеуса он словно терял весь свой вес, превращаясь в жалкого мальчишку.

Джордж Ксетеус, влиятельный сенатор-республиканец, заседал в правительстве с тех самых пор, как одержал свою спорную, но убедительную победу на выборах в далёком 1985 году... и по-прежнему крепко держался за

свое кресло. Сенаторов в США обычно избирают на шестилетний срок, но Ксетеус умудрился продержаться на посту более тридцати лет, и дело было отнюдь не в народной любви.

– Отлично...

Голос Ксетеуса, звучащий из телефонной трубки, был низким, пробирающим до костей и сочился ядом. С той роковой ночи два месяца назад Уильям О'Хара боялся этого голоса, каждого слова, каждого приказа. Он продал душу этому человеку, но стоила ли награда такой страшной цены?

– Девушку, о которой я говорю, – продолжал Ксетеус, – зовут Тина Стоун. У неё, по сведениям моих информаторов, есть только один родственник – брат. Молодой офицер полиции, работающий в вашем собственном отделе...

О'Хара поморщился, с трудом сглотнув комок, застрявший в горле. На мгновение его мысли отнесли в ту январскую ночь 2011 года, когда с ним впервые связались зловещие эмиссары Ксетеуса. Ночные лазерные лучи, плясавшие отблесками на стволах многочисленных снайперских винтовок, недвусмысленно предупреждали о серьезности их намерений – они целились в головы его спящих, ничего не подозревающих детей. А затем раздался стук в дверь... Тень в окне, на пороге.

Он на мгновение сомкнул веки, словно стараясь впечатать в память лицо человека, предложившего ему семь миллионов долларов и жизнь его детей в обмен на сделку с дьяволом – сотрудничество и безграничное подчинение сенатору Джорджу Ксетеусу, чья власть к тому моменту затмевала даже президентскую. У Уильяма О'Хары не осталось выбора, кроме как продать душу, пасть ниц перед этим мистером Икс.

– Да... да, – прошептал О'Хара одними губами, голос его дрожал, как осенний лист на ветру. – Я знаю этого человека. Его зовут Аксель Стоун. Он работал над делом "Синего Лебеда"...

– Отлично, отлично, – промурлыкал мистер Икс в трубке, и в его голосе почудилась змеиная улыбка. – Тогда вы знаете, что делать...

Сержант Аксель Стоун поднимался по лестнице, ведущей в кабинет шефа О'Хары, терзаясь догадками о столь срочном вызове. Шеф полиции О'Хара был человеком занятым, настолько, что Аксель бывал у него всего трижды: первый раз – когда его повысили в должности после разгрома организации «Синий Лебедь», и второй – когда он получил выговор за чрезмерное рвение в расследованиях. Он надеялся, что больше не навлечёт на себя гнев начальства. Аксель уговаривал себя не глупить, но сердце колотилось в груди, словно пойманная в клетку птица.

На двери кабинета чернела лаконичная надпись: "У. О'Хара", а рядом висел миниатюрный светофор.

Верхний глазок горел зловещим красным.

Аксель нажал кнопку под светофором.

Минуты тянулись мучительно долго. Он пытался убедить себя, что всё в порядке, что вечером они с напарником Адамом пойдут в бар и посмеются над этой нелепой тревогой, но слова эти звучали фальшиво даже для него самого. Красный свет погас, вспыхнул зелёный, и Аксель, собравшись с духом, толкнул дверь.

У шефа полиции О'Хары было круглое, доброе лицо и коротко стриженные седые волосы. От него неизменно пахло лосьоном "Олд Спайс". За его спиной высилась полка, заставленная книгами, в названиях которых неизменно присутствовало слово "Полиция". Стол был безупречно чист, лишь телефон, монитор компьютера и отрывной календарь нарушали эту стерильную пустоту. В правом ухе шефа поблёскивал слуховой аппарат.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — голос прозвучал сдержанно, но Аксель уловил в нем фальшивую нотку учтивости. Он опустился на стул, чувствуя, как в животе зарождается холодное предчувствие.

О'Хара, не теряя времени, выдвинул ящик стола, извлёк толстую папку и с глухим стуком положил её на столешницу. Бумага, казалось, источала зловещую ауру.

— Здесь указано, Аксель, что вы рано осиротели. Единственным близким человеком, насколько я понимаю, оставалась ваша сестра... Тина Стоун, верно?

Удар под дых. Аксель почувствовал, как внутри всё сковывает ледяной спазм.

— Да, сэр, — прошептал он, еле слышно.

Шеф медленно облизнул пересохшие губы, словно смакуя момент.

— Что вы сказали?

— Я сказал: «Да, сэр».

О'Хара вздохнул, и в этом вздохе прозвучала усталость палача.

— Аксель, я распоряжусь, чтобы вас сегодня отпустили пораньше. Вам нужно отдохнуть.

Аксель молча кивнул, словно приговорённый, ожидая удара топора.

Шеф полиции опустил взгляд на бумаги, словно ища там оправдание предстоящему.

— В общем ... поступил звонок из мемориальной больницы Беверли-Хиллз... Ваша сестра, Тина... Она скончалась сегодня рано утром. Автомобильная авария... Мне очень жаль, Аксель.

Аксель снова кивнул, не в силах произнести ни слова. Мир вокруг словно померк. О'Хара молча проводил его до двери кабинета. Открыв её, он на мгновение замялся, а затем выдавил:

– Просто... позвоните нам, если что-нибудь понадобится. Мне искренне жаль, Аксель. Примите мои соболезнования.

Аксель промолчал, взгляд его оставался пустым.

Когда Аксель ушёл, О'Хара вернулся за стол и поднял телефонную трубку. Быстрый набор, и после пары гудков в трубке раздался властный голос сенатора Джорджа Ксетеуса.

– Да?

– Это О'Хара. Дело сделано, – бесстрастно доложил он.

В трубке повисла короткая пауза, нарушаемая лишь тихим потрескиванием статики.

– Отлично. Надеюсь, вы проследите за организацией похорон, свидетельством о смерти, прессой? Нужно, чтобы всё было абсолютно безупречно. Если хоть кто-то узнает, что эта девица всё ещё жива, я прикажу вас расстрелять.

О'Хара с трудом сглотнул, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

– Не волнуйтесь, сэр. Я все улажу.

Мистер Ксетеус издал тихий, зловещий смешок.

– Я знал, что на вас можно положиться, Уильям. Благодарю.

С серого неба обрушился колючий, ледяной дождь. Капли, словно иглы, жалили лицо Акселя, промораживая до костей сквозь тонкое пальто, пока он шёл от участка через парковку к своему «Форду Таурус» – железному коню, привезшему его на работу казалось, в прошлой жизни.

Добравшись до машины, он был мокрым до нитки и дрожал всем телом. Забившись внутрь, он ждал, пока не оживут обогреватели, и в оцепенении спрашивал себя: что он делает? Куда теперь?

Как непрошенные призраки, в голове всплывали навязчивые образы, когда он завел двигатель и машина плавно влилась в монотонный поток.

Эмбер мертва...

«Форд» послушно замер на красном свете.

Ветер с воем метался вокруг машины, дворники, надрываясь, скребли по стеклу, размывая город в багрово-желтых неоновых огнях. День едва забрезжил, но за окном царила непроглядная ночь. Аксель машинально вытер запотевшее стекло, вглядываясь в мокрую фигуру, спешащую по тротуару.

Он с трудом сглотнул. С ужасом осознал, что ни разу не заплакал – в сущности, не чувствовал ничего. Ни слезинки. Ни тоски. Пустота.

Эмбер мертва...

Слова, словно заезженная пластинка, въелись в мозг, накладываясь на мысли, как призрачный кадр на плёнке. В памяти всплыло лето 2009-го, за четыре года до того, как он покинул отчий дом и стал полицейским. Жива была мать, и в тот день она пекла печенье, чтобы они могли полакомиться им вместе, как всегда, когда не было школы, а дни тянулись долго и беззаботно.

Домашнее печенье Мары Стоун всегда благоухало неземным ароматом, а на вкус было еще восхитительнее. Он до сих пор помнил этот запах свежеиспеченного теста, струящийся из кухонного окна в задний двор, где они с Эмбер, не разлей вода, играли в сквош или отрабатывали спарринг-приемы, выясняя, кто быстрее справится с комбинацией. Тогда, в те безмятежные дни, они с сестрой были одним целым.

Их отношения были идеальны.

После пожара, поглотившего их семейное додзё и отца, Аксель словно потерял душу. Боевые искусства, прежде наполнявшие его жизнь смыслом, стали лишь болезненным напоминанием об утрате. Лишь сестра, нестигаемая, словно сталь, поддерживала тлеющий уголёк надежды в его сердце. Она была его компасом, его опорой, тихо направляя и подставляя плечо в часы отчаяния.

Смерть отца так и не отпустила его. Затаив в сердце клятву, Аксель поклялся, что после школы наденет полицейский значок и найдёт виновных в гибели отца, отомстив за его оборванную жизнь.

Закрыв глаза, Аксель провалился в воронку воспоминаний, в бездну, где тени прошлого стучались с каждой секундой. Его уход из дома, словно трещина в хрупком льду, изменил судьбу матери.

В тот самый день, когда Аксель с гордостью получил диплом полицейской академии Лос-Анджелеса, его мир рухнул во второй раз. Мать погибла в чудовищной автокатастрофе на автостраде. Её машина, сорвавшись с Даймонд-лейн, врезалась в бетонные объятия эстакады «Оранж-Краш».

Ирония судьбы жгла, словно раскалённое клеймо: она спешила на встречу с сыном, чтобы разделить с ним радость выпускного, везла подарок на его восемнадцатилетие.

И вот, спустя три года, словно злой рок преследовал его семью, младшая сестра, Тина Стоун, его маленькая Эмбер, погибла в автомобильной аварии. Как это могло случиться? Неужели над их родом висит проклятие? Кто следующий?

Аксель глубоко вдохнул, пытаясь отогнать липкие мысли, сплетавшиеся в удушающий саван. Включив поворотник, он направил машину на бульвар Санта-Гертрудес. Он не знал, что его ждёт дома, но одно было ясно: мир, каким он его знал, перестал существовать. Он остался один, последний из Стоунов, в свои двадцать один год. Слишком юн, чтобы нести бремя такой утраты.

Злоба, копившаяся годами, внезапно захлестнула его, словно цунами. Аксель стиснул зубы, чувствуя, как разочарование разъедает его изнутри. Он закричал, согнувшись над рулём, и разразился безудержным плачем. Горячие слёзы, обжигая, текли по его измученному лицу.

— Эмбер! — сорвалось с его губ, крик, обращенный в никуда. Сердце колотилось в груди, словно пойманная птица, дыхание рвалось клочками. Холодный ужас парализовал его, глаза ослепли от страха. В следующее мгновение машина взбесилась, перевернулась, и мир потерял всякую ориентацию. В кратком проблеске сознания он понял: это конец, судьба настигла его той же жестокой рукой, что и Тину.

С диким скрежетом машина пропахала искорёженным металлом тротуар, пролетев, сея снопы искр, больше шестидесяти футов в сторону парковки «Тако Белл». Толпа, застигнутая врасплох, взывала в панике, разбегаясь от надвигающейся смерти.

Это был последний кадр, промелькнувший перед глазами Акселя сквозь паутину треснувшего лобового стекла, прежде чем его поглотила непроглядная тьма, отняв последнюю способность мыслить.

2

Общественный госпиталь Буэна-Виста
13:35

Адам Хантер ворвался в больницу, словно летучая мышь, вырвавшаяся из пасти преисподней. В глазах его плясала лихорадка, и он судорожно выскивал хоть кого-то в белых халатах, кто мог бы пролить свет на творящийся кошмар.

Наконец, взгляд зацепился за молодую блондинку за стойкой администратора. Она, приподняв бровь в немом вопросе, с любопытством наблюдала за его стремительным появлением.

Адам резко выхватил и тут же спрятал в левый карман пиджака полицейский значок, словно демонстрировал нечто запретное.

— Сержант Адам Хантер, полиция Лос-Анджелеса. Мне сообщили, что сюда доставили моего коллегу.

Нахмурившись, он буравил её взглядом, и в отблесках холодной галогеновой лампы, мягко освещавшей мраморную столешницу, залегли глубокие морщины на его смуглом лице.

— Его зовут Стоун. Аксель Стоун.

Блондинка одарила его лучезарной улыбкой и склонилась над монитором, ее пальцы забегали по виртуальным клавишам, вызывая на экран список пациентов.

– Аксель... Какое романтическое имя. Он рок-звезда или что-то в этом роде? Как Аксель Роуз или, может, Мадонна?

Адам, опершись правой рукой о стойку, отбивал нетерпеливую дробь пальцами по холодному мрамору.

– Вообще-то, он мой напарник, и чертовски хороший коп. Мне сказали, что на Санта-Гертрудес произошёл инцидент.

Её взгляд заскользил по пространству, словно ища оправдание в воздухе.

– Вот и он, – прошептала она, указывая на расплывчатую зелёную строку голографического текста, парящую в воздухе, словно призрак, благодаря голоизлучателю, примостившемуся рядом с монитором. – Эти новомодные голографические штучки установили только в прошлом месяце, и я всё никак не могу к ним привыкнуть, – с натянутым смешком добавила она. – Лично я предпочитаю старую добрую клавиатуру и мышь, как в начальной школе...

Адам нахмурился ещё сильнее.

– Я был бы рад постоять здесь и поболтать с вами о последних технологических новинках, милая. Правда, был бы рад, но, пожалуйста... я немного спешу.

Смутившись, девушка поспешно ответила:

– О, простите, сэр. Конечно. Здесь указано, что ваш друг находится на двенадцатом этаже. Лифт – в конце коридора, – она указала безупречно накрашенным ногтем в нужном направлении, понизив голос до шёпота. – Пройдёте мимо кабинета главврача. И, кстати, будьте с ним осторожны. Он тот ещё придурок, – она одарила его кокетливой улыбкой. – Ваш друг в палате 12-С.

Адам подмигнул ей.

– Спасибо, красавица.

И, развернувшись, устремился по коридору, его мощные ноги несли его вперёд с почти олимпийской целеустремленностью.

Девушка провожала его взглядом, слегка закусив губу, невольно задержав взгляд на безупречных очертаниях его ягодиц, обтянутых форменными брюками. Затем, пожав плечами, вернулась к работе.

Адам, чьё детство прошло в самом сердце чикагского гетто, был свидетелем многого. На его глазах разворачивались сцены насилия, от которых стыла кровь: поножовщина, бессмысленные наезды, зверские избиения. Годы службы в полиции Лос-Анджелеса омыли его взгляд кровью, пролитой в многочисленных убийствах и бандитских войнах. Но ничто из виденного не смогло подготовить его к тому леденящему ужасу, который сковал его при виде Акселя.

Аксель лежал на больничной койке, словно мумия, закутанный в саван из бинтов и гипса. Его лицо, багровое и отёкшее, казалось маской боли. Он был неподвижен, словно мертвец, с полуоткрытым ртом, застывшим в безмолвном крике абсолютного ужаса и страдания.

Единственными нитями, связывающими его с жизнью, были бездушные приборы, монотонно отслеживающие его состояние. Их механическое тиканье и пиканье отмеряли секунды в такт угасающему сердцебиению Акселя. Хриплый стон аппарата искусственного дыхания насильно вливал воздух в израненные лёгкие и тут же выталкивал его обратно.

Адам медленно подошёл к кровати, ощущая острую, бессильную жалость. Как же он хотел сейчас обладать силой, способной вернуть Акселю здоровье, вырвать его из лап смерти. По дороге в больницу он без конца репетировал слова поддержки, но, увидев напарника таким беспомощным и уязвимым, все заготовленные фразы рассыпались прахом.

— Привет, Акс, — выдавил он наконец, с трудом прочищая пересохшее горло.
— Я примчался, как только узнал.

Он сделал глубокий, дрожащий вдох и с шумом выдохнул.

"Бедный, бедный парень", — пронеслось у него в голове. Словно злой рок преследовал его: сначала банда "Синий Лебедь" отняла жизнь у отца, затем трагическая авария оборвала жизнь матери. А теперь, узнав о гибели сестры в такой же ужасной аварии, он сам оказался на волосок от смерти.

— Не везёт тебе, — тихо проговорил Адам вслух. — Пора бы уже этой чёртовой судьбе дать тебе передышку, приятель.

Он устало кивнул, словно убеждая самого себя.

— Да... мне очень жаль слышать об Эмбер.

Адам лишь пару раз пересекался с сестрой Акселя, но в памяти отпечатался образ тихой и милой девушки. Он знал, Аксель, хоть и был старше сестры на год, всегда относился к ней с уважением, а после смерти отца их связь стала ещё крепче — нить, связывающая два осиротевших сердца.

Адам покачал головой, отгоняя мрачные мысли. Его собственная семья... что ж, ему ли не знать, что такое проблемы. Биологического отца он не знал вовсе — тот оставил после себя лишь мимолетный след, пьяную искру в тёмном переулке, тень за мусорным баком. Мать годами промышляла на улицах, продавая себя за гроши. Брат, Эдди "Скейт" Хантер, вечный бунтарь, прокуренный и погружённый в мир видеоигр. Но, по крайней мере, семья Адама была жива. У него была возможность, пусть и призрачная, навестить их, если захочет. Детройт, конечно, далеко от Лос-Анджелеса, но всё же ближе, чем небеса, где теперь обитали родители Акселя. У Акселя не осталось никого, даже девушки. Адам был для него всем. Эта мысль давила неподъёмным грузом.

— Слушай, дружище, как только выберемся отсюда, я угощу тебя пивом, и мы найдём тебе красотку, чтобы ты развеялся. Тебе это нужно, — Адам сглотнул, терзаясь сомнениями, не перегнул ли он палку. Но Аксель всё

равно его не слышал. Говорили, что люди в коме способны ощущать что-то извне, но Адам сомневался, что в этом случае это имело значение.

— Так вот, Акс. Постарайся поскорее поправиться, ладно? Я попрошу врачей связаться с полицией Лос-Анджелеса, как только ты придёшь в себя. Я буду там в мгновение ока, как только ты очнёшься, — он уверенно кивнул, бросая последний взгляд на израненного друга. Затем, тихо выругавшись, он развернулся и, не оглядываясь, вышел из палаты, оставив за собой гнетущую тишину.

23:59

Сначала глаза его распахнулись в ужасе, словно ворота в бездну, а затем резко захлопнулись, словно ставни перед надвигающейся бурей. Крик вырвался из его груди, хриплый и рваный, словно сорванный с петель. Боль, обжигающая и всепоглощающая, пронзала его насквозь, словно раскалённые иглы, вонзающиеся в каждую клетку, каждый мускул, каждую связку. Проклятие сорвалось с его губ, богохульное и отчаянное, а зубы стиснулись в агонии. Он кричал до тех пор, пока не нашёл в себе силы снова открыть глаза, словно выползая из тёмной пещеры.

Больница... это было единственное, что он мог сказать наверняка. Холодные, стерильные стены окружали его, но где он находился и как сюда попал, оставалось тайной, окутанной непроницаемым мраком.

— Чёрт... — прошептал он, и звук этот походил на сухое карканье ворона, потревоженного в ночи. Внезапно его осенило: память исчезла, словно её и не было. Ни единого отголоска прошлого, ни малейшего проблеска воспоминаний. Как бы он ни пытался, он не мог вспомнить, кто он, откуда пришёл, что делал до этого момента. В этот полуночный час он словно родился заново, совершенно другим человеком, сотканным из пустоты и боли.

Даже собственное имя было для него неразгаданной загадкой, шёпотом, потерянным в лабиринтах забвения.

06:07

Известие обрушилось на Адама Хантера в шесть утра, словно ледяной душ, прервав его бесцветный сон. Телефонный звонок у кровати пронзил тишину: Аксель Стоун, словно призрак, испарился из больницы посреди ночи. Никто не видел, как он уходил, никто не мог объяснить, как человек в его состоянии смог просто подняться и уйти, не оставив даже тени сомнения. Адам сидел на краю кровати, тупой карандаш в его пальцах левой руки бездумно вращался, словно пытаясь выжать хоть каплю понимания из этой нелепой ситуации. Врачи утверждали, что ночью в больнице не было посетителей, следов взлома — ни единого. Камеры видеонаблюдения, казалось, ослепли — ни внутри, ни снаружи, ни на прилегающей территории. Аксель будто растворился в ночном тумане, не оставив за собой ничего, кроме пустоты.

Конечно, Адам знал, что люди не исчезают в никуда. Логика подсказывала лишь один вывод – похищение, дело рук профессионала, человека, знающего каждый свой шаг. Или же Аксель, вопреки всему, выбрался через окно и совершил отчаянное восхождение по больничной стене, но эта мысль казалась абсурдной, совершенно не в характере Стоуна. Нет, здесь явно что-то нечисто, и в палате Акселя должна быть зацепка, пусть даже самая крошечная, едва заметная.

Он кивнул своим мыслям, словно утверждая принятое решение. Быстро натянув черные спортивные штаны и любимую, выцветшую до темно-желтого цвета футболку, он отправился прямо в больницу, чтобы встретиться с командой криминалистов, которую уже прислал шеф О'Хара.

Необъяснимое предчувствие шептало ему, что сегодня его ждёт немало сюрпризов.

3

Штаб-квартира Синдиката
Пустыня Мохаве
3 апреля 2027 года

– Итак, дай-ка я убежусь, что правильно понял, – произнёс Аксель, чувствуя, как в груди нарастает смутное беспокойство. – Ты хочешь сказать, что, пока я четырнадцать лет пролежал в коме, я... стал другим?

Шива расплылся в зловещей ухмылке, подавшись вперёд. В его глазах плясали чертенята. – О, Аксель, это нечто гораздо большее. Ты стал... чем-то совершенно иным. Не просто другим – иным.

Аксель нахмурился, пытаясь ухватиться за ускользающие обрывки воспоминаний. События тех дней словно покрылись густой пеленой. Он помнил аварию, вихрь эмоций, когда в голове пульсировала мысль о гибели сестры, помнил, как терял контроль над машиной... а дальше – провал, шесть месяцев, вычеркнутые из памяти. – Я совершенно не понимаю, о чём ты говоришь.

– Конечно, – Шива кивнул, явно наслаждаясь замешательством Акселя. – Раздвоение личности – вещь сложная. Зачастую одна личность не подозревает о существовании другой. Это своего рода защитный механизм... если угодно.

– Раздвоение личности? – переспросил Аксель, всё ещё ощущая усталость после перелёта. Голос звучал хрипло. – О чём ты?

Шива открыл рот, словно собираясь выдать тайну, но тут же игриво улыбнулся, чуть склонив голову. – Знаешь, удивительно, что после стольких лет я только сейчас разгадал эту загадку... это был ты, Аксель. Всё это время ОН был тобой, прямо у нас под носом. Невероятно. Просто невероятно.

В голове Акселя бушевал хаос. Вопросы, сомнения, неуверенность – всё всплывало на поверхность, требуя ответов. Почему ему сообщили о смерти сестры в автокатастрофе, а спустя полгода, когда он очнулся, она стояла перед ним, улыбалась и утверждала, что произошла чудовищная ошибка?

Почему Адам всегда уходил от разговора, стоило Акселю заикнуться о тех "потерянных" шести месяцах? Говорил ли Шива правду? Действительно ли другая его сторона взяла верх, пока он был в коме? – Расскажи мне больше, – потребовал он.

Шива кивнул, довольный тем, что Аксель, наконец, заглотил наживку.

– Всему своё время, – произнёс он с лукавой усмешкой. – Сначала я хотел бы тебе кое-что показать. – Он взмахнул рукой, приглашая Акселя следовать за ним. – Пойдём со мной.

Он коснулся стены, обтянутой багровым бархатом, и панель, словно повинувшись невидимой команде, плавно отъехала в сторону. Аксель, заворожённый, последовал за Шивой по стеклянному коридору, под ногами и по сторонам которого раскинулся жутковатый пейзаж, напоминающий адский химический комбинат.

– Взгляни, – пророкотал Шива, выступая вперёд, – вот сердце, бьющееся прибылью Синдиката, и одновременно – безупречная маскировка для наших более... деликатных операций – облегчение страданий. Я постиг эту истину ещё во время службы в армии США, в пекле второй войны в Персидском заливе. Как утолить эту невыносимую жажду облегчения? Люди плетут небывлицы об ужасах химической войны. Но любой, кто прошел иракский ад, скажет тебе – "обычная" война многократно страшнее.

Масштаб зрелища поражал воображение. Аксель прикинул, что не менее пятисот душ трудились, словно муравьи, на сборочных линиях, перетаскивая сырьё к гудящим перегонным кубам и бешено вращающимся центрифугам.

– Когда перед глазами встают разорванные тела, лица, стёртые пулями, превратившими череп в кровавое решето... Когда видишь, как люди тщетно пытаются удержать вываливающиеся кишки и печень... тогда и приходит понимание всепоглощающей потребности в мгновенном избавлении от мук.

Они подошли к развилке стеклянной тропы.

– Там, в этих гигантских стальных чанах, из экстракта мака выжимают облегчение – обезболивающие, анестетики. Кодеин, дигидрокодеин, петидин, морфин... Список бесконечен. Часть продукции отправляется на Дальний Восток и в Австралию, часть – в Европу, кое-что оседает в России и Африке. А часть химикатов проходит дальнейшую обработку, превращаясь в порошки, жидкости, таблетки – в зависимости от прихотей местных рынков. Бренды и упаковка, конечно, разнятся от страны к стране, но исток у всех один – здесь. Все наши клиенты исправно переводят средства на офшорные счета, и никто не может контролировать всю цепочку. Иначе Синдикат давно бы рухнул под грузом разоблачений и долгов.

– А как же конкуренция? – с сомнением в голосе спросил Аксель.

Шива окинул его взглядом, полным превосходства. – Мы не просто конкурируем, мы доминируем. Наш секрет прост: себестоимость рабочей силы стремится к нулю.

– К нулю? – переспросил Аксель, не веря своим ушам.

— Именно. Они работают за бесценок, точнее, даром. Сброд, отбросы общества, бандиты, отсидевшие своё, — все они наркоманы. Двенадцать часов в сутки, без выходных, в обмен на дозу героина. Спят прямо здесь, в цеху, и преданы нам до гроба.

— Это ты их снабжаешь героином? — Аксель почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Шива расплылся в хищной улыбке. — Мы сами делаем им уколы, раз в день. Стоят в очереди, как малые дети, жаждущие сладкого. — Он хохотнул, наслаждаясь этой картиной. — Видел бы ты их лица!

Он отвернулся и сделал несколько шагов вглубь цеха. — А здесь, на этой стороне, мы производим сам героин. Знаешь, не так уж сильно отличается от производства таблеток, правда? Просто мы единственные в мире, кто додумался применить по-настоящему промышленные масштабы к этому... продукту. Это, в сочетании с нашими традиционными разработками, позволяет нам добиваться колоссальной экономии. Порошок, что выходит отсюда, производится с той же эффективностью, что и таблетки и жидкости, которые выпускаются в другом крыле фабрики. Одна партия отправляется в реанимации Чикаго и Мадрида, другая — в грязные переулки Парижа или в гетто Комптона. А что потом... — он пожал плечами, — как только я его продам, пусть травят его амфетаминами, крысиным ядом или гербицидами. Меня это не касается. Как только Синдикат подпишет контракт, я теряю всякий интерес к содержимому пакетов.

Рабочие, согбенные, одетые в одинаковые серые робы, трудились всего в нескольких метрах от них. Каждый мужчина и каждая женщина были поглощены работой, особенно сейчас, когда чувствовали приближение надзирателя с электрошоковым хлыстом в одной руке и огромной овчаркой, готовой сорваться с поводка, в другой.

Акселю было тяжело смотреть на Шиву, на его иссиня-чёрные волосы и демоническую целеустремленность, застывшую в глазах. Он казался существом из другого мира, недостижимым, запертым в башне из собственных пороков, где обычные человеческие заботы были бессильны его затронуть или ослабить.

— Это отвратительно, — его голос прорезал тишину.

— Это прибыльный бизнес, — невозмутимо парировал Шива. — А эти панки... они всего лишь отбросы.

— Они и так обречены. Мы лишь дарим им немного больше времени. А в конце смены их ждет развлекательное представление. Вот увидишь. Пойдём, сейчас мы вернёмся в мой кабинет.

В комнате с багровыми стенами Шива уселся за стол. Нажав на потайную кнопку, он привел в движение панель за спиной, и перед ним открылась панорама заводского цеха. — Иногда я люблю наблюдать за ними, — произнес он с кривой усмешкой. — Чтобы видеть, как куётся наше благосостояние.

Скрыв вновь вид на цех, он развернулся на стуле к Акселю.

— Зачем ты мне это показываешь? — хрипло спросил Аксель.

Шива облизнул губы. — Потому что операции Синдиката по борьбе с наркотиками чем-то напоминают твою деятельность, Аксель. У нас есть уважаемый фармацевтический бизнес, на который никто и никогда не бросит тень подозрения. Точно так же, как существует Аксель Стоун, бывший полицейский, легендарный мститель, детектив-герой. Но есть и другая сторона, та, что прячется в тени, окутанная мраком и секретами, зловещая сторона. Она есть и у тебя, Аксель. И имя ей... Энигма.

Аксель судорожно сглотнул. — Что произошло со мной, когда я впал в кому четырнадцать лет назад? — вопрос сорвался с губ почти как мольба.

— Если позволишь, — протянул Шива, — я продолжу наш рассказ. И так, на чём мы остановились?

4

Третья База Синдиката
В 110 милях от побережья Калифорнии
28 марта 2013 года

Два стража, словно каменные изваяния, по обе стороны двери, склонили головы в безупречном приветствии, увидев приближающегося Леона Шиву. В их взглядах читалось безошибочное узнавание — перед ними была правая рука Синдиката.

Шива ответил мимолётным кивком, не позволяя себе задержаться ни на миг. Он уважал этих солдат, рекрутированных в ряды Синдиката из самых разных уголков мира, уважал и Босса. Но сенатор Джордж Ксетеус, более известный как мистер Икс, не славился своим терпением.

Звонок от Мистера Икс, призвавший Шиву в его кабинет для срочного доклада о состоянии проектов «Теневой Руки», главным куратором которых он являлся, раздался около двадцати минут назад. И хотя Шива был безгранично предан Иксу, в момент звонка он был занят... весьма щекотливым делом.

Его возлюбленная, Ева Эльль, известная в определенных кругах как Электра, обезумев от кокаинового опьянения, преследовала его с яростью дикой кошки, издавая нечеловеческие вопли, достойные амазонской воительницы. Шива подумал, что десять минут не сыграют роли, но они превратились в отчаянный спринт через всю базу, лишь бы успеть предстать перед Иксом до того, как гнев коррумпированного сенатора достигнет точки кипения.

Войдя в кабинет, Шива увидел Мистера Икс, встречавшего его с отеческой улыбкой, будто и не было никакого опоздания.

— Леон, — произнёс Икс, протягивая пухлую, холеную руку.

Шива пожал её, с трудом сдерживая отдышку.

— Вы вызывали меня, сэр?

Икс указал на один из двух дешёвых пластиковых стульев, стоявших напротив массивного стола. Шива опустился на него.

— Да, мне необходим свежий отчет о проекте HS. Некоторые из наших новых инвесторов испытывают беспокойство и требуют информации о ходе реализации.

Шива кивнул, собираясь с мыслями.

— Как выяснилось, сэр, проект развивается более чем успешно. Завод по клонированию в Филадельфии работает на полную мощность, и на данный момент выращено двести экземпляров.

— А что с «Первой»? — прозвучал вопрос Икса, в прищуренных глазах читалось нетерпение.

— По нашим прогнозам, полная интеграция завершится в течение двух лет. Это на год опережает первоначальный график.

Мистер Икс расплылся в довольной улыбке. — Прекрасные новости, Леон. — Он одобрительно кивнул. — Да, полагаю, это успокоит наших нервных инвесторов.

— Простите, сэр, но почему у этих инвесторов вообще должны быть поводы для беспокойства? Неужели они вам не доверяют?

— Как я уже говорил, они новички в этом бизнесе, — с досадой произнёс Икс. — И, как все новички, которых мы привлекаем в организацию, они панически боятся разоблачения «Теневой Руки». Кажется, они меня недооценивают.

Шива склонил голову в знак согласия. — Вы в этом деле почти тридцать лет. Каждый президент, от Рейгана до Обамы, был не более чем пешкой в вашей игре. Ваше влияние на внутреннюю и международную политику невозможно переоценить. Оно колоссально.

— Действительно. — Икс выдвинул ящик стола и извлёк оттуда пару кубинских сигар. Одну он предложил Шиве, тот молча принял дар. Икс достал из кармана позолоченную зажигалку Zippo, ловким движением обрезал кончик своей сигары и прикурил, выпустив плотное облако сизого дыма. Шива принял зажигалку и повторил его действия.

Некоторое время они сидели в тишине, наслаждаясь терпким ароматом дорогих сигар и чувством удовлетворения от собственных достижений. Это была одна из немногих вещей, которая, как знал Шива, доставляла истинное удовольствие мистеру Иксу, когда тот не был поглощён своей грандиозной, длиною в жизнь, одержимостью мировым господством. В этот момент в нём проглядывало что-то человеческое, в человеке, которого многие считали воплощением зла. Пусть даже для большинства обывателей это было всего лишь проявлением его порока.

Икс откашлялся, отчего в воздухе повисла густая тишина. Лицо его омрачилось, словно предгрозовое небо.

— Кстати, Шива, как там наши финансы? В последнее время я погряз в делах, не до счетов. Держимся на плаву?

Шива склонил голову в знак согласия.

— Более чем. Боюсь назвать точную цифру, но состояние Синдиката сейчас вполне сопоставимо с ВВП средней западной страны. И это после последнего транша для полиции Лос-Анджелеса и прочих «благотворительных» взносов.

— Раз уж зашла речь о... благотворительности, — протянул Икс, давя кончик сигары в хрустальной пепельнице, сверкавшей на краю стола. — Как поживает наша новая «жемчужина», мисс... Тина Стоун?

— Спротивляется генной терапии, сэр. Но Онихиме и Яша работают над этим. Следует понимать, это terra incognita. Нужно время. Как только она осознает, что помощи ждать неоткуда, думаю, станет... более покладистой. Онихиме и Яша уверяют, это временная заминка.

— Хорошо, хорошо. Кстати, о новых приобретениях... на мексиканской границе объявился весьма перспективный молодой человек по прозвищу Энигма. За последние недели он наделал немало шума в новостях...

Шива вновь кивнул.

— Мятежник, устроивший кровавую баню и развязавший войну между картелями? Да, я в курсе.

— Я хочу, чтобы ты нашёл его и привлёк на нашу сторону. Рудра занята поиском «волонтеров» для прототипа Робота Икс, иначе отправил бы её. Найди Энигму и доставь его ко мне. Если будет артачиться — убей. Он либо с нами, либо мертвец.

Шива выпрямился, отсалютовал и склонил голову в знак почтения.

— Как прикажете, сэр.

Он развернулся, чтобы уйти, подавляя любопытство — что же босс задумал с этим сомнительным рекрутом.

Государственная граница между США и Мексикой
29 марта, 02:50

Над чернильной бездной Мохаве, пилотируя F-1000 — призрак среди машин — Шива ускользал от электронных глаз радаров. Синдикат, словно паук, плёл сеть из сотни смертоносных мотыльков — компактных трёхместных истребителей, рождённых для стратосферных высот и скорости в пять Махов. Эти хищники, щедро осыпанные ракетами, пулемётами и, шёпотом, даже ядерным арсеналом, были венцом тактической мысли, плодом гения беглых учёных НАСА, проданных Синдикату. Несмотря на скромные размеры, они

являли собой воплощение универсальности, а их истинным козырем была не только технология "стелс", но и завораживающее "электромагнитное мерцание". Тысячи микроскопических линз играли со светом, создавая мираж прозрачности, обманывая даже опытный глаз, пусть и всего на несколько часов.

Шива пронзал безмолвие Соноры, скользя вдоль серебряной нити Рио-Гранде, прежде чем резко свернуть к западным землям Нижней Калифорнии. Сколь бы могущественными ни были технологии, этот путь оставался самым безопасным способом переступить границу Мексики. Прямой полёт из Сан-Диего – это игра в рулетку с бдительным пограничным патрулём и неусыпным оком СМИ, жадно снимающих документальные фильмы о нелегальной иммиграции. Нет, для Синдиката скрытый полёт через пустыню, несмотря на его стоимость, был оправданным риском.

На подступах к Тихуане, в изумрудном море кукурузных полей, Шива развернул F-1000 и бесшумно приземлился на краю, заставив высокую траву затрепетать под шёпот двигателей. Ночь пала густой, непроницаемой завесой, а кораблю оставалось лишь четыре часа, чтобы оставаться невидимым – достаточно, чтобы завершить миссию и вернуться в воздушное пространство США, прежде чем пробудить подозрения бдительных глаз многочисленных агентств, несомненно, зорко следящих за этим регионом. Он заглушил двигатели, распахнул люк и спрыгнул в заросли, словно призрак, его взгляд уже сканировал местность, оценивая ситуацию с земли.

Довольный ускользнувшей тенью, он мерно зашагал на запад, к горному перевалу. Лунный свет высекал из горы зловещий силуэт, бросая колдовскую тень на окрестности. Переходя от шелковистой травы к сухому шёпоту пустынного песка, Шива наслаждался возможностью размять застоявшиеся кости. Целая вечность прошла с тех пор, как он последний раз дышал вольным воздухом, с тех пор, как его отправляли на опасное задание от имени мистера Икс. Именно этой опасности, этой будоражащей кровь круговерти так жаждала душа Шивы. Она служила жестоким напоминанием о его бренности, его смертности, его уязвимости. Сознание того, что смерть может подкрасться в любой момент, если он хоть на секунду потеряет бдительность, вызывало пьянящий выброс адреналина, которого он не мог найти ни в чём другом, и уж тем более не в рутинной работе председателя Комитета по надзору Синдиката. И пусть его обязанности на этом посту были чрезвычайно важны, уступая лишь титаническому труду самого мистера Икс, они никогда не могли сравниться с волнением от возможности замарать руки, применить свои отточенные навыки и бесценный опыт на деле, достичь цели лично, наверняка, не полагаясь на чужую волю.

Конечно, когда Шива только вступил в ряды Синдиката в 2005 году, большая часть его ранней работы проходила в полевых условиях, где он беспрестанно доказывал свою ценность мистеру Икс, который нанял его за врождённую способность доводить дело до конца, невзирая на цену. Шива был солдатом, прошедшим ад Ирака, и однажды, открыв огонь по безоружным гражданским лицам во время миссии в Багдаде, он сумел уничтожить нескольких подозреваемых в терроризме, избавив всех от утомительной и мучительно долгой процедуры переговоров и допросов. Впрочем, изначально он не собирался поступать именно так...

...он попросту потерял голову, узнав о гибели своей семьи в Японии от рук Zeed, но, как оказалось, он был именно тем человеком, которого так долго искал сенатор Джордж Ксетеус. Шива предстал бы перед судом за свои действия в тот роковой день, если бы не вмешательство мистера Икс. Шива чувствовал, что обязан этому человеку жизнью.

Теперь выполнение подобных заданий в основном лежало на плечах таких, как Рудра и других матёрых убийц Синдиката, но редкие вылазки Шивы в поле дарили ему ощущение освобождения, своего рода возвращение к истокам, что было так необходимо мужчине в самом расцвете сил – и именно это делало Революцию Икс столь всеобъемлющей.

Шиве потребовалось всего несколько минут, чтобы добраться до подножия горы. Не теряя времени, он легко вскарабкался на первый каменистый склон, направляясь к черному зев пещеры, что зияла перед ним, словно пасть рока. По данным шпионов Синдиката, действующих в этом районе, именно в этой сети пещер скрывался Энигма, прячась от мексиканских властей. Помимо представителей закона, на его след вышли по меньшей мере три мексиканских наркокартеля, хотя Шива пока не знал, чем именно он смог так сильно их разозлить.

Стены пещеры, изъеденные скальной болезнью, источали влагу, словно оплакивая заточение в недрах горы. В смрадном воздухе витал запах навоза, а у ног сновали юркие скорпионы, заставляя Шиву танцевать танец осторожности. В этом забытом богом месте ядовитый укол мог стать смертным приговором.

Пещерная утроба, извиваясь, пожирала свет, уводя вглубь каменного чрева. На перекрёстках туннелей Шива, словно слепой, полагался на интуицию, отмечая свой путь мерцающими сигнальными ракетами, словно крошками хлеба, чтобы не заблудиться в лабиринте навсегда.

Чем дальше он проникал в сердце горы, тем гуще стучалась тьма и тяжелее становилось дыхание. Атмосфера давила свинцовой плитой, зарождая сомнения: не сбился ли он с пути?

После долгих сорока минут блужданий Шива рухнул на скользкий каменный выступ, отбрасывающий призрачные блики в темноте. Скинув рюкзак, он прижал к груди фонарик, словно последнее утешение.

Успокоив бешеное сердцебиение, он заметил, как его горячее дыхание превращается в призрачные облачка в луче света, напоминая о неумолимо падающей температуре. Закрыв глаза, он собрался с духом и обратился к древней технике медитации, завешанной отцом.

Внезапно ледяное жало коснулось его горла, а стальная хватка сомкнулась на шее. Открыв глаза, Шива увидел, что окружён. Проклиная свою потерю бдительности, он оказался во власти тени, сжимающей смертоносный клинок.

– Кто ты? – прошипел голос, сотканный из мрака.

Шива набрал в грудь воздух.

– Я друг. Я пришёл с предложением. Вы тот, кого называют Энигма?

Сталь холодно впилась в шею Шивы, невидимая тень надавила еще сильнее, выпуская багровую струйку.

– Как ты меня выследил? – прозвучал приглушённый, настойчивый голос.

В голове Шивы вихрем проносились мысли. Сейчас каждое слово – его жизнь. Ему предстояло сплести сеть лжи и полуправды, где каждый слог должен быть выверен до предела.

– Я представляю организацию, чьи щупальца опутали каждый уголок мира, каждую фракцию, каждую отрасль промышленности и науки. Международный преступный Синдикат. Для нас не составило труда найти вас, учитывая наши безграничные ресурсы... Но поверьте, я не враг вам. Я пришёл как друг...

Давление ножа, казалось, чуть ослабло.

– Кто тебя прислал?

– Босс Синдиката. Человек, которого мы называем «Мистер Икс». У него есть для вас предложение, от которого, я думаю, вы не сможете отказаться.

Шива почувствовал, как острие, до этого угрожавшее его жизни, отстранилось, и резкий толчок в спину выбил из него дыхание. Мгновенно придя в себя, он обернулся лицом к своему таинственному мучителю.

Перед ним стоял юноша, на вид не старше двадцати одного года, по сравнению с Шивой – почти мальчик. Светлые волосы обрамляли бледное, измученное лицо, испещрённое жуткими шрамами и отёками. Казалось, он пережил крушение поезда. Один глаз скрывала повязка, а одежда, некогда дорогая, теперь была изорвана и обуглена по краям, открывая взору крепкие, мускулистые руки и торс. Шива не сомневался, что этот юноша – опытный боец. Акцент выдавал американца, что-то похожее на калифорнийский говор, но Шива не был уверен.

– Говори, – приказал незнакомец.

– Сначала скажи, ты – Энигма? – потребовал Шива.

Юноша кивнул.

– Да, меня стали так называть. Ты же так и не представился.

Шива сдержанно кивнул.

– Леон Шива. Рад знакомству, Энигма, хотя начало и не задалось.

Энигма вперил в него испытующий взгляд, и секунда, казалось, длилась целую вечность. Наконец, он нарушил тишину:

– Что это за предложение ты принёс, Леон Шива?

— Это предложение словно выковано по мерке твоих исключительных талантов, — прозвучал голос Шивы, бархатный и уверенный. — И я клянусь, воздаяние превзойдёт самые смелые мечты. Загляни в мой рюкзак, он у твоих ног, ждёт тебя.

Энигма, насторожённый, как дикий зверь, перевёл взгляд на потертую сумку. Клинок ножа по-прежнему хищно поблескивал в его руке. Медленно, словно крадучись, он опустился на колени и, затаив дыхание, расстегнул молнию. Внутри, словно сокровище пирата, теснились аккуратные стопки хрустящих стодолларовых купюр.

— Миллион долларов, друг мой, — прошептал Шива, и в голосе его звенела неприкрытая гордость. — И это лишь аванс.

По внезапно вспыхнувшему, неистовому блеску в глазах Энигмы Шива понял: сомнения рассеялись, решение принято. Сделка состоялась.

5

Полицейское управление Лос-Анджелеса
15 апреля

Проблема с должностью начальника полиции в этом городе была подобна проклятию, тяжкому бременю, который раздавливал совесть. Особенно, если ты, как Уильям О'Хара, был марионеткой в руках синдиката мистера Икс. Это было вопиющее противоречие, трагический парадокс. Когда-то он искренне верил в справедливость, в то, что может принести мир на улицы этого погрязшего в пороке города. Мечтал о времени, когда простые люди смогут спокойно гулять ночами, не боясь стать жертвами грабежа, насилия, жестокости или смерти. Именно эта мечта привела его на службу в полицию, закалила волю и помогла взлететь на вершину полицейской иерархии, чтобы возглавить департамент большого Лос-Анджелеса.

Но теперь... Теперь он купался в грязных взятках, щедро отсыпаемых преступным Синдикатом — той самой силой, против которой он когда-то поклялся бороться. Наркоторговля, вымогательство, рэкет, похищения, нелегальное оружие, убийства и даже шепотки об аморальных экспериментах — всё это финансировалось деньгами, текущими рекой в его карманы. Он предал всё, во что верил, растоптал свои принципы, продал друзей и, что самое страшное, предал самого себя.

"Трус", — пронзила его сознание мысль, словно ледяной кинжал. "Подлый, грязный трус". Причина его предательства была проста и ужасна — личная выгода. Не только угроза жизни его жены и детей заставляла его содрогаться от страха. Он отчаянно нуждался в деньгах, и мистер Икс был готов платить щедро, пока Синдикат мог беспрепятственно творить свои тёмные дела под надёжной защитой продажного начальника полиции. После глобального кризиса, обрушившегося на финансовые рынки, О'Хара погряз в отчаянии. Стоимость его дома рухнула, пришлось продать семейный внедорожник, чтобы хоть как-то сводить концы с концами.

Он с ужасом обнаружил, что считает каждую копейку, урезает расходы, словно его зарплаты – одной из самых высоких в Калифорнии – едва хватало на жизнь.

Когда мистер Икс предложил ему первый миллион, жажда этих столь необходимых денег затмила все сомнения и угрызения совести. Оглядываясь назад, он понимал, как низко пал, как превратился в лицемерного, коррумпированного полицейского, заслуживающего пожизненного заключения. Но... Синдикат был слишком могущественным, слишком влиятельным. Он гарантировал ему защиту, позволяющую сохранить своё положение на неопределенно долгий срок. Он словно угодил в дьявольскую ловушку, из которой нет спасения, только смерть.

Он вошёл в комнату, где уже собрались его коллеги. В полумраке выделялись знакомые лица – верные капитаны Джонс и Дэвис, всегда собранный сержант Гутьеррес, и даже тень сержанта Хантера, всё ещё хранящая на себе печать растерянности и мрачной скорби после исчезновения его напарника, сержанта Стоуна, словно растворившегося в стенах больницы.

Около тридцати офицеров – каждый из них, казалось, нёс на плечах груз непосильной усталости. Встретив его взглядом, они поднялись, и он почувствовал, как напряжение повисло в воздухе, густое и осязаемое, словно туман.

– Присаживайтесь, – произнёс он, стараясь придать голосу уверенность.

Папка с документами легла на массивный дубовый стол, возвышавшийся в передней части комнаты. Он открыл её, достал несколько листов бумаги и слайды, разложив их с подчеркнутой аккуратностью. Из кармана появилась пачка «Мальборо».

Резким движением зубов он вырвал сигарету, прикурил от зажигалки, плясавшей в руке нервным огоньком.

Первая затяжка прокатилась по телу волной облегчения, глаза на мгновение прикрылись от никотинового удовольствия. Затем, не говоря ни слова, он нажал скрытую кнопку на стене, и потолочная вытяжка ожила с тихим жужжанием, жадно поглощая клубы дыма.

– Знаю, здесь курить нельзя, – проговорил он, нарушая тишину. – Но утро выдалось... хуже не придумаешь. Телефон обрывают из мэрии и из «Лос-Анджелес таймс». Похоже, ситуация перестала быть нашей маленькой тайной. Так что перейдём сразу к делу.

Он подхватил слайд, сделал несколько шагов к проектору, вставил его и включил устройство. В дальнем конце комнаты, словно сминая остатки дня, кто-то резко дернул шнур, обрушив жалюзи и заточив помещение в полумрак. На проекторе вспыхнули шесть чётких изображений: беззаботные улыбки, вполне уместные в ежегодном альбоме выпускников колледжа, теперь смотрели в упор, не тая злобшей иронии.

– Как вам известно, за последнюю неделю наш город сотрясли шесть взрывов, каждый из которых обладал мощностью, достаточной, чтобы обратить в прах здание вместе со всеми его секретами, включая любые улики, способные

вывести нас на преступника. Теперь мы понимаем, что эти, казалось бы, хаотичные всплески насилия объединены общей нитью: их целью были высокопоставленные сотрудники ФБР. Бюро предоставило мне список павших агентов, который сейчас перед вами.

— Итак, с чем мы имеем дело, сэр? — прозвучал вопрос из толпы. — С жадой мести к ФБР в целом, или с чем-то более организованным? Более... адресным?

О'Хара глубоко затянулся сигаретой, отправляя пепел в свободное падение на ковер. Работа приобретала вкус пепла у него во рту. Он знал, с леденящей уверенностью знал, что за этими убийствами стоит Синдикат — каждый из погибших агентов ФБР рыл землю в попытке выследить и разоблачить эту организацию. Но ему платили — точнее, его шантажировали — за то, чтобы он хранил эту информацию под замком и защищал интересы Мистера Икс. Тот факт, что эти... казни... получили столь широкую огласку, вызывал у него глубокое сожаление. Два выстрела в темноте, и всё можно было бы замять. Но шесть взрывов за неделю? Пресса уже вовсю трубила о террористах... и, в каком-то смысле, была права. Теперь перед О'Харой стояла почти невыполнимая задача: лавировать между необходимостью сбить следствие с пути Синдиката и видимостью добросовестного исполнения своих обязанностей в качестве начальника полиции, стремящегося к справедливости в отношении зверски убитых агентов ФБР. Просто еще один обычный день для него, только в масштабе, способном похоронить под собой.

— Похоже, мы имеем дело с очередным волком-одиночкой, терроризирующим город без видимой системы, — произнёс О'Хара, и ложь скользнула с его губ так же легко, как дым от сигареты. — ФБР установило личность террориста по записям камер видеонаблюдения, но его настоящее имя пока остается неизвестным.

Он сменил слайд, и на экране возникло зернистое изображение, выхваченное из ночной тьмы камерой наблюдения. Человек бежал по парковке, словно за ним гнались демоны. Это было реальное доказательство, предоставленное федералами, которое О'Хара был вынужден использовать. Но правда была горькой пилюлей: на снимке был запечатлён Энигма, агент Синдиката.

ФБР, словно слепой пёс, по-прежнему рыло землю в поисках следов преступной организации. О'Хара понимал, что должен сыграть свою партию безупречно, чтобы уладить ситуацию. Мистер Икс великодушно разрешил использовать это изображение, пока он "разбирался" с проблемой в штаб-квартире ФБР в Вашингтоне. О'Хара не сомневался: скоро там случится взрыв, пожар или чье-то внезапное удушение. Убийцы Икса работали с хирургической точностью.

Адам Хантер нахмурился, разглядывая изображение. Неуловимое сходство между бегущим человеком и его напарником Акселем Стоуном терзало его сознание.

— Он чем-то напоминает Акселя, — пробормотал он, словно вслух озвучил крамольную мысль.

О'Хара кивнул, слегка озадаченный этим сравнением. Он затушил окурок о подошву ботинка и произнёс с нарочитой небрежностью:

— Да, есть что-то общее, не так ли? Но, судя по всему, этот тип известен под псевдонимом Энигма. Радикал, смутьян, в последний раз его видели на границе с Мексикой, где он плёл интриги с местными наркокартелями. На данный момент мы не располагаем дополнительной информацией о его личности, но он, без сомнения, вооружён и крайне опасен. Я хочу немедленно опубликовать отчёт со всей доступной информацией, чтобы попытаться пресечь его передвижения, пока он не нанёс ещё один удар.

— Мы координируем эту операцию с ФБР, сэр? — уточнил капитан Дэвис.

О'Хара подтвердил кивком:

— Разумеется. Поддерживайте связь с их агентами, обменивайтесь информацией, делайте всё необходимое, чтобы остановить этого террориста. Хорошо, все свободны. За работу, господа, за работу.

Полицейские, словно призраки, растворялись в дверном проёме, унося с собой клубы невысказанных вопросов. О'Хара нутром чуял их немой укор, но сейчас был не готов развернуть перед ними полотно лжи. Он знал: стервятники мистера Икс уже кружат над местом преступления, заматая последние следы. Ни единой ошибки, ни малейшей оплошности он допустить не мог. Выжидая, словно хищник, О'Хара готовился озвучить для прессы заранее заготовленную басню, цементируя сделку, ценой которой была его собственная душа.

Он чувствовал себя измазанным грязью, каждое слово лжи оседало камнем на сердце. "Боже, прости меня, — молил он беззвучно, — за то, что я вынужден делать. Пусть это свершится... ради моего будущего счастья."

Когда последний офицер покинул помещение, в кабинете остался лишь Адам Хантер. — Сэр, есть какие-нибудь новости? — спросил он, и в голосе его звучала неприкрытая надежда. О'Хара покачал головой, и в этом движении была искренняя скорбь. — Боюсь, что нет, Адам.

Он видел, как молодого новобранца до сих пор терзает исчезновение Акселя; это событие наложило неизгладимый отпечаток на весь отдел. Отсутствие малейшей зацепки, хоть какого-то объяснения произошедшему, лишь добавляло горечи.

— Мы работаем над этим, поверь мне. Мы не сдадимся. Мы вернём сержанта Стоуна живым и невредимым. Просто нужно немного терпения.

Адам кивнул, но в глазах его по-прежнему плескалось отчаяние. — Сэр, я хочу присоединиться к поисковой группе, если это возможно. Мы с Акселем прошли через многое вместе. Я знаю, что, окажись я на его месте, он бы перевернул землю, чтобы меня найти.

— Я понимаю тебя, Адам, — произнёс О'Хара, похлопав его по плечу. — Но этим делом уже занимаются лучшие из Бюро пропавших без вести и спецназ. Он в надёжных руках. Ты мне нужен в деле Энигмы. Прости.

Адам покорно кивнул и вышел, вслед за остальными.

О'Хара проводил его взглядом, а затем снова уставился на зернистое изображение, на котором застыло лицо Энигмы.

И действительно, тот был почти полной копией Аксея Стоуна.

Штаб-квартира ФБР
Вашингтон, округ Колумбия
20:55

В конце рабочего дня Джон Марлинг, помощник директора ФБР, с привычной тяжестью сложил документы в кожаный портфель и щелчком закрыл кабинет. За окном уже дышал ночной холод, заставляя набросить на плечи плащ и плотнее закутаться в мягкий кашемировый шарф цвета старой листвы. Простившись с уставшей секретаршей, он направился к мерцающему порталу лифта.

Спуск в утробу цокольного этажа прошел в тягучем молчании. Вечерняя парковка, обычно гудящая жизнью, замерла в полумраке, лишь редкие огни дежурной смены прорезали густую тьму. Цифры над головой медленно сменяли друг друга, отсчитывая секунды: 5...4...3...2...1... С тихим вздохом облегчения лифт коснулся земли, и механический голос эхом разнесся по пустому пространству: «Лифт прибыл на цокольный этаж. Парковка».

Джон вздохнул, предвкушая тепло домашнего очага и тихий ужин в компании жены, мечтая забыть о напряжении прошедшего дня.

Ступая по пустынной парковке, он машинально проигнорировал зловещую тишину, царящую здесь. Не заметил он и мёртвый взгляд неработающих камер видеонаблюдения. Будь он внимательнее, заметил бы аккуратно перерезанные провода, змеями повисшие у стены, но усталость пеленой застилала его разум. Он списал всё на обычные технические неполадки, нередкие в последнее время.

Однако гнетущая тишина, казалось, давила на него, вызывая смутное беспокойство. Подойдя к своей машине, он остановился, на миг ощутив на себе чужой взгляд. Отмахнувшись от навязчивой мысли, он открыл дверь и скользнул на водительское сиденье.

Уже пристегнув ремень безопасности, он бросил взгляд в зеркало заднего вида и замер. На заднем сиденье, словно тень, притаилась темноволосая женщина. В её тонких руках зловеще поблескивал пистолет с глушителем.

— Рудра, — прошептал он, узнав лицо безжалостной убийцы из списка самых разыскиваемых ФБР. — Значит, ты пришла за мной...

Джон не успел договорить. Два сухих хлопка разорвали тишину.

Пули вошли в основание черепа, пробив его насквозь и оставив аккуратные дыры в лобовом стекле. Тело Марлинга, мгновенно лишённое жизни, бессильно рухнуло на руль, заставив его взвыть предсмертным криком. Из зияющей раны во лбу, размером с мяч для гольфа, струилась тёмная кровь, а застывшие глаза смотрели в пустоту с ужасающим безразличием.

Мгновение спустя задняя дверь автомобиля бесшумно открылась, и Рудра растворилась в темноте, словно ночной кошмар.

6

Оуквуд, «Город-призрак»
Район Венис-Бич, Лос-Анджелес
19:31

"Не каждый день увидишь такой муравейник вокруг полумёртвой фабрики на задворках Лос-Анджелеса", – промелькнуло в голове Адама Хантера, когда полицейская машина прижалась к тротуару. И уж точно не каждый день полиции Лос-Анджелеса доводилось плясать в одной упряжке с ФБР, выслеживая террориста, окрещённого "Энигмой", чьи бомбы сеяли панику по всему городу. Сердце бешено колотилось о кевларовый панцирь бронезилета, наспех натянутого в машине. Глубокий вдох – нужно унять чертову дрожь, прежде чем вывалиться из машины в этот кипящий котёл.

Окинув взглядом развернувшуюся панораму, Адам почувствовал, как к горлу подступает тошнота – предчувствие беды пульсировало, словно раскаленный уголь.

– Ни минутой раньше, – буркнул Гутьеррес, выбираясь из-за руля.

По периметру фабрики, словно хищники в засаде, застыли не меньше дюжины полицейских машин, а рядом с ними оцетинились антеннами полдюжины черных седанов ФБР. У восточного и западного крыла замерли два бронированных бегемота спецназа, чьи обитатели, казалось, уже мысленно проигрывали штурм. В воздухе висела густая смесь напряжения и лихорадочной подготовки. Больше сотни глоток закона, готовых сорваться с цепи. Для убедительности притащили даже крупнокалиберную зажигательную пушку, одолженную у военных. Немного чересчур, учитывая, что их целью был всего один человек, но лучше перебдеть, чем потом расхлёбывать последствия. "Энигму" засекли в этом прогнившем промышленном чреве всего три часа назад. Его силуэт мелькнул у входа в объектив вертолёт, назойливо кружившего над головой и транслировавшего всё происходящее в прямом эфире CNN. С тех пор он словно растворился в воздухе, что, по общему мнению, означало лишь одно: он всё ещё внутри, затаился, как крыса в норе. Конечно, существовала призрачная вероятность наличия секретных подземных туннелей, но она казалась ничтожной, учитывая особенности фундамента здания.

Никто из собравшихся у заброшенного завода сотрудников правоохранительных органов не представлял, что их ждёт за его стенами. Чертежи предприятия канули в лету вместе с банкротством автомобильного гиганта, когда-то владевшего этими цехами. Лишь благодаря отрывочным сведениям, добытым ФБР у бывшего сотрудника, влачившего свой век неподалёку, удалось составить приблизительную схему. Это было шаткое подспорье, но лучше, чем кромешная тьма неведения.

Адам и сержант Гутьеррес торопливо пробирались сквозь скопление людей, спеша присоединиться к шефу О'Хара, возглавлявшему тщательно отобранную группу первого эшелона. Сейчас шла финальная проверка амуниции.

— А, вот и вы, — с облегчением произнёс О'Хара. — Я уж думал, ваше сообщение затерялось в городских джунглях.

— Простите за задержку, сэр, — произнёс Адам, встраиваясь в шеренгу. — Застражили в пробке.

О'Хара кивнул, окинув взглядом строй, удовлетворённый тем, что большую часть необходимого удалось втиснуть в машину.

— Ну, раз уж вы здесь, заканчивайте приготовления. Вы как раз вовремя. Через пять минут первая группа уходит.

Адам кивнул, ощущая прилив готовности.

Ровно в 19:45 команде был отдан приказ выдвигаться. Они приблизились к заднему входу фабрики — массивной грузовой двери с механизмом подъемного затвора. В томительном ожидании, пока спецназовец копался с замком, Адам крепче прижал к груди свою «Беретту», с тоской вспоминая об автоматической штурмовой винтовке Р90, которой были вооружены агенты ФБР. Он был отличным стрелком, выбивающим мишени из своего штатного полицейского пистолета, но с тем ни с чем не сравнимым чувством уверенности, которое дарит сталь пулемёта, готового извергнуть смертоносный ливень, ничто не могло сравниться. Сейчас же, с пистолетом в руке, он чувствовал себя до странного уязвимым.

Пистолет, невесомый в руке, дарил обманчивое чувство контроля. Стыд за участие в этой грязной игре разъедал его изнутри сильнее обычного.

Три года в полиции Лос-Анджелеса должны были закалить его, притупить остроту ощущений, но тщетно. После каждого рейда в душе оставалась кровоточащая рана. Ветераны, чьи лица испещрены морщинами, как карта пережитых кошмаров, утверждали, что страх — неизменный спутник, с которым не расстаться никогда. Неизбежность.

Замок поддался, со скрежетом отворив пасть фабрики. Офицер впереди пригнулся, впуская внутрь тьму, густую, словно пыль веков. Коридор, поглощённый мраком, уходил за угол, маня неизвестностью.

Всполохи тактических фонарей на пистолетах полоснули темноту. Команда, словно единый хищник, крадучись, вошла внутрь. Оружие на взводе. Прошли дверной проём, миновали первый поворот.

— Вперёд, вперёд, вперёд, — хрипло прошипел командир.

Адам, стирая с лица предательский пот, скользил взглядом по унылым табличкам на облупленных стенах:

«ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД...»

«ОСТОРОЖНО, АСБЕСТ В ОБОЛОЧКЕ...»

«ДОСТУП ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА...»

Луч фонаря дрожал, выхватывая из тьмы обрывки реальности. Стальные трубы, выкрашенные в тревожный красный цвет, отбрасывали причудливые тени, танцующие в такт его сердцебиению. Звук нарастал, превращаясь в утробное ворчание механизма, похороненного глубоко в недрах фабрики.

Отборный отряд из пятнадцати человек – полиция, спецназ, ФБР – не останавливался, продолжая двигаться вперед, к эпицентру шума. Добравшись до главного корпуса, первого из четырёх производственных этажей, стало ясно: заброшенная фабрика хранила не только пыль и забвение.

Вспыхнули десятки голубоватых ламп, заливая помещение зловещим люминесцентным светом. Пол устлала ряды мерцающих ёмкостей: прозрачные акриловые резервуары соседствовали со стальными контейнерами, бурлящими фиолетовой слизью. Хитросплетение проводов и трубок связывало их с компьютерами и мигающими устройствами, создавая впечатление безумного научного алтаря.

Между рядами резервуаров теснились столы, заваленные штативами с пробирками, распечатками компьютерных анализов, исчерканными научными формулами, наспех выведенными шариковой ручкой.

Сцена казалась кошмарным видением, вырванным из больного воображения. Адам был ошеломлён. Что здесь происходит? Что задумал "Энигма"? Он машинально поднял одну из распечаток, мелькнувших в руках связного, и вперился в строку:

"Геном Спарка идентифицирован! Экстракция назначена на 01.04.13. Онихиме санкционирует T/789."

Что это значит?

Генетические эксперименты.. безумные опыты.. но над чем? Адам чувствовал себя слепым котёнком, заблудившимся в лабиринте высоких технологий. Он не был учёным, да и сомневался, что кто-либо из его команды сможет разгадать эту дьявольскую головоломку.

Внезапно ведущий вскинул руку в перчатке, сжатую в предупреждающий кулак. Отряд замер, лучи фонарей осторожно ощупывали мрак, проникая в каждый угол. Впереди, сквозь гул машин, пробился призрачный звук – далёкий, но отчётливый женский плач. Адам нахмурился, прислушиваясь, и вдруг лицо его исказилось от ужаса. Он узнал этот звук.

– Я знаю этот голос! – прошептал он, словно произнося священную клятву. – Это Тина Стоун!

– Вы уверены? – спросил Холлистер, прожжённый жизнью агент ФБР с четвертьвековым стажем, чьё лицо было испещрено морщинами, словно карта бурных сражений.

Адам кивнул, его взгляд был полон неистовой убеждённости. — Абсолютно. Просто послушайте.

Истеричные рыдания, прорезавшие тишину, переросли в отчаянную мольбу о спасении, эхом отдаваясь в стенах заброшенной фабрики.

— Я узнал бы этот голос из тысячи, — твёрдо произнёс Адам, продолжая лихорадочно кивать. — У него неповторимый тембр, хрипотца, которую невозможно спутать ни с чем.

Холлистер шумно выдохнул, выпуская пар напряжения. — Что ж, похоже, мы имеем дело с захватом заложников. — Он перехватил рацию, его пальцы крепко сжали корпус. — О'Хара, это Холлистер. Ответьте.

В ответ раздалось потрескивание помех, а затем пробился искажённый голос. — На связи.

— У нас есть основания полагать, что в деле фигурируют один или несколько заложников, сэр, — доложил Холлистер, стараясь сохранять спокойствие, несмотря на бушующий внутри ураган. — Сержант Хантер предполагает, что одной из них может быть Тина Стоун.

Наступила давящая тишина, нарушаемая лишь шипением статики. Затем последовал лаконичный ответ: — Десять-четыре. Действуйте по плану. Но будьте предельно осторожны.

— Принято.

Холлистер едва заметным жестом подтолкнул группу вперёд, в направлении мучительных криков. — Немного ускорим темп, — скомандовал он, его голос был ровным и твердым, как сталь.

Они бесшумно и быстро пронеслись через второй и третий этажи фабрики, подмечая однотипность обстановки. Необычное оборудование, зловеще поблескивающее в полумраке, было чуждым и пугающим. Адам не мог припомнить, чтобы когда-либо видел что-либо подобное.

Отчаянные крики Тины Стоун о помощи становились всё громче и отчётливее, словно их направляла невидимая нить, ведущая в самое сердце тьмы. Стало ясно, что они доносятся из четвёртой камеры, которая была следующей. Напряжение достигло своего апогея, искры, казалось, витали в воздухе.

Адам с трудом сплотнул комок, застрявший в горле. Тина жива! В его груди вспыхнула надежда, ослепляющая и обжигающая. Он сделал глубокий вдох, пытаясь унять дрожь, охватившую его тело, молясь, чтобы нахлынувшие эмоции не помешали ему сосредоточиться на выполнении задачи. Последние недели он жил с мыслью, что Тина, или Эмбер, как её любил называть Аксель, погибла в автокатастрофе незадолго до того, как сам Аксель попал в аварию, оставившей его в беспомощности. Эту страшную новость сообщил ему сам шеф полиции О'Хара...

Как, во имя всего святого, могла произойти такая чудовищная ошибка?

Казалось, не смерть забрала её, а безумный террорист заточил в свои сети. Невероятность происходящего плела тугой узел, вынуждая отбросить сомнения и сосредоточиться на цели.

У двери, ведущей в последний, четвёртый цех фабрики, Холлистер жестом разделил группу. Они ворвались внутрь, перекрывая проходы между громоздкими резервуарами, словно пауки, опутывая сеть ловушку для загадочного преступника. Адам, как тень, последовал за Холлистером по центральному проходу. В самом сердце цеха их взору предстала Тина Стоун. Обнажённая, она висела, привязанная к огромному манипулятору, некогда собиравшему автомобили. Теперь же он, словно зловещий маятник, раскачивал её над чаном, наполненным зловещей фиолетовой жижей.

Предчувствие беды обжигало нутро. Гидравлический манипулятор, повинувшись чьей-то злой воле, начал медленно опускать Тину, погружая её в бурлящую жидкость.

– Помогите! – крик, сорвавшийся с её губ, был полон отчаяния. Голова её безвольно поникла, чтобы тут же судорожно вскинуться в отчаянной попытке сохранить сознание. В её облике читалась измученность – казалось, она не смыкала глаз несколько дней, а светлые волосы превратились в грязный, спутанный ком.

Адаму потребовалось невероятное усилие воли, чтобы не выкрикнуть её имя.

– Спусти её, – глухо бросил Холлистер, – но будь начеку. Мы прикроем.

Адам кивнул и рывком преодолел разделявшее его и роботизированную руку расстояние. Взлетев по хлипкой лестнице, словно созданной для обслуживания механизмов, а теперь служившей ему опорой, он дотянулся до стягивающих её пут.

Извлекая из кармана верный боевой нож, он принялся яростно перерезать веревки, ощущая лезвием свою внезапную, пугающую уязвимость.

Тина, словно очнувшись от кошмара, часто заморгала, и взгляд её, смущённый и вопрошающий, устремился на него.

– А... Адам? – прошептала она, словно боясь нарушить тишину. – Это ты?

– Я здесь, Эмбер, – отозвался он, и в голосе его звучала неприкрытая радость. – Живая! Я думал... Не волнуйся, мы вытащим тебя.

Освободив её левую руку, бессильно лежавшую на его плече, он бережно привлёк её лицо к своему. В тот миг, когда нож пересёк последние волокна, сдерживающие вторую руку, их взгляды встретились. Адам ощутил на коже горячее дыхание, взгляд её скользнул к его губам... Казалось, она вот-вот поцелует его, обвив шею правой рукой, но момент растворился. Её подняли из зловещей фиолетовой купели и унесли прочь, в спасительное укрытие. Агент ФБР подхватила её на руки, укутывая в белоснежное одеяло, и вскоре двое других повели травмированную девушку прочь.

Адам, провожая её взглядом, ликовал. Но вдруг воздух пронзил вой пуль, и он, словно ужаленный, отпрянул, ощущая, как смерть пронесётся мимо его

висков. Рухнув на палубу, он молниеносно перекатился и укрылся за истерзанной переборкой. Металл вздрогнул от ударов, и по звуку Адам безошибочно определил – огонь вёлся из автоматического оружия, скорее всего, из АК.

– Чёрт! – пробормотал он, выглядывая из-за укрытия, пытаясь определить позицию стрелка.

Там, высоко под стропилами, мелькнула вспышка. Адам мгновенно втянул голову, и грохот пуль, обрушившихся на металл, болезненно ударил по барабанным перепонкам. Это был Энигма, коварный и смертоносный.

– Открыть огонь! – проревел Холлистер, и в ответ тишину разорвала симфония выстрелов. Комната озарилась яркими вспышками, словно небо над Диснейлендом в час фейерверка.

Мгновение – и прицел врага сместился. Адама оглушили отчаянные крики товарищей, эхом прокатившиеся по полу: «Ранен! Человек ранен!» Смахнув предплечьем пот, застилавший глаза, он ринулся в самое пекло, направил ствол на цель и вдавил курок. Отдача хлестнула по руке, но он снова и снова жал на спуск, выплевывая свинец, пока обойма не опустела. Снова нырок в укрытие, судорожное движение – и в руках уже новый магазин. Десятки стволов изрыгали огонь в его сторону, но Энигма стоял незыблемо.

Кто бы ни скрывался под маской, он был чертовски хорош.

Адам крутанулся на месте, и взгляд его скользнул к балкону, откуда вёл огонь Энигма. Лестница, казалось, звала его, предлагая путь на верхний ярус. Не раздумывая, он бросился к ней, взбираясь по ступеням в бешеном темпе, шепча молитву, чтобы товарищи смогли сдержать противника достаточно долго, чтобы он успел.

Вскочив на последнюю ступень, Адам, словно тень, скользнул вдоль балкона, сближаясь, стараясь занять позицию на одном уровне с Энигмой. Выбрав расстояние для выстрела, он наконец смог разглядеть лицо врага... и замер, нахмурившись, словно пелена внезапно опустилась на глаза.

– Аксель?..

Стлотнув, он вскинул оружие, мучительно выбирая, куда целить. Миг – и он решает, жить этому человеку или умереть. Адам выбрал ногу и увидел, как Энигма согнулся от адской боли, когда пуля прошла бедро. Второй выстрел, в плечо, свалил его на пол.

Стрельба в зале стихла, уступая место густому облаку дыма, клубящемуся и пожирающему видимость. Адам, не опуская оружия, осторожно приблизился к поверженному Энигме. Увидев, что тот без сознания, он выдохнул с облегчением, которое тут же переросло в крик: «Чисто! Нужен медик!» Внизу, в хаосе после боя, копошились товарищи. Адам перевернул Энигму на спину, пытаясь лучше рассмотреть его лицо. Холодная волна ужаса и неверия окатила его с головой, когда страшные подозрения подтвердились.

Он только что подстрелил Акселя Стоуна.

Пять месяцев спустя
Общественный госпиталь Буэна-Виста
4 сентября

Адам и Тина, затаив дыхание, словно время замерло, наблюдали, как Аксель Стоун, бледный и неподвижный на больничной койке, дрогнул ресницами. Веки медленно приподнялись, являя миру затуманенный взгляд, полный боли и дезориентации. Он нахмурился, словно пытаясь собрать осколки ускользающей памяти, и вновь закрыл глаза, тихий стон сорвался с его пересохших губ – отголосок той мучительной боли, что пронзала его ослабленное тело.

– Что... случилось? – прохрипел он, с трудом ворочая языком. – Где я?

Снова распахнув глаза, он увидел Тину, и в этот миг тень боли отступила, уступая место слабому проблеску радости, словно робкий луч солнца, пробившийся сквозь густую завесу тумана.

– Эмбер! – прошептал он, и на его ресницах заблестели слёзы. – Это... сон?

Тина Стоун, не в силах сдержать улыбку, подошла ближе.

– Это не сон, Аксель, – мягко проговорила она, наклоняясь, чтобы коснуться его лба легким, невесомым поцелуем. – Добро пожаловать обратно в мир живых, брат. Я так рада, что ты вернулся.

– Но... я думал, ты... умерла...

Тина улыбнулась, в её глазах мелькнула тень грусти, но тут же исчезла.

– Это было... большое недоразумение. Я жива, и это всё, что тебе сейчас нужно знать. Береги силы.

Аксель слабо кивнул, и, казалось, расслабился, из его горла вырвалось тихое, удовлетворенное бормотание.

– Пить... хочу пить... – прошептал он, с трудом подбирая слова.

Адам, мгновенно поняв его, взял с прикроватной тумбочки стакан с водой и бережно поднес соломинку к его иссохшим губам. Аксель жадно глотал прохладную влагу, словно иссушенная земля впитывала долгожданный дождь. Закончив, он слабо поблагодарил его.

– Что последнее ты помнишь? – с любопытством спросил Адам, приподняв бровь.

Аксель вновь нахмурился, стараясь выудить хоть что-то из пучины забвения.

– Я... сейчас всё как в тумане. Какая-то каша в голове... Я думаю... да. Я помню, как ехал домой с работы. Поехал по Санта-Гертрудес, а потом... авария. Господи... я разбил свою машину!

Адам и Тина обменялись молчаливыми взглядами, исполненными облегчения и невыразимой радости. Их друг, их брат, вернулся.

– Как... долго я был без сознания? – прохрипел Аксель, с трудом ворочая языком.

– Ты был в коме шесть месяцев, – ответила Тина, её голос звучал мягко и успокаивающе. – Сейчас 4 сентября 2013 года.

Аксель хмыкнул с кривой усмешкой. – Вот чёрт, серьёзно? Проморгал собственный день рождения. Что я пропустил, пока дрых?

Адам нахмурился, собираясь с мыслями. – События развивались... весьма причудливо, если говорить мягко. Но не беда, я принесу тебе свежий выпуск «Лос-Анджелес Таймс», наверстаешь упущенное. А сейчас тебе просто необходим отдых.

Аксель устало кивнул, закрывая глаза.

Адам уже повернулся, чтобы уйти, когда поймал тихий шёпот «спасибо» от Тины, беззвучно сорвавшийся с её губ. Он коснулся её плеча, едва ощутимо сжав его в знак поддержки, и направился к двери.

Адам Хантер ненавидел лгать друзьям, но все – Тина, психиатры, даже чёртовы агенты ФБР – в один голос твердили, что это – единственный выход.

7

Штаб-квартира Синдиката
Пустыня Мохаве
3 апреля 2027 года

Аксель потерял дар речи. Окаменевший, он сидел, уставившись в лакированную поверхность стола, не в силах поднять взгляд на Шиву. Молчание давило, как гряда камней.

Шива, словно хищная птица, навис над ним, опираясь на спинку своего вращающегося кресла. В глазах – смесь жалости и превосходства.

– Что с тобой, Аксель? Язык проглотил? – прозвучал его голос, словно удар хлыста.

Рой вопросов бушевал в голове Акселя, готовый вырваться наружу, но он сдержался. Сейчас не время, не место, и Шива – не тот, кому он должен их задавать. Однако откровения Шивы, словно осколки разбитого зеркала, начали складываться в цельную картину. Они заполнили зияющие провалы в его памяти, вернули болезненные, ускользающие воспоминания о тех шести потерянных месяцах. Смутные образы, призрачный монтаж чувств и голосов... Кошмары, которые он отчаянно пытался игнорировать. Слова Шивы скрепили эти фрагменты, словно недостающие кусочки мозаики, возвращая им чёткость и смысл. Аксель поднял глаза. Вопросов оставалось ещё множество, но он

сомневался, что Шива будет и дальше терпеливо удовлетворять его любопытство.

— Так скажи мне, — произнёс он, голос дрогнул, — зачем Синдикату понадобилось похищать мою сестру и инсценировать её смерть?

— Она должна была стать подопытной крысой, если угодно, — без тени смущения ответил Шива. — Жертвой эксперимента по генной терапии, тесно связанного с проектом HS.

Шива наклонился и извлёк из нижнего ящика стола толстую папку. Протянул Акселью.

— Для меня это китайская грамота, — пробормотал Аксель, скользнув взглядом по хаотичному нагромождению уравнений и графиков.

Шива кивнул.

— Тем не менее, эти цифры — причина, по которой твоя сестра попала в список идеальных объектов для этого конкретного направления исследований. Наши эксперты по генетике и клонированию, Онихиме и Яша, могли бы объяснить тебе всё в мельчайших подробностях, но, боюсь, в данный момент они не расположены к беседам.

Аксель с гримасой вернул папку Шиве.

— Значит, вы инсценировали её смерть, чтобы "спасти" её и делать с ней всё, что заблагорассудится, столько, сколько вам понадобится?

— Да, такова была общая идея, — подтвердил Шива. — Ценное приобретение. Как и Блейз Филдинг, который, по сути, "принадлежала" нам с самого начала.

Аксель в смятении покачал головой. — Вы, люди, никогда не перестаёте лицемерно оплакивать тех, кто пострадал от ваших же действий. Всегда прикрываете свои злодеяния мантией „всеобщего блага“.

Шива одарил его ледяной усмешкой. — Ты говоришь как истинный герой. Но боюсь, Аксель, эпоха героев давно канула в Лету. Можешь спросить об этом у твоего так называемого друга, Адама Хантера

Он нажал кнопку на своем столе, и бесшумно отодвинулась панель в стене, являя взору монитор системы безопасности. На экране в зловещем чёрно-белом свете разворачивалась прямая трансляция с периметра комплекса.

Адам Хантер, не подозревая о пристальном наблюдении, отчаянно пытался проникнуть на базу. На нём был надет камуфляжный костюм, сливающийся с выжженной солнцем пустыней.

— Он, несомненно, пылает желанием спасти вас, — промурлыкал Шива. — Но он наивно полагает, что его жалкие попытки остались незамеченными. Наши спутники уже давно плетут сеть вокруг его передвижений по этой безжизненной пустыне, отслеживая каждый его шаг. Уверю тебя, далеко ему

не уйти. Я приготовил для него пару... сюрпризов, прежде чем он приблизится к нашим вратам.

Он расхохотался, словно хранил в рукаве козырь, недоступный пониманию Акселя.

Аксель, скованный тревогой, заёрзал на стуле, впиваясь взглядом в экран. Что двигало Адамом, когда он в одиночку бросился в эту самоубийственную авантюру? Внезапно его лицо исказила тень сомнения – как Адам мог так долго скрывать от него столь значительную часть своей жизни?

Он откашлялся, стараясь придать голосу уверенность. – Итак, Адам знал о моей... особенности... последние четырнадцать лет, – произнёс он, запинаясь. – Но как подобное могло ускользнуть от внимания Синдиката? Я всегда полагал, что Синдикат обладает... достаточным влиянием, чтобы знать все. Особенно, если об этом знали федералы...

– Хороший вопрос, – кивнул Шива, облизывая пересохшие губы. – Это лишь демонстрирует, что при... прежнем руководстве, шпионская сеть Синдиката работала далеко не так безупречно, как хотелось бы. Давай смотреть правде в глаза, есть веская причина, по которой мистера Икс больше нет с нами, причина, по которой операция "Теневая Рука" провалилась с оглушительным треском

Аксель скривил губы в кривой усмешке. – Полагаю, вы сыграли не последнюю роль в его закономерном падении. Ты и Рудра. Если бы вы не взбунтовались против него шесть лет назад, во время кровавой осады его базы в Гималаях...

– Ты совершенно прав, Аксель, – согласился Шива, в голосе которого сквозило усталое смирение. – Но, как я уже говорил, мое предательство – если это можно так назвать – имело свои причины. И дело было не только в том, что во мне росло отвращение к нему... к тому, во что он превратился.

Аксель тяжело вздохнул, не отрывая взгляда от расхаживающего по комнате Шивы.

– Что с тобой случилось, Шива? – тихо спросил он. – Мне казалось, мы начали всё сначала. Ты добровольно принял заточение в стенах Гартлоха, раскаялся... или, по крайней мере, сделал вид, что раскаялся в содеянном.

– У меня всегда были свои планы, – откровенно ответил Шива, опускаясь в кресло с небрежной грацией хищника. – Ты должен был это знать, Аксель. Неужели ты так и не разглядел меня за эти десять, одиннадцать... двенадцать лет знакомства?

– Четырнадцать, если считать этого... Энигму.

Шива подался вперёд, наблюдая, как комнату входит Донован, и в его глазах промелькнула зловещая искра.

– Именно. Поэтому, прошу тебя, не пытайся нарисовать меня в чёрно-белых тонах. Я не «хороший парень» и не «плохой парень». Я просто делаю то, что считаю нужным, и не собираюсь ни перед кем оправдываться.

— Но то, что ты делаешь... это чудовишно. У тебя совсем нет совести?

— Конечно, нет, — усмехнулся Шива, и в этот момент стена за его спиной бесшумно раздвинулась, обнажив скрытую панель. — А теперь... пришло время для вечернего развлечения. Подойди сюда, Аксель.

Донован, словно тень, прильнул к спине Акселя, упершись стволом автоматической винтовки в его позвоночник.

В стеклянном переходе, тянувшемся вдоль цехов героинового завода, распахнулась дверь. Охранник грубо вытолкнул на дорожку обнажённую женщину и захлопнул дверь за ней, оставив её одну, беззащитную.

— Мы называем это «Ламбетской прогулкой», — промурлыкал Шива, в его голосе звучала смесь цинизма и зловещего восторга. — Старая добрая забава для кокни.

Вслед за первой на дорожку вытолкнули ещё трех женщин, таких же обнажённых и растерянных.

— Им предстоит пройти полный круг, — пояснил Шива, не сводя глаз с обреченных фигур. — Рабочие любят собираться внизу и наблюдать за ними.

— Кто эти женщины? — выплюнул Аксель, чувствуя, как гнев и отвращение с каждой секундой заполняют его душу.

— Они никто, Аксель. Так... расходный материал. Проститутки, наркоманки... Большинство из них мы забираем вместе с рабочими. А когда они теряют свой товарный вид... скажем, через два-три дня... я позволяю мужчинам поступать с ними по своему усмотрению.

— Ты что?.. — Аксель не мог подобрать слов, чтобы выразить всю глубину своего омерзения.

— Охранники отводят их вниз, в заводской цех, а после... выводят их наружу. Бесплатное развлечение, Аксель. И, знаешь ли, это прекрасно поднимает боевой дух.

— А что ты делаешь с девушками после? — спросил Аксель, в его глазах плясал нездоровый огонёк любопытства, когда он изучал пленниц.

— Разумеется, хороню, — процедил тот, словно выплевывая слова, полные яда.

Шива обернулся к сверкающему входу, через который вереницей проходили девушки, и криво усмехнулся. — О, Аксель, взгляни. Кажется, сейчас выплывет одна из тех, кого ты знаешь. Предчувствую, она разобьёт не одно мужское сердце.

— Хорошо, что у меня связаны руки, Шива, иначе ты бы уже захлёбывался собственной кровью, — прорычал Аксель.

— Резкие слова, Аксель, но в твоём нынешнем положении ты представляешь для меня не больше опасности, чем муха для слона, — парировал Шива, кивнув в сторону Донована.

Он снова повернулся к Акселю, в его взгляде плескалась змеиная насмешка. — Разве тебе не терпится взглянуть на свою дражайшую супругу? Все остальные здесь уже изнывают от желания. И, похоже, она пользуется у них невероятным успехом.

Аксель, с трудом сдерживая ярость, выглянул в окно. Блейз шла по стеклянной дорожке, стараясь сохранить остатки достоинства, в то время как вооруженный охранник грубо подталкивал её прикладом винтовки, а грязные выкрики рабочих, собравшихся внизу, резали слух, словно осколки стекла.

— Не думаю, что Блейз сможет вот так запросто воспользоваться своими.. талантами, чтобы сбежать, — промурлыкал Шива. — Ей сделали инъекцию. Её способности парализованы.. часов этак на сорок восемь. Не меньше.

Аксель издал сдавленный, полный отчаяния рык.

— Если тебе это зрелище так претит, — произнёс Шива, не скрывая своего садистского удовольствия, — можешь вернуться в свою клетку, как послушный зверёк. — Он подозвал Донована и отдал ему короткий приказ на ломаном японском. — Мы пришлём твою жену навестить тебя завтра вечером, Аксель. Как только наши гости вдоволь наиграются. Не будем же лишать их удовольствия сразу. Сначала нужно разжечь аппетит.

В удушающей тишине своей камеры Аксель отчаянно пытался выработать хоть какой-то план побега. Может быть, ему удастся внезапно напасть на охранника, вырвать у него пистолет, но сначала ему нужно как-то ослабить эти проклятые нейлоновые верёвки, впившиеся в запястья. Но даже тогда он не хотел действовать импульсивно, пока не разработает четкий план, как вытащить себя, Блейз и Адама из этого прогнившего логова Синдиката.

Восемь мучительных часов миновали с тех пор, как Аксель в последний раз ощутил вкус пищи или прохладу воды на пересохших губах, но Блейз так и не подавала вестей. Даже Адам, казалось, оставил его на произвол судьбы.

В душе Акселя царил хаос. Напряжение, вызванное отчаянным положением, сплеталось с ядовитыми словами Шивы о загадочном персонаже и его зловещей "тёмной стороне", лишая его способности ясно мыслить.

Но страшнее всего было другое — Аксель начал проваливаться в бездну воспоминаний. В ту самую тьму, что некогда запятнала его руки кровью, превратив его в безжалостного убийцу. Массовые убийства, хладнокровная расправа над федеральными агентами во время серии взрывов, окутанных мраком тайны и покрываемых полицией Лос-Анджелеса и ФБР, — всё это всплывало в памяти с пугающей отчетливостью.

Главный вопрос терзал его сознание: почему Шива решил вылить эту грязь именно сейчас? И сможет ли эта проклятая тьма вновь овладеть им, превратив в марионетку в руках безумия?

8

Пустыня Мохаве
15:47

"Вот тебе и здравствуйте," – пронеслось в голове Адама Хантера, когда он, матерясь сквозь зубы, ввалился на водительское сиденье первого попавшегося джипа. Салон встретил его уютом пустоты, знакомый логотип Синдиката на приборной панели резал глаз, а ключ предательски торчал в замке зажигания. Заметили. Тактическое отступление – роскошь, непозволительная в данной ситуации. Пришло время говорить свинцом.

Рывком повернув ключ, он сорвал двигатель с места, и взревев, машина ожила. Первая передача, сцепление – и джип, взвизгнув покрывками, бросился вперёд, выплёвывая из-под колёс комья пустынной земли. Адама чуть не выбросило из седла от этой бешеной скачки. Борьба с рулём, маниакальная работа педалями – и вот он уже чувствует, как груз в кузове, словно пьяный маятник, раскачивается, грозя вывалиться на каждой кочке.

Вспышка на склоне слева. Синдикатовские псы поливали свинцом из-за камней. Пуля, словно оса, просвистела рядом и шлепнулась о капот. Адам, пригнувшись, крутил руль, пытаясь стать призрачной мишенью. И тут – утробный вой, предвестник смерти, и дорога перед ним взорвалась фонтаном камней и песка, вдребезги разнеся лобовое стекло. В лицо хлестнула каменная крошка, забивая глаза. Рукав рубашки превратился в грязную тряпку, но зрение удалось вернуть. Острый осколок, словно ледяной поцелуй, полоснул по щеке и впился в десну.

Справа заговорил пулемёт. Погоня! Он чувствовал её дыхание, но не было времени оглянуться. Только вперёд! Свинцовый дождь прошил тонкую спинку пассажирского сиденья, рикошетом отскакивая от стальной рамы. Казалось, сама пустыня восстала, одержимая жаждой крови. Костяшки пальцев, вцепившихся в руль, побелели. По щеке, смешиваясь с грязью и потом, стекала тонкая струйка крови, оставляя мокрый след на рубашке. Звериный рёв вырвался из груди – смесь ярости и отчаяния. Правая нога со всей силы вдавила педаль газа в пол, а джип содрогался под градом пуль, словно жестяной барабан под палочками безумного музыканта.

И внезапно – небо. Взрыв под осью подбросил машину, словно пушинку, вышвырнув Адама в объятия смерти.

Он врезался плечом в землю, перекатился волчком и юркнул за укрытие скалы. Обжигающий взгляд назад – и вот, джип, корчась в предсмертной агонии, застыл перевернутым на дороге, колёса бешено вращались, подстегиваемые заклинившим акселератором. Свист пули, впившейся в камень в дюйме от его головы, заставил Адама метнуть взгляд вокруг. Заметив неприметный люк, ведущий в подземную артерию водоснабжения, питающую базу Синдиката, он понял – это шанс.

Рванувшись по каменистой земле, словно раненый зверь, Адам нырнул за скальный выступ и сорвал ржавый лист гофрированного железа, за которым зияла чёрная пасть входа. Пятнадцать футов вниз – и он уже в ледяном объятии воды.

Мгновение на размышления. Видели ли его? Сомнительно. Но сейчас главное – выжить, добраться до базы. Застрявший или мёртвый в этой проклятой пустыне, он – лишь обуза для Акселя и Блейза.

Нужно найти выход. Во что бы то ни стало.

Вода, словно горный ледник, сковала его до пояса. Адам опустил лицо в воду и, стиснув зубы, вытащил осколок стекла из щеки. Бросил его прочь, содрогнувшись от острой, жгучей боли.

Выстрел, словно хлыст, рассёк тишину и взметнул брызги над головой. Кто-то стоял у входа, целясь вниз. Адам, чертыхаясь сквозь зубы, начал продираться сквозь бурлящий поток, упрямо двигаясь вверх по течению, против воли ледяной реки, бегущей с далеких гор. Напор был чудовищным, каждый шаг давался с трудом, а уровень воды неумолимо поднимался. Задержав дыхание, он нырнул и, словно раненый тклень, сделал несколько отчаянных гребков, но, вынырнув, понял, что продвинулся лишь на жалкие несколько ярдов.

Ещё одна пуля пронеслась мимо, обдав лицо ледяными брызгами. Они уже здесь, в воде, охотятся на него. Адам, собрав последние силы, рванулся вперёд, но в крошечной тьме водного хаоса ничего не было видно. Повернуть назад – значит, броситься прямо в пасть вооружённым преследователям. Оставался только один путь – вперёд, сквозь ледяную тьму, навстречу неизвестности.

Адам нырнул в ледяную пасть тоннеля, последний раз оттолкнувшись руками от скользких стен в непроглядной тьме. Казалось, вечность прошла с тех пор, как он вошёл в этот зловещий поток, и вот, словно насмешка судьбы, левая рука наткнулась на нечто чужеродное, торчащее из воды.

Грязная пелена покрывала поверхность, словно саван. Впереди зиял пролом, узкий лаз в стене, и, преодолевая течение, Адам вцепился в его шершавый, изъеденный камень. Дюйм за дюймом, с ободранными, кровоточащими руками, с судорожной болью в бедре, он карабкался вверх, словно погребённый заживо, пробивающийся к свету.

Внезапно над головой брызнул луч, а следом накатил обжигающий порыв сухого воздуха.

С приглушенным рыком загнанного зверя, Адам уперся неповрежденным плечом в твёрдый край земли, пока не смог вытолкнуть себя наверх, пока голова, наконец, не вырвалась из плена. Сквозь адскую боль он протиснул плечи, затем туловище, и, наконец, выдернул поясицу и ноги, рухнув на песок, задыхаясь и постанывая, то ли от облегчения, то ли от изнеможения, борясь с накатывающей волной беспомощности.

Когда зрение вернулось, он приподнял голову и увидел, что выбрался на территорию базы Синдиката. И что ещё более невероятно, вокруг ни души. По крайней мере, на первый взгляд, не было похоже, что по эту сторону главной стены поднята тревога или что его ждёт град пуль. Лишь несколько тусклых лампочек рассеивали мрак, но они не представляли угрозы.

Он понимал, что преследователю не потребуется много времени, чтобы выбраться из тоннеля, поэтому, отбросив слабость, Адам двинулся вперёд, скользя в тени у стены центрального ангара, пока укрытие не закончилось.

Он обошёл здание сбоку и приблизился к двери, которую видел на спутниковых снимках, предоставленных Мерфи. Навесной замок намертво запер её. Достав перочинный нож, он принялся за кропотливую работу, ощупывая крошечные рычажки внутри. Замок сдался с тихим щелчком, и Адам толкнул скрипучую деревянную дверь. Он юркнул внутрь и, не теряя ни секунды, начал взбираться по пыльным ступеням.

Это место едва ли напоминало высокотехнологичную базу Синдиката, виденную им ранее. Скорее, заброшенный военный объект, идеальный для маскировки. И всё же, оказавшись внутри, он был не просто удивлен, но и встревожен отсутствием охраны. Для Синдиката было совершенно нетипично пренебрегать охраной базы с помощью роботов-часовых. Отсутствие таковых могло означать только одно: либо он угодил в тщательно продуманную ловушку, либо Синдикат, наконец, исчерпал свои, казалось бы, бездонные запасы и был вынужден экономить.

Поднявшись по скрипучей лестнице, он ступил на трап, ведущий к зияющему входу металлического ангара. Толкнув дверь, он вошёл в утробу сооружения.

"Это западня, - промелькнуло в голове. - Слишком уж всё просто..."

В самом центре ангара возвышалось нечто немыслимое - гигантская машина, сплетение стали и тьмы. ФБР, Интерпол и "Файршторм" годами охотились за этим изобретением, подозревая, что оно - порождение Синдиката...

- Значит, это правда, - прошептал Адам, зачарованный и испуганный.

Перед ним, во всей своей чудовищной красе, предстал "Опустошитель Миров". Инженерное сооружение такой сложности и мощи могло родиться только в воспалённом разуме Синдиката. Один вид этой машины вселял леденящий ужас, напоминая о безграничных возможностях организации.

Адам лихорадочно начал фотографировать супероружие, способное в одночасье превратить планету в пепел. Щелчок маленькой цифровой камеры казался оглушительным в мёртвой тишине ангара. Не тратя времени на прицеливание, он машинально нажимал на кнопку, стараясь запечатлеть каждую деталь.

Спустившись на нижнюю платформу, он подошёл ближе к смертоносному устройству, желая рассмотреть его со всех сторон. Где-то в глубине его разума мелькнула мысль об агентах Нового Мирового Порядка, чьи лица вытянулись бы от ужаса при виде этой зловещей реальности.

Когда он снова поднял камеру, гулкий ангар разорвал зычный голос.

- Ещё света, мистер Хантер?

В этом латиноамериканском акценте звучала ледяная насмешка.

Внезапно ангар ослепил поток яркого света. Адам заслонил глаза рукой. Со всех сторон, словно крысы, по металлическим дорожкам заскребли тяжёлые ботинки.

Голос, теперь усиленный мегафоном, прогрохотал снова:

- Руки вверх, мистер Хантер. Вечеринка окончена.

Адам обвёл взглядом освещённого монстра. И тут он увидел, как часть, напоминающая кабину пилота, медленно отъезжает назад. В образовавшемся проёме возникла знакомая фигура – Виллем Антонио, ключевая фигура Синдиката, отвечающий за наркотрафик и связанный с делом "Синего Лебедя". Он выбрался наружу и, словно хищник, двинулся к Адаму по спине чудовищной машины, держа в руках полуавтоматическую винтовку.

Он поднял оружие, целясь прямо в Адама. Теперь он был достаточно близко, чтобы Адам мог видеть его мертвенно-бледное лицо, лишённое всякого выражения, словно высеченное из камня. Затем раздался сухой, зловещий щелчок одиночного выстрела, и мир Адама рухнул под аккомпанемент всепоглощающей боли за ухом. Ангар вмиг утонул в непроглядной тьме, словно чернильное море захлестнуло его сознание.

Следующие часы протекли в лихорадочном полусне, сотканном из боли и измождения. Обрывки воспоминаний – спуск в подземную цитадель, унижительный обыск, когда его раздели до белья, возвращение изорванной одежды – мелькали в его сознании, как кадры забытого кошмара.

Когда он снова пришёл в себя, то обнаружил себя в холодной каменной камере. Рядом, свернувшись калачиком, спала Блейз. Акселя нигде не было. Каждая мышца отзывалась ноющей болью. Он беспомощно ворочался на жёстком песке, пытаясь найти хоть какое-то подобие удобства. Grimаса боли исказила его лицо. Он проклинал Синдикат, его дьявольскую живучесть и неутолимую жажду власти, независимо от того, сколько раз их, казалось бы, окончательно, сокрушали. "Побеждённый" – это слово звучало издёвкой в его голове.

После падения мистера Икс шесть лет назад Адам был уверен, что Синдикат, наконец, канул в Лету – вместе со всеми своими приспешниками. Однако, каким-то непостижимым образом, змея не только выжила, но и, судя по всему, процветала, обходясь без своего одиозного и безумного основателя. Файршторм никак не мог предвидеть такого поворота событий, но, оглядываясь назад, самонадеянность их уверенности кажется поразительной. Сколько раз это уже происходило? Дважды? Трижды? И всё же, Firestorm был убеждён в своей победе. После нескольких лет охоты на Абадеде и других выживших боссов у них не осталось средств для поддержания прежней активности. К 2023 году Firestorm фактически прекратила свое существование. Джо Мусаси вернулся в родную Японию, доктор Зан возобновил службу в МИ-6 в Нью-Йорке, а Адам, Аксель и Блейз вернулись к своей

прежней жизни в Лос-Анджелесе. Но после всего, что им довелось пережить вместе, ни для кого из них уже ничего не было прежним.

Едва отгремели фейерверки 2027 года, как зловещие слухи о возвращении Синдиката поползли по миру, словно ядовитый туман. На этот раз они плели интриги вокруг оружия, способного обратить планету в пепел.

Зачем это Синдикату? Оставалось лишь строить мрачные догадки, но, учитывая их кровавое прошлое, это не стало откровением.

ФБР, Интерпол, агенты Сил безопасности Нового мирового порядка – все они убедились в зловещей правдивости слухов. К февралю Адам, Аксель и Блейз вновь объединились под знаменем Firestorm, возрождённого, но в ином обличье. Теперь их направляла рука Интерпола, служившего связующим звеном между Firestorm и Новым мировым сообществом.

И вот они здесь. Все трое, казалось, пленены и находятся во власти Синдиката. Но где же Аксель?

Адам с трудом прочистил пересохшее горло, взгляд его упал на Блейз. Она выглядела измученной тенью себя прежней.

– Блейз? – хрипло прошептал он. – Ты в порядке?

Звук его голоса вырвал её из оцепенения.

– Адам? – в её глазах отразилось замешательство. – Это ты? – Она болезненно закашлялась, её лицо побледнело.

– Да, это я, – заверил он её, стараясь придать голосу уверенность. – Я здесь. Вроде бы цел. Но где Аксель?

– Я не знаю, – прошептала она, устремив взгляд в грязный потолок. – Я не видела его несколько часов. С тех пор, как нас привели в кабинет к Шиве. После этого нас разделили...

– Шива? – переспросил Адам, в его голосе прозвучала тревога.

– Да, – едва слышно кивнула Блейз.

– Только не говори, что он снова возглавил Синдикат...

– По правде говоря, ситуация хуже некуда... Игра, похоже, полностью в руках Шивы...

– Всё становится только хуже, – мрачно констатировал Адам. – Я видел «Опустошитель Миров». Вблизи. Это не миф, и он прямо здесь, на этой базе...

– Чёрт, – прошептала Блейз, её голос дрожал от страха. – Значит, наши худшие опасения подтвердились?

Адам молча кивнул.

– Да. И, вероятно, всё ещё хуже, чем мы думаем. Как это обычно и бывает.

В его голосе сквозила усталость и цинизм, пропитанные страхом.

В повисшей тишине они отчаянно пытались придумать, что делать дальше.

– Ты не можешь вытащить нас отсюда, используя свои способности? – с надеждой спросил он.

Блейз беспомощно покачала головой.

– Они сделали мне какую-то инъекцию. Она нейтрализовала мою ауру. Я ничего не могу сделать. И... я слишком слаба.

Адам застонал и попытался подняться, но ноги, словно налитые свинцом, подвели его, и он бессильно рухнул на холодный пол. Проклятие сорвалось с губ вместе с горьким желанием, чтобы все это оказалось лишь кошмарным сном.

– Как думаешь, с Акселем всё в порядке? – с тревогой спросила Блейз. – Вдруг его пытаются, пока мы тут сидим?

– Я не знаю, Блейз, – глухо ответил Адам, его голос был полон отчаяния. – Я действительно не знаю.

– Похоже, Синдикат выиграл этот раунд, – с горечью констатировала Блейз.

Адам глубоко вздохнул, и в его взгляде вспыхнула искра упрямства.

– Возможно. Но война ещё далека от завершения.

9

Аксель Стоун пробудился от скрежета открывающейся камеры. Замок утробно вздохнул, пропуская поворот ключа в скважине.

Дверь с визгом распахнулась, словно разрывая тишину на куски, и в проёме возникла нога, подтолкнувшая створку до конца. Зазвенели ключи, и в камеру, источая самоуверенность, вошёл Донован. Золотые коронки хищно блеснули в его гнилой ухмылке.

Он приблизился, и тонкий сапожный нож, извлечённый из кобуры у пояса, рассёк нейлоновые путы, сковывавшие руки Акселя. Едва освободившись, Аксель почувствовал, как Донован грубо схватил его за рубашку, рывком поднимая на ноги.

Ухмылка, не покидавшая лица Донована, стала еще более зловещей. Молниеносный удар головой в лицо. Аксель отшатнулся, ошеломлённый неожиданной силой. Боль взорвалась в носу, окрашивая воздух багрянцем. Не успев опомниться, он принял на челюсть сокрушительный удар кулаком, а затем пинок сапогом в грудь, от которого пошатнулся и рухнул на пол.

"Какого хрена, ублюдок?" – пронеслось в голове Акселя, сквозь пелену боли. Взрыв адреналина пронзил тело, растекаясь по напряженным мышцам, пробуждая инстинкт зверя. Он не позволит этому отвратительному типу превратить себя в грушу для битья.

Стиснув зубы до хруста, Аксель, собрав всю свою ярость в кулак, взлетел на ноги и бросился на Донована, сбивая его с ног отточенным футбольным подкатом. Донован с грохотом рухнул на спину, и Аксель обрушил град ударов на его лицо, пока хруст костей не смешался с воплями боли. Нос и челюсть Донована были сломаны.

Завыв от боли и ярости, Донован выхватил сапожный нож и метнул его в Акселя. Лезвие просвистело в дюймах от его тела.

Аксель отступил на пару шагов, давая себе время прийти в себя.

Донован стоял, залитый кровью, с бессильно отвисшей челюстью, из которой торчали обломки зубов. Он сплюнул кровь и осколки, и прорычал: – Я с удовольствием прикончу тебя, Аксель. А когда закончу, вытрахаю твою жену в задницу. – Он снова сплюнул кровь, криво усмехнувшись. – Хотя, может, и в киску. Или во все три дырки. Мне нравится всё.

Аксель шагнул вперёд, словно хищник, и стальной хваткой вцепился в шею Донована. Вторая рука, как змея, метнулась к ножу, скрытому под сапогом. Превосходя его силой, он играючи одолел сопротивление.

Донован взвизгнул, и клинок, вырвавшись из укрытия, со звоном ударился о камень мостовой. Аксель отшвырнул его прочь, словно ненужный мусор, и обрушил кулак в живот бандита. Тот согнулся, как подкошенный, и в этот момент Аксель вложил всю свою ярость в удар, обрушившийся на челюсть Донована.

Оглушённый, Донован пошатнулся, и Аксель, с яростным рыком, выхватил его же нож. Лезвие, описав смертоносную дугу, обрушилось на левое плечо Донована. Сталь пронзила плоть, распорол артерию, встретив на своём пути кость, дробя её на осколки. Не останавливаясь, Аксель выдернул нож и вонзил его в самое сердце, ломая рёбра, пробивая лёгкое. Донован издал предсмертный хрип, в котором булькала кровь, и рухнул на землю, взгляд его застыл в пугающей пустоте.

Багровая лужа растекалась под телом, источая тошнотворный, медный запах смерти.

– Превосходная работа, Аксель, – прозвучал женский голос, словно лезвие, скользнувшее по коже. – Чуть больше, чем я рассчитывала, но тем лучше. Теперь ты именно там, где мне нужно.

Аксель резко обернулся, ещё не отдышавшись после схватки. Сердце бешено колотилось в груди. Рудра стояла в двух шагах, держа над его головой большой шприц, из которого в воздух вырвалась крошечная струйка голубоватой жидкости.

– Это почти не больно, – прошептала она.

С неожиданной силой Рудра вонзила иглу в его шею, застав врасплах, и нажала на поршень, вливая в Акселя весь зловещий состав до последней капли.

— А теперь не двигайся, — произнесла она. — Это займёт всего лишь мгновение. Жаль, что Donovanу пришлось умереть — в этом не было необходимости. Но, думаю, он сам напросился. Может, говорить так о твоей жене было немного жестоко. Тем не менее, я дала ему указание вывести тебя из себя. Сначала мне нужно было убедиться, что ты разъярён — так лекарство действует гораздо эффективнее...

Аксель закричал, раздираемый болью и ужасом, проклиная себя за то, что позволил так легко себя обмануть. Рудра использовала один из старейших трюков в своей книге, и он попался на него, как мальчишка.

— Спокойной ночи, Аксель, — промурлыкала Рудра.

Он шарахнулся, но инъекция уже заявила о себе, перехватывая контроль над движениями. Мысль об отравлении, о неминуемой смерти, пронзила сознание, но вместо этого мир поглотила тьма, и он рухнул в беспамятство.

Анафилактический шок разорвал его изнутри. Дыхание стало хриплым, рваным, а внутри поднималась волна дикой, первобытной агрессии. Ему казалось, что он способен разорвать на части всё, что попадётся на глаза, уничтожить, стереть с лица земли.

Вскипев яростью, он издал утробный рык и бросился на Рудру, но она, предвидя эту вспышку, хладнокровно встретила его разрядом электрошокера М-18, выставленного на максимальную мощность.

— Лежать, парниша, — ровно произнесла она.

Удар током отбросил Акселя назад, на мгновение дезориентировав, но не угасив клокочущую в нем ярость. Ненависть, достигнув своего апогея, начала сводить его с ума. Он перестал понимать, где находится, что здесь делает. Затем, словно песок сквозь пальцы, начало утекать его имя...

Акс? Эксель? Нет, оно растворилось в тумане. Он не мог вспомнить, как его зовут.

Несколько долгих мгновений он стоял неподвижно, пока действие наркотика не пошло на спад. Дыхание постепенно выровнялось, и воспоминания начали возвращаться, сначала робкими ручейками, а затем хлынули бурным потоком, прорвавшим плотину.

Рудра едва заметно улыбнулась.

— Хороший мальчик. Просто позволь чувству овладеть тобой. Пусть течёт своим чередом.

Он повернулся к ней, нахмутив брови в легком недоумении.

— Я знаю тебя, — пробормотал он. — Ты была со мной раньше, после моего рождения...

– Да, – ответила она, приближаясь. – Ты можешь вспомнить свое имя?

Он перевёл взгляд на свои раскрытые ладони, потом на безжизненное, окровавленное тело Донована, распростёртое на земле, и снова на Рудру, чья улыбка оставалась холодной и безучастной. В его глазах не было ни проблеска эмоций, зрачки расширены.

– Да, теперь я вспомнил, – произнёс он, и в его голосе прозвучала леденящая пустота. – Я – Энигма. Бич Синдиката.

– Медленно повернись и прижми свои пальцы к моим, – прошептал Адам, его голос хрипел от напряжения. – Чувствуешь что-то острое? Это осколок стекла, застрявший в моей руке. Заметил его только сейчас.

Блейз переступила с ноги на ногу на жестком песчаном полу камеры, проклиная все на свете. Затекшая задница и ноющая боль в каждой косточке кричали о пощаде. В этот момент она готова была отдать душу за подушку. И что-нибудь покрепче. – Да, – выдохнула она, – чувствую. Господи, Адам, какая удача.

– Теперь повернись так, чтобы это касалось верёвки на твоём запястье, и начинай медленно растирать. Не уверен, есть ли там, наверху, на потолке, камера – подозреваю, что нет, – но рисковать мы не можем.

Почти два мучительных часа Блейз незаметными движениями перетирала нейлоновый шнур, пока он не поддался. Затем она принялась за узлы, стягивающие запястья Адама. Пальцы немели, пот заливал глаза, но она не сдавалась. Наконец, узлы ослабли настолько, что Адам смог высвободить одну руку.

– По моим расчётам, сейчас ранний вечер, около шести часов, – пробормотал Адам, потирая запястья. – А это значит, что скоро начнётся это так называемое "вечернее развлечение", о котором ты рассказывала. Но не волнуйся, Блейз. Мы не позволим им к тебе прикоснуться. Мы сделаем свой ход, как только они откроют дверь, и будем надеяться, что удача будет на нашей стороне. В любом случае, это наш единственный шанс.

Блейз кивнула. Какое-то время она молчала, погружённая в собственные мысли, Адам видел, как она собирается с духом, настраиваясь на предстоящую схватку.

– Ты голоден? – спросила Блейз, нарушив тишину.

– Как волк.

– Что бы ты сейчас больше всего хотел съесть?

Адам задумался на мгновение. – Для начала что-нибудь лёгкое для желудка. Яичницу-болтуню. Потом, может быть, курочку из Кентукки. Затем макароны и ростбиф. И бутылку виски, и немного красного вина.

– Что-нибудь ещё?

– Я бы хотел оказаться в гостиничном номере. С тобой, сидящей обнажённой на кровати.

Блейз застенчиво улыбнулась. – Перестань, Адам. Что бы сказал Аксель?

Адам выдавил из себя смешок.

– В этом нет ничего предосудительного, милая. И, положи руку на сердце, ты знаешь, я бы никогда не поступился дружбой с Акселем..

"Хотел бы я видеть такую же честь и благородство в глазах здешних стражей," – промелькнуло у него в голове.

– Всё будет хорошо, Блейз, – заверил он её. – А теперь иди сюда, приляг рядом, пока я не скажу, что пора. Представь себе уютный номер в отеле и постарайся забыться.

– Я уже, – отозвалась Блейз, с грустной полуулыбкой.

Когда дыхание Блейз выровнялось в мерный сон, Адам вгляделся в потолок, ища предательский блеск объектива. В камере царил полумрак, лишь узкая полоска света пробивалась сквозь неплотно прикрытую решётку на двери.

Адам бросил взгляд на тусклую электрическую лампу в коридоре. Прикинув, что уже около семи, он осторожно поднялся и помог Блейз встать. Охранники скоро должны были за ней прийти, и в любой момент кто-то мог появиться.

Блейз нежно помассировала ушибленное плечо Адама и прикоснулась губами к глубокому порезу на его щеке, там, где осколок едва не лишил его зуба.

– Спасибо, что нашёл нас. Ты ведь собираешься получить удовольствие от визита к дантисту, мой бедный герой?

Он поморщился от боли.

– И последнее, – сказала Блейз, глядя ему прямо в глаза. – Пообещай мне, что первое, что мы сделаем, если выберемся отсюда, – найдём Акселя.

– Это – план, – подтвердил Адам. – И посмотрим, что можно сделать с этим «Опустошителем Миров». Клянусь, нельзя допустить, чтобы подобное оружие осталось в руках Синдиката.

Он повернулся к двери и, собрав последние силы, подтянулся на руках, втискивая ноющее тело в узкий проём над притолокой.

– Ладно, попробуем.

Блейз прильнула губами к холодной решётке и издала протяжный, полный отчаяния крик. В ответ – тишина. Хотя Адам знал, что они где-то рядом. Он слышал их шаги всего мгновение назад. И всё же отсутствие шагов сейчас было предпочтительнее их внезапного появления.

– Попробуй ещё раз.

– Тссс. Они идут.

Адам уловил звук приближающихся шагов. В узкую щель решётки проник луч фонарика.

– Время пришло, куколка, – прошипел грубый голос с отчётливым японским акцентом. – Мужчины изныли, ожидая тебя весь день. Они жаждут твоей плоти, как путники в пустыне – воды.

После тягучей паузы, словно резина, последовал вопрос: – Где мужчина? Где Хантер?

– Спит. Ранен. Плечо, – Блейз изобразила слабость и махнула рукой в тёмный угол, за пределы досягаемости взгляда охранника. – Давай быстрее, и ты сможешь первым сорвать с меня запретный плод, прямо здесь, в камере.

Она демонстративно потянула за ремень своих рабочих брэк.

Охранник замаялся, словно хищник, почуявший слабинку. Блейз, не теряя времени, обхватила свои груди руками и приподняла их, выставляя напоказ, словно спелые плоды, в центре беспощадного луча фонаря. Щелчок замка, словно выстрел, пронзил тишину.

Дверь распахнулась, впуская охранника в камеру. В тот момент, когда он повернулся, чтобы захлопнуть за собой дверь, Адам обрушил всю свою мощь на его плечи, зажав одновременно рот и горло железной хваткой. Блейз, действуя молниеносно, выхватила пистолет из кобуры на бедре охранника. Адам, словно безжалостный механизм, переломил тощую шею мужчины голыми руками, не издав ни единого звука.

Когда охранник превратился в безжизненную куклу, Адам повлек Блейз за собой из камеры в чрево тюремного лабиринта. Они неслись по гулким коридорам, словно тени, пока не достигли лифта. Адам, наблюдая за тем, как хрупкая фигура Блейз скользнула внутрь кабины, последовал за ней, нажимая кнопку следующего этажа, где располагался другой тюремный блок.

– Попробуем прорваться на следующий уровень, – произнес Адам, искоса глядя на пистолет мёртвого охранника, заткнутый за пояс его брэк. Блейз лишь безмолвно кивнула в ответ.

Прошло всего несколько томительных секунд, прежде чем над дверью лифта вспыхнул зловещий алый глаз, заливая кабину багровым светом тревоги. Вой сирены, словно предсмертный крик, разорвал тишину, а затем – яростный лай овчарок и топот множества ног за дверью лифта, в тот самый момент, когда кабина остановилась, издав короткий, резкий сигнал.

– Чёрт, – только и смогла выдохнуть Блейз, почувствовав, как петля неизбежности затягивается вокруг их шей.

Мгновение спустя, к их вискам были приставлены шесть смертоносных дул полуавтоматических винтовок, а три разъяренных овчарки, которых едва

сдерживали их проводники, рвались им в лица, источая ненависть и жажду крови.

И тогда, в конце коридора, словно призрак, сотканный из тьмы и света, возникла массивная фигура, приближающаяся в мерцающем свете ночного освещения.

Адама словно громом поразило при виде Энигмы. Он неверяще шагнул вперёд, и сердце предательски замерло на мгновение, словно задохнулось от ужаса.

— Аксель? — прошептала Блейз, в её голосе сквозило явное замешательство.

По мере того, как Адам приближался, Энигма обронил что-то неразборчивое на японском. Охранники, словно по мановению невидимой руки, расступились, освобождая ему проход, словно расступается море перед чудовищем.

— Куда-то собрался? — промурлыкал Энигма, и его лицо исказила хищная, зловещая ухмылка, от которой по спине Адама пробежал ледяной холодок.

10

Их вели по лабиринту коридоров базы. Впереди, словно ледяной призрак, шествовал Энигма, а шестеро вооружённых охранников, как тени, замыкали шествие. Блейз Филдинг-Стоун отчаянно боролась с подступающими слезами. Перед ней был Аксель, шесть лет их жизни сплелись воедино, отец её ребенка, мужчина, которого она любила до безумия. Но теперь в его глазах плескалось что-то чужое, словно пелена накрыла его разум, исказив его до неузнаваемости.

— Аксель, — вырвалось у неё сквозь слезы, обжигающие щеки. — Что происходит? Зачем ты это делаешь? Это же я, Блейз. Неужели ты меня не узнаешь?

Энигма, не замедляя шага, лишь обернулся через плечо, и в его голосе прозвучала ледяная сталь.

— Замолчи, женщина, — прорычал он, словно зверь, предостерегающий от вторжения на его территорию. — В последний раз повторяю: ты обозналась. Я не знаю никакого Акселя, о котором ты бредишь. И прекрати докучать мне своими безумными фантазиями.

"Как такое могло случиться?" — отчаянно билась мысль в голове Блейз. Она знала, что это Аксель. Его лицо, кожа, запах... даже причёска осталась прежней. Но что-то изменилось, что-то непостижимое, какая-то бездна или пустота, с которой она столкнулась, чего никогда не было в её Акселе.

— Прибереги свои вопросы для мистера Шивы, — бросил ей Энигма, словно приговор. — Мы как раз направляемся к нему.

"Клон? Робот?" — лихорадочно метались мысли в голове. Во время Войн Синдикатов в 2019 году Файршторм уже сталкивалась с роботизированной копией Акселя по имени Брейк, но та была уничтожена взрывом и едва ли

походила на оригинал. Клонирование казалось более вероятным, но неужели Синдикат зашёл так далеко после провала проекта Homo Superior? Благодаря её неповиновению (и тайной помощи Акселя и Адама) Синдикат потерял миллиарды долларов и не получил ничего взамен. Клонирование Акселя было бы непомерно дорогой и бессмысленной затеей. Нет, она была уверена, что перед ней настоящий Аксель, но Синдикат каким-то образом проник в его разум, сломил его волю, заставив служить своим целям. Оставался лишь один вопрос: как вернуть его обратно... как вырвать его из этой тьмы?

Блейз вспомнила миг, когда впервые увидела Акселя. 2015 год, словно застывший осколок прошлого, — двенадцать лет назад. Тогда она томилась в стенах психиатрической лечебницы Эджмонт, чья репутация гнила от коррупции и жестокости. Она была лишь пешкой в грязных экспериментах Синдиката, марионеткой в руках мистера Икс.

Казалось, надежда на нормальную жизнь угасла навсегда. Далёкое эхо детства — истреблённая семья на острове Кокос, скитания в дикой природе, отчаянная борьба за выживание. Её юность была пропитана горечью, и к двадцати годам она трижды пыталась оборвать эту нить.

И вот появился Аксель. Полицейский. Бог, сошедший с небес. Полубог, дарящий свет, когда вокруг стучаается тьма. Он вырвал её из лап Говарда Джеррина, восстал против прогнившего шефа О'Хары и всей коррумпированной полиции Лос-Анджелеса. Он обнажил доказательства того, как Синдикат, воспользовавшись лазейкой в законе, которую О'Хара поспешил прикрыть, незаконно удерживал Блейз в заточении.

Мгновенное, неодолимое влечение. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности, доверяла ему безоговорочно. Рискуя карьерой, он верил в справедливость своего поступка. Даже Адам, вечный повеса и любитель приключений, ставил на кон всё ради неё, помогая им в тени, пока они отчаянно пытались избежать ареста и очистить её имя. В пламени этой опасной одиссеи Блейз познала любовь с Акселем, отдаваясь ему без остатка — душой и телом. Она утонула в нём, а он ответил ей тем же.

Их связь становилась всё крепче, особенно после того, как Блейз вступила в ряды полиции Лос-Анджелеса и они стали не только партнерами, но и соратниками. Впервые она почувствовала, что её ценят, любят, уважают. Но даже это счастье омрачалось тенью Синдиката и мистера Икс, чья зловещая армия роботов, как выяснилось, набирала силу на секретной базе у побережья Калифорнии. Их отношения подвергались немислимым испытаниям в мире, который стремительно менялся, грозя поглотить их в хаосе.

В Лос-Анджелесе разразился коррупционный скандал, заставивший не один полицейский значок с позором покинуть форму. В это же время Блейз ощутила пробуждение дремлющих в ней генетических сил, одновременно узнав о существовании зловещей расы клонов — homo superior. А над всем этим навис зловещий силуэт Мистера Икс, чьи безумные эксперименты, окрещённые "Проектом «Y»", позволяли ему раз за разом обманывать смерть, восставая из пепла и сея хаос с изощрённостью маньяка.

Чтобы противостоять этой надвигающейся тьме, было создано детективное агентство, получившее говорящее название «Огненный шторм».

Три года спустя после их первой судьбоносной встречи Аксель, преклонив колени, предложил Блейз руку и сердце. Её ответ, конечно же, был «да», и этот миг счастья мерк перед грядущим великолепием свадебной церемонии, прогремевшей в 2021 году. Вскоре после этого Блейз узнала о чуде – она ждала ребёнка.

Многочисленные эксперименты с геной инженерией, радиоактивным и электромагнитным воздействием, вкуче с агрессивной медикаментозной терапией, перенесённые в хрупком шестнадцатилетнем возрасте, оставили Блейз бесплодной. Поэтому известие о беременности в двадцать семь лет стало для нее не просто сюрпризом, а настоящим, неземным чудом. Она ликовала, предвкушая возможность подарить Акселю сына.

И чудо свершилось. В 2022 году Блейз родила Макса Стоуна, названного в честь друга и боевого товарища, павшего в войне с Синдикатом. Ребёнок стал неиссякаемым источником радости, укрепившим её брак с Акселем и сблизившим их сердца еще сильнее. Сейчас Макс пять лет, и он, как и его отец, бредит боевыми искусствами, мечтая однажды возглавить «Огненный шторм».

Блейз шла по коридору, утопая в лабиринте воспоминаний о минувшем десятилетии. Рядом с ней шагал Адам, его лицо омрачено тенью вины и подавленной ярости. Казалось, он хранил какую-то страшную тайну, возможно, связанную с Акселем. Но Блейз была полна решимости узнать правду, какой бы горькой она ни оказалась. Энигма провёл их через распахнутую дверь в знакомый кабинет Шивы, чьи алые портьеры, казалось, впитывали в себя весь свет.

Энигма обернулся к шести вооружённым охранникам, словно тень, и отчеканил короткий приказ на японском. Те, бесшумные и вышколенные, заняли позиции у входа, их злобные псы-тени притаились у ног, готовые сорваться с цепи. Энигма плавно закрыл дверь, отрезая звук улицы, и приблизился к Шиве, который только поднялся со своего кожаного трона.

– А, Энигма, какая радость видеть тебя, – промурлыкал Шива. – Благодарю за столь оперативное решение возникшей заминки.

– И я рад лицезреть вас, глава, – отозвался Энигма, в голосе ни тени эмоций. – Позвольте поздравить с восхождением на вершину Синдиката. Рудра упоминала о захватывающем проекте, над которым нам предстоит поработать.

Уголок рта Шивы дрогнул в хищной усмешке.

– Да, проект весьма... интересный, – протянул он, бросив взгляд на Адама и Блейз, застывших в напряжённом ожидании.

В этот момент дверь бесшумно скользнула в сторону, и по металлической дорожке, ведущей в самое сердце героиневой империи, вошла Рудра. Её движения были грациозны и смертоносны, как у пантеры. Она направилась к Шиве и Энигме, излучая ауру власти и опасности.

– Добрый вечер, брат, – прозвучал её голос, мягкий, словно шелест змеиной кожи.

Шива одарил её лёгким поцелуем в щеку.

— Ты, как всегда, выше всяких похвал, сестра, — прошептал он, вкладывая в эти слова скрытый смысл.

Шива улыбнулся Блейз и Адаму, в этой улыбке не было тепла, лишь отблеск холодного расчёта, и опустился в своё кресло, приглашая Рудру и Энигму занять места по обе стороны от него.

— Прошу, располагайтесь, — он указал на неприглядные пластиковые стулья, словно бросая кость. — Теперь, когда мы все в сборе, я хотел бы перейти к сути. Вас, несомненно, терзает вопрос о судьбе вашего... друга, Акселя.

— Что вы с ним сделали? — выплонула Блейз, её глаза метали молнии.

Шива вновь одарил её своей змеиной улыбкой.

— Аксель... скажем так, он не сможет разделить с нами этот вечер из-за... непредвиденных обстоятельств. Он просил передать вам привет и пожелать... всего наилучшего в будущем.

— Лжец, — прошипела Блейз. Она перевела взгляд на Энигму, который стоял, словно каменный идол, скрестив руки на груди. — Что ты натворил?

— Блейз, позволь представить тебе Энигму. Не думаю, что вы были знакомы. В своё время Энигма был настоящим кошмаром. Его тень нависла над нами примерно за два года до твоей первой встречи с Акселем. Энигма стал зловещим ключом, запершим двери перед расследованием ФБР в отношении дел Синдиката. С леденящим кровь хладнокровием он оборвал жизни шестерых агентов ФБР, подготовив кровавую почву для устранения Рудрой их помощника директора, чьё любопытство стало для них невыносимой угрозой.

— Ты говоришь о том самом заговоре, когда ФБР потрясли взрывы в 2013 году? — Блейз нахмурилась, словно пытаясь отыскать правду в лабиринте лжи. — Я думала, это дело рук безумного культа самоубийц.

— Это та сказка, которой тебя кормили с экранов телевизоров, — мрачно ответил он. — Истинная картина была тщательно замаскирована, правда о том, что именно Энигма был дирижёром этого адского оркестра. И, как ни странно, именно Адам Хантер помог похоронить эту страшную историю.

Блейз бросила испепеляющий взгляд на Адама. Его лицо исказилось от мучительного смущения, словно его заставили испить чашу позора до дна.

— Что? — выдохнула она, не веря своим ушам.

— О, да, — Шива злорадно растянула слова, наслаждаясь каждым мгновением его разоблачения. — Неужели ты не знала? Адам бережно хранил этот секрет в своем сердце все эти годы. Он с самого начала знал об Энигме и его зловещей связи с Синдикатом. Только благодаря его искусному вмешательству Энигма тогда бесследно исчез.

— Я спас Акселю жизнь, — выпалил Адам, повышая голос в отчаянной попытке оправдаться.

– Этот человек лежал в коме благодаря тебе, – парировал Шива, его голос звучал как удар хлыста. – Ты утверждаешь, что спас ему жизнь – каким образом? Сбил его? Пытался убить? Так ты проявляешь свою благодарность?

– Всё было не так, – отчаянно запротестовал Адам. – Ты всё выворачиваешь наизнанку!

– О чём, чёрт возьми, вы двое несёте? – потребовала Блейз, её терпение лопнуло, словно перетянутая струна. – Что здесь, во имя всего святого, происходит?

– Это долгая история, – обреченно вздохнул Адам. – Я всё тебе объясню позже, когда у нас будет время. Суть в том, что Аксель попал в аварию. Он... превратился... в Энигму, пока был в коме.

– Ты хочешь сказать, что Аксель виновен в тех чудовищных злодеяниях против ФБР, в тех самых взрывах? – Она не могла поверить, что слышит это на самом деле.

– Он был не в себе, – поспешно успокоил её Адам. – Энигма – это совершенно иная личность, обитающая в его теле. Что-то вроде истории о Джекиле и Хайде.

Блейз умолкла, и без того ошеломлённая увиденным. За время, проведённое в стенах эджмонтской больницы, её глаза повидали такое безумие, что, казалось, ничто уже не способно удивить. Но это... это превосходило всякое воображение.

– Полиция Лос-Анджелеса и ФБР ликвидировали Энигму, – глухо произнес Адам. – Но чтобы выгородить Акселя, защитить его от неминуемой расплаты, ведь формально он не был главным злодеем во всей этой истории, нам пришлось похоронить правду. По крайней мере, так настаивал шеф О'Хара.

– О'Хара гниёт за решеткой, отбывая пожизненное за государственную измену! – резко отрезала Блейз. – Адам, я отказываюсь верить, что ты столько лет молчал об этом! Неужели ты не понимал, что рано или поздно всё это должно было всплыть?

Он виновато покачал головой. – Я... я просто выполнял приказы. И столько лет прошло...

Шива, казалось, лучился злорадным удовольствием. – Как бы ни была трогательна ваша семейная сцена, боюсь, мне придётся ее прервать. Пора начинать вечернее представление. Немного с опозданием, но зрители ждут, Блейз. Я не могу обмануть их ожидания. Это пагубно сказывается на кассовых сборах.

Блейз устало вздохнула. Если бы только проклятая инъекция не нейтрализовала её ауру, она бы испепелила Шиву огненным шаром прямо здесь и сейчас. – Я никуда не пойду, Шива, – отрезала она, стараясь говорить как можно тверже. – Забудь об этом. С меня хватит твоих игр.

— О, поверь, игры только начинаются... — промурлыкал Шива, обходя стол. Резким движением он подхватил Блейз под руки, поднимая её с кресла.

— Ой! — вскрикнула она. — Прекрати!

Шива, не обращая внимания на её протесты и отчаянные крики, потащил её в сторону выхода, ведущего на территорию заброшенной героиновой фабрики, той самой, через которую вошла Рудра.

— Ты будешь играть, хочешь ты этого или нет, — прошипел Шива, не выпуская её из хватки.

Адам, словно выпущенная пружина, сорвался с места, отшвырнув пластиковый стул и вскочив на ноги, чтобы защитить её. Но замер, скованный холодом ужаса, когда Рудра, как статуя возмездия, направила на него пистолет, палец хищно лёг на спусковой крючок.

— На твоём месте, я бы дважды подумала, — прошипела она, и в голосе звенела сталь.

В тот же миг Энигма обрушил удар на лицо Блейз, и та, как подкошенная, рухнула на пол. С остервенением зверя он сорвал с нее рубашку, обнажив дрожащую грудь.

Адам отвернулся, словно от невыносимого зрелища казни. Он не мог, не хотел на это смотреть.

Энигма, не вникая ни в мольбы, ни в протесты, содрал с Блейз рабочие штаны. Когда она осталась обнаженной, он вытолкнул её за дверь и с грохотом захлопнул её, задвинув засов. В каждом его движении сквозила такая ярость, такое презрение, что казалось невыносимым, что в нём ещё теплится хоть искра Акселя. Это было безумие, абсолютное и бесповоротное. Он только что бросил свою жену, мать своего ребёнка, на растерзание голодным, похотливым зверям этой фабрики.

Блейз обрушилась на холодный, пропитанный запахом машинного масла металлический пол по другую сторону двери, разрыдавшись безудержно, как раненый зверь. Унижение, бессилие, хаос, поглотившие её, были невыносимы. Как Аксель мог так с ней поступить?

Сквозь пелену слез она видела ликующие лица рабочих, выкрикивающих грязные, сальные шуточки, одобряющие это зверство. В голове вспышкой пронесли воспоминания о той кошмарной ночи в больнице, о докторе Джеррине, о боли и шрамах, физических и душевных, которые он оставил после себя.

Собрав в кулак остатки воли, поклявшись себе, что больше не позволит никому надругаться над собой, она поднялась, пытаясь сфокусировать взгляд. Глаза беспокойно заматались по сторонам. Она сорвалась с места, закрывая лицо руками, чтобы убрать с глаз волосы, слипшиеся от пота и слёз. Если ей удастся пробежать хотя бы один круг по галерее, это даст Адаму шанс освободиться, и, возможно, она сможет добежать до него, прежде чем эти похотливые псы доберутся до неё.

Это был отчаянный, безумный риск. Адаму придется сразиться с Шивой, Рудрой и Энигмой, чтобы спасти её. Но это была ее единственная надежда, тонкая нить, за которую она цеплялась, чтобы не утонуть в пучине отчаяния. О другой возможности даже думать было невыносимо, это был мрак, в который она боялась заглянуть.

11

Шива коснулся кнопки на своем столе, и стеклянная стена, отгораживающая вид на дорогу, бесшумно скользнула вниз, отрезая внешний мир. Он повернулся к Адаму.

— Ты больше никогда её не увидишь, — произнёс он, словно вынося приговор.
— Смирись.

Адам почувствовал, как челюсти свело от напряжения. Нужно действовать, и быстро, но как? В открытую против Шивы, Рудры и Энигмы ему не выстоять, но разве смерть, в отчаянной попытке, не лучше, чем бросить Блейз на растерзание? Особенно после того, как он поклялся её защитить. Глубокий вдох, в попытке собрать волю в кулак, и лихорадочный перебор вариантов.

Шива рассматривал фотографии на цифровой камере Адама.

— Я вижу, ты у нас фотограф-любитель, — небрежно заметил он. — Запечатлел во всей красе наше оружие, «Опустошитель Миров»...

Слова обожгли Адама, словно кипятком.

— Это... любопытное инженерное решение... — осторожно произнёс он, выжидая.

Шива бережно опустил камеру на стол и одарил Адама ледяной улыбкой.

— Разработка мистера Икс. Долгие годы это был всего лишь набросок в одном из его блокнотов, утопическая идея, как чертежи летательных аппаратов Леонардо да Винчи. Но после его смерти я счёл своим долгом воплотить это оружие в жизнь, как последнюю дань уважения памяти Джорджа Ксетеуса.

— Я думал, ты ненавидел мистера Икс, — проговорил Адам.

Шива пожал плечами, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

— Возможно, и ненавидел, временами, в последние годы. Но он был гением, титаном мысли, моим наставником на протяжении долгого времени. Он заслуживает уважения.

Адам скривился.

— Позволю себе не согласиться, — процедил он сквозь зубы. — И что же это за «оружие»? Я слышал много слухов...

– «Опустошитель Миров» – это, прежде всего, корабль, – пояснил Шива. – Способен перемещаться в атмосфере и на орбите, несёт на борту до трёхсот человек. Но его главное предназначение – сингулярная пушка.

От этих слов в жилах похолодело.

– Что?.. – выдохнул Адам.

Шива, словно дирижёр безумного оркестра, размахивал руками, пытаясь вложить в слова всю глубину своей чудовищной концепции.

– В двух словах... ядро оружия создает квантовую сингулярность – бесконечное искривление ткани пространства-времени. Для непосвященного – миниатюрная чёрная дыра, взращённая в утробе металла. Эта сингулярность, словно змея, свёрнута в кольцо и сфокусирована в жгучий луч, нацеленный напрямик в ядро Земли, где ей предстоит разрастись. Оружие одноразовое, ибо его эффект – абсолютная аннигиляция. Отсюда и название.

– Это... уничтожит мир, – прошептал Адам, словно боясь поверить услышанному.

– Скорее, это... совершит деконструкцию, – поправил Шива, и в голосе его прозвучало мрачное торжество. – Квантовая гравитация поглотит планету, атом за атомом, в утробу сингулярности, выворачивая её наизнанку и превращая всю её массу в бесконечно малый горизонт событий нулевого объёма. Теоретически, этой чёрной дыре хватит аппетита, чтобы проглотить даже Луну.

Адам покачал головой, пытаясь уложить в голове этот кошмар.

– Но зачем? Зачем тебе это нужно? Это... безумие.

– Слышал ли ты о Ли Смолине и его космологической теории естественного отбора?

– Не могу припомнить.

– Он был научным сотрудником Института теоретической физики Периметра в Канаде. Он предположил, что законы биологии применимы в масштабах Вселенной... Его теория гласит, что коллапсирующая чёрная дыра порождает новую Вселенную "по ту сторону". Мистер Икс и доктор Дам, разработавшие техническую сторону устройства, были уверены, что по ту сторону чёрной дыры происходит новый Большой Взрыв. Вселенные создаются и продолжают создаваться подобным образом, как пузырьки в кипящей воде, в одиннадцатимерном царстве, которое мы называем "гиперпространством".

– Да-да, – с нервным смешком прервал его Адам. – Ты думаешь, уничтожив мир, ты создашь новую вселенную?

Шива одарил его безумной ухмылкой.

– Это нечто большее, друг мой. Я хочу стать Богом по ту сторону.

Адам не сомневался: Шива сошёл с ума. Разум его помутился, словно от ядовитых испарений.

— А ты, Рудра? — процедил он, впиваясь в неё взглядом. — Ты тоже веришь в этот бред? В эту недоказуемую, псевдодуховную, псевдонаучно-фантастическую галиматью?

В ответ Рудра хлётко ударила его по лицу перчаткой. Кожа вспыхнула от жгучей боли.

— Мой брат — гений, — прошипела она, словно змея. — На протяжении всей истории люди стремились к божественности. Леон просто делает следующий шаг. Мы покорили квантовую механику...

Она не успела договорить. Адам, как дикий зверь, бросился на неё, выбил "Магнум" из её руки и с силой ударил ботинком в лицо. Рудра рухнула на спину, и Адам, не давая ей опомниться, обрушил сокрушительный удар в грудь. Хруст костей эхом отозвался в воздухе, и она, словно подкошенная, потеряла сознание.

Адам, подобно льву-победителю, вскинул голову, сканируя взглядом поле боя в поисках новой жертвы...

В этот момент Энигма, словно тень, метнулся к нему, целя апперкотом в подбородок. Но Адам вовремя заметил его манёвр и отскочил в сторону. С молниеносной скоростью он развернулся и нанёс удар ногой с разворота, отбросив Энигму на пол рядом с распростёртой Рудрой.

Энигма издал яростный рык, полный первобытной силы, и в мгновение ока вскочил на ноги. Воздух вокруг него словно задрожал от напряжения, стал горячим и обжигающим. И тут произошло нечто невероятное: его правая рука вспыхнула, объятая неистовым пламенем.

Адам, застигнутый врасплох, лишь беспомощно наблюдал, как Энигма, словно одержимый, совершил рукой оборот на триста шестьдесят градусов, создавая вокруг себя пылающую стену огня, отбросив Адама назад жаркой волной.

Энигма злобно ухмыльнулся, сквозь пламя сверкнули его белые зубы.

— Я называю это атакой "Крыло Дракона".

Адам не мог постичь, как Энигма обуздал стихию огня в столь разрушительных масштабах, но после увиденного в лабораториях Синдиката, где препарировали саму природу «homo superior» и «homo universalis», удивляться было глупо. Ярость вскипела в крови, и он обрушил кулак на лицо Энигмы.

Бой с Энигмой терзал душу. Каждый удар, пронзающий его плоть, отдавался болью в сердце, словно Адам истязал Акселя. Отвратительное чувство долга и предательства переплетались в смертельном танце. Он должен защищаться, иначе огненный демон вырвет у него жизнь.

Энигма парировал вялые атаки, словно играючи, и обрушил на бывшего полицейского град ударов: хук слева в глаз, двойной кросс и, наконец, сокрушительный удар в голень.

Адам зарычал от боли и отчаяния. Энигма был чудовишно силён, но у любой силы есть предел. Отпрыгнув назад, он обманул Энигму в своей неуклюжести, и, словно змея, метнулся вперёд, схватив его за шею. С силой отчаяния он впечатал кулак в лицо, оказавшееся в смертельной ловушке, и швырнул тело на пол. Не давая врагу опомниться, Адам схватил пластиковый стул и обрушил его на грудь Энигмы. Тот издал хриплый стон и затих, лишь судорожно вздымая грудь.

Адам понимал, что у него остались лишь мгновения. Время жалости истекло.

— Прости, Аксель, — прошептал он, поднимая обломок стула и вонзая его острые металлические ножи в грудь поверженного Энигмы.

В это время Шива, размяв затекшие пальцы и сладко потянувшись, вскочил на ноги в тот самый момент, когда Энигма рухнул на пол.

— Теперь моя очередь! — взревел он, предвкушая новую битву.

Когда Блейз, задыхаясь, завершила свой отчаянный круг, отчаяние вырвалось из её груди криком, полным бессилия. Дверь в кабинет Шивы оставалась глуха и неприступна, словно насмехаясь над её мольбами. Ставни, плотно закрытые, не позволяли даже мельком увидеть проблеск надежды, отрезая её от Адама, словно стеной. Внизу, в чреве завода, kloкотала, бурлила толпа, голодная и жаждущая. И вдруг, словно в кошмарном сне, она увидела, как фигуры, словно мерзкие насекомые, цепляются за стены, карабкаясь вверх, к подиуму, с единственной целью — схватить её. Крик ужаса застрял у неё в горле, когда чьи-то цепкие, грязные пальцы сомкнулись на её босых ногах, просочившись сквозь решётку. Она отчаянно топтала их пятками, силясь раздробить кости, но лишь ослабила прогнившую металлическую сетку, и в следующее мгновение гравитация потянула её вниз, в бездну.

Удар о бетонный пол заводского цеха выбил из неё дух. Она рухнула на грудь, среди груды искорёженного металла и пластика, и острая боль пронзила её левое бедро — кусок ржавой трубы вонзился в плоть. Крик агонии вырвался из её губ. Она была беспомощна, не в силах подняться, словно раненая птица, окруженная стаей хищников. Толпа, словно стервятники, учуявшие падаль, надвигалась со всех сторон, их глаза горели нездоровым огнём.

Стоны боли вырвались из её груди, когда чьи-то липкие, потные руки схватили её за щиколотки, волоча прочь от обломков. За ней тянулся кровавый след, багровый ручей, быстро вытекающий из раны. Металлическая труба, словно проклятый шип, торчала из её бедра, издавая жуткий скрежет, когда её ташили по грубому полу. Затем, рывок, и её тело перегнули через холодные металлические перила, ноги бессильно болтались в воздухе, ягодицы задраны, а дёргающиеся руки прижаты к полу чужими, сильными руками.

Её сердце бешено колотилось в груди, словно пойманная в клетку птица. Воздух стусился от запаха пота, машинного масла и первобытного, животного возбуждения. Один из мужчин, словно хищник, крадущийся к добыче, подошёл сзади, его грязные пальцы расстегнули ремень его брюк.

«Адам...» – пронеслось в её голове, полном отчаяния. – «Где же ты?»

– Последний Удар!

Могучий удар ноги Шивы обрушился на челюсть Адама, словно гром среди ясного неба.

Адам балансировал на краю пропасти. Триумф над Рудрой и Энигмой, вырванный в яростной схватке, истощил его силы. А теперь – Шива, воплощение мощи, превосходящий все его самые мрачные ожидания. Мгновение он застыл, запрокинув голову к звёздам, словно ища там ответа. Лицо, изувеченное багровыми синяками, омывала кровь, струящаяся со лба.

Раскатистый хохот Шивы разорвал тишину. Огненный шар, словно изрыгнутый из пасти дракона, обрушился на истерзанную грудь Адама. Отброшенный взрывной волной, он рухнул рядом с бесчувственным телом Рудры, спиной ощущая холод бетонного пола.

– Просто сдавайся, смертный, – прошипел Шива, насмехаясь над поверженным противником. – Не тебе тягаться с богом.

Пелена ярости застилала разум, но краем глаза Адам заметил «Магnum», всё ещё зажатый в слабеющей руке Рудры.

Шива приближался, извергая поток слов о своей непостижимой силе и грядущем восхождении в пантеон богов. Но Адам не слышал его. Движением дикой кошки он бросился вперёд, вырвал револьвер из оцепенелых пальцев Рудры и направил дуло на Шиву.

В глазах бога отразился мимолётный испуг. Гроыхнул выстрел!

Одного выстрела хватило. Шива рухнул, сражённый наповал. Адам, задыхаясь и шатаясь, поднялся на ноги, не веря в свою удачу. На мгновение в голове мелькнула мысль – покончить с этими тремя, пока они беспомощны.. навсегда лишить их возможности творить зло. Но потом он вспомнил Акселя, и понял, что не вправе вершить самосуд. Сейчас его единственной целью было спасти Блейз.

Он рванулся к столу Шивы и нажал скрытую кнопку. С тихим шипением панель отодвинулась, открывая проход, откуда доносился приглушенный шум работающих механизмов.

Он молил небеса, чтобы не опоздать.

Адам рванулся к краю платформы и заглянул вниз. В дальнем конце цеха, у перил, собралась толпа рабочих – человек пятьдесят, может, шестьдесят. Блейз лежала обнажённая, кровь сочилась из ран. Один из мужчин удерживал её, несмотря на отчаянное сопротивление, а другой уже стянул с себя трусы, готовясь к насилию.

Нельзя терять ни секунды. Адам вскинул "Магнум" и нажал на спусковой крючок. Одиночный выстрел разорвал воздух, эхом прокатившись по цеху и заглушив аплодисменты и волчий свист.

Все обернулись к Адаму. Толпа замерла. Часть мужчин бросилась к выходу, но большинство, включая того, у кого трусы болтались на лодыжках, остались на месте.

Адам направил пистолет на полуголого парня, целясь в сердце. – Отпустите её! – заорал он. – Или я буду стрелять!

– Бред! – проревел кто-то с ирландским акцентом. – Сейчас моя очередь!

Толпа разразилась хохотом. Полуголый парень снова повернулся к Блейз, грубо схватил её левой рукой за шею, а правой потянулся к её раздвинутым ногам, облизывая губы и издавая похотливые хрипы.

Адам тщательно прицелился и спустил курок.

Бах!

Выстрел снова заставил цех замолчать.

Пуля попала точно в цель, в спину. Кровь брызнула фонтаном. Полуголый парень развернулся на месте и рухнул на пол.

Бам! Бам! Бам!

Адам открыл огонь по толпе, кося обезумевших наркоманов. В панике люди бросились к выходу. Блейз, прижатая к земле, была освобождена. Её обнажённое, окровавленное тело безвольно обмякло на полу. Адам понимал, что ей срочно нужна медицинская помощь.

Пока рабочие фабрики бежали, он вернулся в кабинет Шивы и начал шарить по карманам Рудры в поисках дополнительных патронов. "Магнум" был пуст, и он чувствовал, что им понадобится каждый патрон, если они хотят пережить эту ночь и сбежать из этого забытого богом места.

В карманах Рудры нашлись лишь ключ-карта первого уровня и электрошокер. Адам забрал оба предмета. На поясе девушки висела кобура, полная патронов для "Магнума". Казалось, там их не меньше сотни, но Адаму нужно было лишь зарядить пистолет и оставить небольшой запас – ровно столько, чтобы хватило до тех пор, пока он не раздобудет автоматическое оружие, что-нибудь посерьёзнее. Он торопливо выхватил столько патронов, сколько мог удержать в руке, зарядил "Магнум" и распихал оставшиеся по карманам. Пот градом катился со лба.

Рудра пошевелилась. Адам понимал, что враги скоро придут в себя.

Он вернулся на мостик. В заводском цехе остались лишь Блейз и тела убитых им людей. Адам вздохнул. Убивать всегда было тяжело, вне зависимости от количества жертв и того, насколько плохими они казались.

Стиснув зубы, он засунул "Магнум" за пояс и осторожно спустился в пролом, образовавшийся после обрушения панели. Согнув колени при приземлении, он благополучно достиг нижнего уровня, избежав травм, несмотря на значительную высоту. Он подбежал к Блейз и помог ей подняться.

— Адам, — выдохнула она, и её сухие губы тронула слабая улыбка. — Ты спас меня.

— Всегда рад помочь, детка, — ответил он, оценивая взглядом её раны. — Но не торопись благодарить. Прости за это.

Она покачала головой.

— Ты молодец.

Затем она то ли рассмеялась, то ли всхлипнула, нахмурившись от осознания, что всё ещё полностью обнажена.

— Теперь ты видел меня во всей красе, — сказала она.

— Я большой мальчик, переживу, — заверил её Адам. — Уверен, в другой ситуации я был бы только рад, но сейчас есть вещи поважнее, чем... видеть тебя обнажённой. Мне нужно срочно обработать твою рану. К счастью, я проходил курсы первой помощи, так что мы быстро тебя подлатаем.

Блейз кивнула, и в этом кивке читалось осознание: не будь рядом Адама, не прояви он отчаянную смелость, пробравшись на базу в одиночку, всё обернулось бы трагедией.

— Спасибо, Адам, — прошептала она, словно воздух покидал её тело. — Я перед тобой в неоплатном долгу.

— Не стоит благодарности, — отозвался он, его голос звучал серьезно. — Сейчас я извлеку эту дьявольскую трубку из твоей ноги. Врать не стану, будет адски больно, соберись.

Блейз зажмурилась, глубоко вдохнула, и её крик, полный нечеловеческой боли, пронзил воздух, замораживая кровь в жилах. Адам, с недрогнувшей рукой, провернул металлический обломок и резким движением вырвал его из бедра. Отброшенный в сторону, он с лязгом ударился о бетонный пол и, подпрыгивая, покатился в тень.

Новая волна крика сорвалась с губ Блейз, и горячие слёзы хлынули по щекам.

Адам, не теряя ни секунды, разорвал свою рубашку на полосы и быстро, но уверенно, наложил импровизированный жгут на кровоточащую рану.

— Вот, — сказал он, его тон был полон решимости. — Не дави на рану. Это должно остановить кровотечение.

— Хорошо, — едва слышно выдохнула Блейз.

— Подожди здесь, — приказал Адам, направляясь к одному из убитых рабочих, сраженных его пулей. Он быстро сорвал с мертвого тела рубашку и штаны. — Боюсь, это всё, что я могу предложить, пока мы не найдем что-нибудь получше.

Блейз слабо кивнула.

— Это лучше, чем совсем ничего. И про обувь не забудь.

Адам принёс одежду и помог Блейз одеться, стараясь не причинить ей боли. Затем осторожно подал руку, когда она, шатаясь, поднялась на ноги.

— Ты сможешь идти? — спросил он, внимательно изучая её бледное лицо.

Блейз выглядела измученной и слабой, но без необходимого оборудования Адам был бессилен. Ей отчаянно нужна была квалифицированная медицинская помощь, он же был лишь солдатом, а не врачом.

— Со мной всё будет хорошо, — прозвучало натянуто, улыбка дрожала на её губах, но Адам видел, как страх затмевает её глаза. — Найдём Аксея, и пусть этот кошмар закончится.

Адам кивнул, словно очнувшись. В вихре последних событий он совсем упустил из виду Аксея, пленника Энигмы. Как вернуть его назад, в мир живых, не сломав окончательно? Вопрос терзал сознание. Прошлый опыт, когда Энигма едва не поглотил его самого, подсказал лишь один выход — погружение в искусственную кому, зыбкое и ненадежное спасение.

— Мы вырвем его из лап тьмы, чего бы это ни стоило, — пообещал он, вкладывая в слова всю свою решимость.

Тремя минутами ранее

Шива вздрогнул, гримаса боли исказила его лицо. Разорванная мышца плеча пульсировала огнём, а на груди, там, где «Магнум» оставил свой поцелуй в бронежилете, разгорался багровый синяк. Проклиная собственную опрометчивость, он обернулся и принялся яростно обыскивать кабинет. Энигма помогал Рудре подняться, и на их лицах читалось раздражение, словно от досадной помехи.

— С вами всё в порядке, сэр? — участливо спросил Энигма.

Шива кивнул, сорвал с себя бронежилет и поднёс его к тусклому свету. Прямо под горловиной, словно насмешка, зияла аккуратная дыра, от оплавленной ткани ещё поднимался тонкий дымок. С презрительным жестом он отшвырнул его в сторону.

– Я в порядке. Рудра?

Она выпрямилась, потирая ушибленную руку.

– Да, да, все нормально. – Внезапно её взгляд заострился, и она подошла к окну, выходящему на унылый пейзаж героиновой фабрики. Внизу, у стен, Адам, склонившись над Блейз, что-то делал с её раной.

– Адам Хантер там, внизу, – процедила Рудра, в её голосе клокотала ярость. – Похоже, он «спасает» Блейз Филдинг. Какая досада... Невероятная наглость! – Она в бессильной ярости сжала кулаки, ноздри её раздувались.

Энигма вопросительно посмотрел на Шиву.

– Мы должны остановить их, – прошептал он, – Можем прикончить их прямо сейчас, застать врасплох...

– Нет, нет, нет, – Шива покачал головой, бросив взгляд на наручные часы. Время неумолимо приближалось к десяти вечера. Они должны были прибыть в главный ангар менее чем через десять минут. – Сейчас не время. Эта суматоха отняла у нас гораздо больше времени, чем я рассчитывал. Нужно двигаться.

Он направился к двери, и остальные безмолвно последовали за ним.

– Не забывайте, какой сегодня день, – бросил Шива через плечо. – Вы же знаете, что мы не можем отклоняться от графика ни на йоту. Мы планировали это месяцами...

Рудра глубоко вздохнула и кивнула, стараясь обуздать ярость.

– Но что насчет Адама и Блейз? – спросила она, не отводя взгляда от окна. – Я думала, наша первостепенная задача – устранить их.

Шива обернулся, открывая дверь.

– Что-то подсказывает мне, – произнёс он с ледяной улыбкой, – что вскоре нам представится ещё один шанс...

Адам, преисполненный решимости, повёл Блейз к аварийной пожарной лестнице, ведущей на подиум. Он разбил защитное стекло, нажал кнопку активации, и лестница, с металлическим скрежетом, скользнула вниз, разворачиваясь под собственным весом.

Блейз полезла первой, Адам следом, внимательно следя за жгутом на её ноге. Он должен быть надёжно закреплён, но не сковывать движения. Добравшись до подиума, они рванули к кабинету Шивы, но внутри никого не оказалось. Энигма, Рудра и сам Шива исчезли.

– Они исчезли, – констатировал Адам, выругавшись сквозь зубы. – Чёрт возьми.

— Что здесь произошло? — спросила Блейз, оглядывая пустую комнату.

— Хороший вопрос, — ответил Адам, наклоняясь, чтобы изучить ковёр. — Я вырубил всех троих, и это было непросто. — Он покачал головой, глядя на брошенный бронезилет Шивы. — Похоже, они просто передумали и сбежали.

— Нам нужно выяснить, куда они подевались, — заявила Блейз. — Я не брошу Акселя, даже если он сейчас на их стороне.

Адам кивнул. — Самое сложное будет убедить его пойти с нами, — честно признался он. — Но ты права. Мы не можем его оставить.

Он подвёл Блейз к главным дверям и нажал кнопку открытия. Коридор за дверью был пуст. Тихо звучала сигнализация, но ни охраны, никого, кто попытался бы их остановить, не было видно. — Как думаешь, что происходит? — спросила Блейз, чувствуя нарастающую тревогу.

— Не знаю, — ответил Адам. Он достал "Магнум" и взял его обеими руками, ощущая прилив уверенности от тяжести оружия. — Но мы это выясним.

Они направились к лифту. Двери закрылись, и Адам нажал кнопку одного из этажей. Раздался холодный, механический голос: "Этот выбор недоступен во время обратного отсчёта запуска. Пожалуйста, попробуйте ещё раз."

Адам побледнел. Он понял, что это значит.

— Обратный отсчет запуска? — переспросила Блейз. — Что это значит?

Адам сглотнул. Он нажал кнопки других этажей, получая тот же ответ, пока не обнаружил, что работает только один — "Ангар".

Да.

— Мне кажется, я понял, куда все исчезли, — сказал Адам едва слышно. — Они заняты подготовкой к активации «Опустошителя Миров».

13

Лязг остановившегося лифта сменился монотонным женским голосом:

— Уровень поверхности. Главный ангар.

Двери распахнулись, и Адам, пропустив Блейз вперёд, шагнул в огромное пространство. Ангар был в два, а то и в три раза больше обычного авиационного.

— Вот это да! — выдохнула Блейз, застыв на пороге. — Он просто невероятных размеров!

Адам кивнул, и они оба, замороженные, уставились на «Опустошитель Миров». Теперь, зная истинное предназначение этой машины, Адам ощущал её величие ещё острее. На мгновение его охватило странное чувство нереальности происходящего. Неужели Адам Хантер, человек из 2027 года, действительно

стоит перед устройством, способным уничтожить не только мир, но и перечеркнуть тысячелетия человеческой истории?

«Опустошитель Миров», по прикидкам Адама, был размером с авианосец, а в ширину – как четыре атомные подводные лодки. Он напоминал гигантскую сигару, испещренную люками, расположенными на равном расстоянии друг от друга, примерно в пятнадцати метрах. Корпус, выполненный из тёмно-серого титанового сплава, был гладким и холодным, как лёд. Ни окон, ни иллюминаторов. В его очертаниях угадывалось что-то от гигантской пушки, орудия семнадцатого века – возможно, именно этим вдохновлялся его создатель. Шива называл его пушкой, уничтожающей миры. Каким бы ни был источник вдохновения, подобное творение могло родиться только в извращённом воображении мистера Икс. Только он мог создать нечто столь злое, столь разрушительное, но в то же время таинственное, притягательное и почти прекрасное.

– Что ж, Синдикат превзошёл сам себя, – прошептала Блейз, нервно коснувшись блестящего сплава. Он был скользким, как масло. Прикосновение к этой машине сделало её более реальной, установило личную, почти интимную связь с этим внушающим благоговение механизмом. Вероятно, это был самый большой летательный аппарат, который она когда-либо видела, а это о многом говорило, особенно после изобретения антигравитационного двигателя почти десять лет назад, проложившего путь к появлению в небе Нео-Лондона огромных дирижаблей, похожих на современные цеппелины.

По системе внутренней связи пронёсся треск, и голос техника объявил: "Внимание! Запуск «Опустошителя Миров» состоится через семь минут после старта. Всем сотрудникам занять свои позиции. Персоналу на поверхности немедленно эвакуироваться в безопасную зону, не позднее чем через четыре минуты."

За спиной захлопнулись двери лифта, и послышался звук его спуска. Вероятно, его вызвали на нижние уровни сотрудники из другого сектора базы.

– Похоже, они не шутят, – проговорил Адам. – Пошли, нам лучше поторопиться, пока нас не засекли.

Он взял Блейз за руку и потянул за собой вниз по лестнице, ведущей в нижний ангар, где располагалась боевая часть «Опустошителя Миров». Здесь они чувствовали себя в большей безопасности. Спустившись, они увидели колоссальную двигательную установку, предназначенную для вывода этого чудовищного творения науки и металла в стратосферу.

– Боже мой, – выдохнула Блейз, поражённо глядя на установку. – Эта штука делает Робота Y похожим на маленького жука...

– Именно, – подтвердил Адам. – И именно поэтому мы должны это остановить. Если они выведут это на орбиту и активируют оружие, нам всем конец. И я имею в виду, ВСЕМ.

Они обошли основание установки, рассматривая её снизу. Пройдя несколько десятков футов, они заметили входной люк с надписью:

ВХОД 010 IDDQD

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН – УРОВЕНЬ 1

– Бинго, – прошептал Адам, доставая из кармана ключ-карту Рудры. – Я предчувствовал, что она может пригодиться. – Он осторожно приблизился к двери и, убедившись, что поблизости нет камер или лазерных датчиков, вставил карту в считывающее устройство. Маленький индикатор сменил цвет с красного на зелёный, и дверь с лязгом распахнулась.

– Помоги мне, – попросил он, хватаясь за рычаг.

– Я, вообще-то, не собиралась лететь в открытый космос, когда проснулась сегодня утром, – простонала Блейз.

Она шагнула вперёд, чтобы помочь ему открыть тяжёлую металлическую дверь. Когда дверь поддавалась, изнутри вырвался порыв холодного воздуха. Только тогда она осознала всю серьёзность происходящего, и это обрушилось на неё, как лавина. Она почувствовала страх, понимая, что это момент, после которого пути назад не будет. Если они провалят миссию, если им не удастся разрушить планы Синдиката и спасти Аксея, то не только их жизни, но и весь мир, каждое живое существо в нём, будут обречены на полное уничтожение.

Тогда не будет никакого давления.

Адам переступил порог и втянул Блейз за собой. В напряжённой, нервной тишине они закрыли дверь, наблюдая, как на маленьком компьютеризированном экране отображается последовательность сжатия, запечатывающая искусственную атмосферу.

В недрах «Опустошителя Миров» царил полумрак. Коридор, в котором они оказались, был на удивление просторным и хорошо спроектированным, скорее гостеприимным, чем мрачным и тесным, как ожидал Адам. Стены были простыми и белыми, с панелями управления, мигающими лампочками и циферблатами. В воздухе витал запах резины и металла, как на платформах метро в больших городах.

– Куда теперь? – спросила Блейз, чувствуя, что ей не хватает слов.

– Я не знаю, – ответил Адам, слегка улыбнувшись ей. – Я придумаю по ходу дела.

На командной палубе «Опустошителя Миров» Леон Шива улыбнулся. Его компьютерная консоль мигнула, показывая, что ключ-карта Рудры только что была использована для доступа к одной из служебных дверей на десятой палубе, в самом низу корабля. Та самая карточка-ключ, о краже которой Рудра сообщила после их битвы с Адамом Хантером менее пятнадцати минут назад. Он знал, что Адам и эта постоянная заноза в его заднице, Блейз Филдинг, были ответственны за использование карты и сейчас находились на борту корабля, без сомнения, намереваясь уничтожить его прежде, чем он сможет выполнить свою миссию.

— Далеко они не уйдут, — сказала Рудра, стоя у него за спиной. — Я позабочусь об этом. На этот раз меня не так-то легко отвлечь разговорами. Я убую Адама Хантера голыми руками, прежде чем он успеет перевести дух.

Шива поднял ладонь.

— Нет, Рудра, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты была здесь, со мной, на командной палубе. Я хочу, чтобы ты стала свидетелем начала величайшего события в истории человечества — нашего возрождения в качестве новых Богов и создания новых Небес и новой Земли. Наши судьбы переплетены, сестра моя. Твоё место здесь.

— Как пожелаешь, — Рудра слегка склонила голову. — Просто мы планировали, что они умрут там.

— И так и будет. — Шива повернулся к Энигме. — Ты займёшься Огненным Штормом. Уверен, ты с радостью воспользуешься возможностью размять кости и показать этим назойливым выскочкам, на что ты способен.

Энигма кивнул. — С удовольствием. На этот раз Адаму Хантеру так просто не отделаться. Он будет умирать медленно. И он, и Блейз будут молить о смерти, прежде чем она наступит.

Шива ухмыльнулся. — Рад это слышать. Сделай их страдания незабываемыми. — Он проводил Энигму взглядом, довольный тем, как разворачивается его план. Конечно, он не планировал их маленькое "поражение".

Вернувшись в свой кабинет, он признался себе, что его задело не то, что Блейз избежала "забавной" участи, которую он ей уготовил руками своих рабочих. Нет, это уязвлённая гордость. Возможно, если бы на нём не было пуленепробиваемого жилета, выстрел Хантера оказался бы более болезненным. Но это была всего лишь удача, а молния, как известно, дважды в одно место не бьёт. В конечном счете, это означало лишь, что смерть Адама и Блейз откладывается на более поздний срок. Его план оставался неизменным, всё шло по графику.

— Осталось четыре минуты, — доложил техник, сидя за одной из рабочих станций.

— Запустить основные двигатели и активировать систему зажигания, — приказал Шива.

Техники забегали по командной рубке, словно муравьи, вводя данные в терминалы и щелкая переключателями. Двигатели отозвались слабым гулом, но в целом оружие работало бесшумно. Доктор Дам создал настоящий шедевр. Жаль, что он не дожил до того момента, когда его творение воплотится в жизнь.

— О чем задумался, брат? — спросила Рудра, положив руку ему на плечо.

Шива улыбнулся. — Такое чувство, что вся моя жизнь вела меня к этому моменту, — ответил он. — Слово события неумолимо складывались в эту

финальную точку. Это похоже на создание мифа. Помнишь, как я умер почти десять лет назад?

— Когда ты упал с крыши небоскрёба в Гонконге? Да, конечно, — кивнула Рудра. — Я занималась твоим воскрешением в рамках проекта "Хомо Универсалис".

— Именно. Воскрес, как Христос. — Шива облизнул губы. — А теперь пришло время моего вознесения на небеса.

— До запуска две минуты. — Техники были наркозависимыми, слепо подчинявшимися приказам. Им внушали религиозный экстаз с помощью наркотиков и обещали следующую дозу. Они фанатично следовали за Шивой, уверенные, что после смерти вознесутся на небеса и станут ангелами.

— Минута.

Шива и Рудра, держась за руки, ждали конца обратного отсчёта. В тишине они разделяли триумф момента. Их взгляды были прикованы друг к другу, наслаждаясь кульминацией их многолетней работы и мечтаний. Наконец, это свершится.

— Три... два... один... запуск.

Восхождение на Небеса началось.

14

Гидравлический механизм на крыше сработал, и массивная бетонная панель над головой отодвинулась, открывая вид на чистое, бездонное небо.

Главные двигатели "Опустошителя Миров" взревели, извергая столб пламени и дыма, образованный более чем 54 500 000 фунтов твёрдого ракетного топлива. Ангар мгновенно превратился в адскую топку, где температура превышала 2000 градусов по Цельсию.

Сначала медленно, но затем супероружие начало отрываться от креплений. Бортовые техники отсоединяли его, и оно взмывало вверх, подчиняясь колоссальной мощи ракетных двигателей, в десять раз превосходящей мощность, когда-либо использовавшуюся НАСА для запуска космических шаттлов или кораблей "Орион".

Всего за несколько секунд оружие пробило бетонную панель и вырвалось на дневной свет. Взрывная волна, всё ещё распространявшаяся вниз, испаряла металлические сплавы на нижних уровнях ангара.

Скорость оружия неуклонно росла, подчиняясь силе ускорения. Оно поднималось всё выше в небо над пустыней Мохаве.

Через несколько минут луч достиг высоты в 30 000 футов, затем 60 000, 90 000, 120 000... Цвет атмосферы снаружи менялся: бледно-голубой сменился

тёмно-синим, а затем чёрным. Звезды за ним мерцали с далёкой, но ошеломляющей ясностью.

На командной палубе Шива наблюдал на обзорном мониторе, как изображение планеты Земля завораживающе вращалось перед ним. Облака исчезли, открывая знакомый сферический горизонт, поглощавший сравнительно крошечный корабль. Он видел это изображение бесчисленное количество раз на фотографиях, в фильмах и голограммах. Но впервые он видел Землю с орбиты воочию.

Это было волнующее переживание, момент смирения, усиленный осознанием того, что должно произойти.

— Мы покинули атмосферу Земли, — доложила женщина-техник по имени Даллала. — Сейчас я выхожу на геостационарную орбиту вокруг планеты, согласно вашим инструкциям, сэр.

Шива кивнул, всё ещё испытывая благоговейный трепет перед реальностью происходящего.

— Очень хорошо, — выдавил он.

— Это прекрасно, — заметила Рудра, глядя на изображение Земли. — Отсюда, сверху, всё кажется таким мирным.

Это было правдой.

— Это действительно так, — согласился Шива. — Посмотри внимательно, Рудра, потому что это... Конец света. Скоро начнётся предсказанный Армагеддон, который приведёт к окончательной гибели этого мира и рождению нашего нового.

Он повернулся к Даллале, глубоко вздохнул, решив не терять времени.

— Запустите генератор сингулярностей, — приказал он.

Даллала кивнула и начала нажимать кнопки. Как только процесс начался, пути назад уже не было.

— Началось, — сказала она, подавляя страх, словно её слова только что определили судьбу человечества.

Адам сжимал "Магнум", словно спасательный круг, пока они крались по стерильным белым коридорам «Опустошителя Миров». Оружие было на взводе, палец нервно подрагивал на спусковом крючке, готовый в любой момент выпустить смертоносный заряд.

После короткой, но яростной перестрелки в офисе Шивы, Адам осознал: боссы Синдиката ожидали его появления. В этом не было ничего удивительного. В конце концов, Адам Хантер лучше всего умел вмешиваться в чужие планы. Как и все члены Firestorm, он не отступал, когда миру требовалась помощь, и обладал уникальной способностью проникать туда, где его совсем не ждали.

Они убедились в этом ещё двенадцать лет назад, когда он обнаружил третью базу Синдиката на секретном острове-убежище.

Чувства обострились до предела. Адам ожидал нападения из-за каждого угла, из-за каждой переборки, в любую секунду. Он смахнул пот с глаз и сосредоточился, пока они продвигались по кораблю в напряженной тишине. Низкий, утробный гул, пронизывающий всё судно, говорил о том, что они больше не в пустыне Мохаве. Температура заметно упала, и внутренние системы климат-контроля работали на полную мощность. И хотя это было едва заметно благодаря активной искусственной гравитации и инерционным демпферам, Адам не сомневался: они покинули атмосферу Земли.

— Что здесь происходит? — прошептала Блейз, дрожа от холода.

— Мы в космосе, — ответил Адам, не отрывая взгляда от бесконечного коридора впереди.

Они продолжили путь в молчании, почти загипнотизированные монотонным гулом двигателей. Пока они шли, Адам размышлял, как он объяснит всё Акселю, если им вообще удастся выбраться живыми.

Аксель был, по сути, невинной жертвой в этой игре... Он заслуживал знать правду о своей двойственной природе, он имел на это право. Но Адам хранил этот секрет четырнадцать лет. И сейчас, когда правда вырвалась наружу, он не мог гордиться своим поступком. Адама терзали вина, стыд и раскаяние. Он мечтал повернуть время вспять и с самого начала рассказать Акселю правду. Если быть честным, он скрывал правду по совету шефа полиции О'Хары и психиатров из больницы. Они уверяли, что после огнестрельных ранений психика Акселя была слишком уязвима, и повторение подобного недопустимо.

Тогда Адам поверил им, хотя теперь понимал: они просто замечали следы Синдиката. Все они были продажными пешками в игре мистера Икс. Годы шли, и воспоминания о 2013-м тускнели, казались всё более безопасными. Адам решил, что незнание уберезит Акселя от боли, и нет смысла ворошить прошлое.

Но теперь всё изменилось. Он должен был предвидеть это, должен был знать, что Синдикат попытается вернуть Энигму из Акселя. Однако, насколько он мог судить, никто в высших эшелонах Синдиката даже не подозревал, что Аксель Стоун и есть Энигма, до самого недавнего времени. Словно четырнадцать лет назад произошёл серьёзный сбой в коммуникации между руководителями Синдиката — первая серьёзная брешь, проявившаяся в их деятельности. Это было интересно, ведь показывало, что даже в период расцвета они не были непогрешимы.

Были допущены ошибки. Теперь, судя по спору Шивы с Адамом и Блейз о личности Энигмы, Адам был уверен, что тот узнал правду совсем недавно и жаждет мести, вернув Энигму. Как ему это удалось, оставалось загадкой, но он сделал это и теперь переиграл их. Если они не придумают, как вернуть Акселя, не убивая его, муж Блейз и отец её маленького сына будет обречён. Адам надеялся, что до этого не дойдёт — выход должен быть.

Вдобавок ко всему, у них была небольшая проблема с попыткой Шивы отправить всю планету в чёрную дыру. У Адама Хантера выдался, мягко говоря, не лучший день.

— Стой, — прошептала Блейз. — Слушай.

Адам замер, напряжённо прислушиваясь. Из-за ближайшего угла доносились приближающиеся шаги.

— Кто-то идёт, — сказала Блейз.

Адам направил свой «Магнум» в сторону звука. Вскоре в поле зрения появился Энигма в сопровождении двух мускулистых телохранителей.

— Ну-ну-ну, — протянул Энигма. — Смотрите, кто вернулся на второй раунд.

Адам колебался, сжимая рукоять "Магнума". Он не хотел стрелять в Акселя, но другого выхода, казалось, не было.

Энигма кивнул своим головорезам, и те, ощетинившись оружием, двинулись вперёд, готовясь к атаке.

Несмотря на раны, Блейз бросилась наперерез бандитам. Увернувшись от замаха ближайшего, она рухнула на палубу и, перекатившись, нанесла удар ногой снизу вверх. Бандит взвыл и рухнул, как подкошенный. Острая боль пронзила бедро, отзываясь во всем теле. Блейз, задыхаясь, осела на палубу, не в силах пошевелиться.

Второй бандит набросился на Адама.

Адам выстрелил. Пуля из "Магнума" пробила лоб бандита, разворотив череп. Кровь хлынула фонтаном. Не теряя времени, Адам перевёл пистолет на первого, который уже пытался подняться. Выстрел разнёс ему челюсть. Кровь и обломки костей брызнули во все стороны. Бандит отлетел назад, скользя по палубе, пока не врезался в переборку.

Адам снова направил "Магнум" на Энигму.

Энигма расхохотался. — Что ты собираешься сделать? Убить меня? И потерять своего драгоценного Акселя?

Адам моргнул, и дуло пистолета слегка дрогнуло.

— Не стреляй! — отчаянно закричала Блейз. — Ради всего святого, Адам! Опусть пистолет!

Энигма одарил её презрительной улыбкой, затем перевёл взгляд на Адама и сделал шаг вперёд.

— Тебе стоит прислушаться к своей подруге, — проговорил он, растягивая слова. — Если этот... Аксель так важен для тебя, ты не можешь позволить себе застрелить меня, особенно из такой пушки.

Адам стиснул зубы, резко втянув воздух.

— Я уже стрелял в тебя раньше, помнишь? На той заброшенной фабрике. И это вернуло Акселя к жизни. Может быть, это сработает снова...

Энигма приподнял бровь, в его взгляде читалось нескрываемое любопытство.

— Итак, это наша первая встреча, не так ли? Признаюсь, история с раздвоением личности меня заинтриговала. Иногда, когда я достаточно сосредоточен, мне кажется, что я слышу в своей голове голос Акселя, полный боли и отчаяния.

Он сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию.

— Ну же, Адам. Стреляй. Прострели мне голову, как ты это сделал с моими людьми. Избавь Акселя от этих мучений.

Адам сглотнул, его взгляд метался из стороны в сторону, выдавая внутреннюю борьбу. Затем, с видимым усилием, он снял пистолет с предохранителя и позволил ему выскользнуть из дрожащих пальцев. Оружие беззвучно упало к его ногам. Он молился, чтобы принятое решение было верным.

Энигма приблизился ещё на шаг, оказавшись в пределах досягаемости. Адам почувствовал резкий запах пота и немытого тела. Энигма ухмыльнулся, и его голос, тихий и зловещий, прозвучал словно шипение змеи:

— Адам, мальчик мой, ты ещё глупее, чем я предполагал...

15

Энигма ухмыльнулся и с размаху ударил Адама в живот. Тот согнулся от боли, и сразу получил удар коленом в челюсть. Раздался хруст, и Адам отшатнулся, вытирая кровь со рта.

— Аксель, пожалуйста, остановись! — закричала Блейз, не в силах ничего сделать, кроме как раскачиваться из стороны в сторону, преодолевая жгучую боль в ноге, сидя на холодной земле.

Энигма усмехнулся.

— Не смей называть меня так, глупая шлюха, — прогремел он. — Я — Энигма, бич Синдиката!

— Я слышала об этом, — ответила Блейз. — Но, Энигма, ты всего лишь тень, двойник, злой двойник хорошего человека, скрытого внутри тебя!

Энигма глубоко вздохнул и покачал головой.

— Я обращаюсь к тебе, Аксель, — продолжила Блейз. — Я знаю, что ты всё ещё здесь и слышишь меня. Пожалуйста, Аксель, я люблю тебя. Не позволяй

этому монстру всё разрушить... — она замолчала, когда Энигма ударил её по лицу.

— Заткнись! — прошипел он.

К этому моменту Адам пришёл в себя и поднялся на ноги. Он прислушивался к голосу Энигмы, чувствуя, как тот всё больше беспокоится из-за того, что Блейз обращалась к нему, пытаюсь достучаться до Акселя... Возможно, это можно было использовать.

— Аксель, — сказал он, поймав взгляд Энигмы. — Ты должен бороться с этим! Ты один из самых сильных людей, которых я знаю. Я знаю, что ты сможешь это сделать. Я знаю, что ты сможешь.

Энигма кипел от злости.

— С меня хватит! — прошипел он. — Тебе пора умереть.

Он поднял руки, внезапно охваченный пламенем.

— Чёрт возьми! — воскликнула Блейз.

Адам напрягся, пытаюсь встать между Энигмой и Блейз.

— Это называется пирокинез, — объяснил он ей. — Это продвинутая форма магии ниндзюцу. Я как-то слышал, как Джо Мусаси рассказывал об этом.

— Как Аксель научился этому? — спросила она, собираясь с духом.

Энигма рассмеялся и подпрыгнул в воздух, на мгновение его тело охватило пламя. Он развернулся к Адаму, сбив его с ног и оставив ожоги первой степени на ногах и руках.

Адам закричал, и от этого леденящего кровь звука Блейз сочувственно поморщилась. Преодолевая боль, Адам сумел сконцентрироваться и вскочил на ноги, нанося серию ударов руками и ногами, которые застали охваченного пламенем Энигму врасплох. Энигма отшатнулся, пламя исчезло, когда он потерял концентрацию. Он улыбнулся, переводя дыхание.

— Впечатляет, Адам. У тебя высокий болевой порог.

— Годы в полевых условиях... — Адам с трудом выдохнул, чувствуя, как бешено колотится сердце и путаются мысли. Ожоги жгли адским пламенем, но он заставил себя игнорировать боль, отгородиться от неё, словно её не существовало. Иначе он сломается. А он не мог себе этого позволить — на кону стояло слишком многое. Блейз ранена, и теперь успех миссии зависел только от него. Сплюнув кровь, он прохрипел: — Аксель, давай же! Я знаю, ты можешь. Борись!

Внезапно Энигма ударил его тыльной стороной ладони. Адам рухнул на землю, и в тот же миг почувствовал, как тяжёлый ботинок со всей силой обрушился ему на живот. Дыхание перехватило, а затем ярость захлестнула его, заглушая боль от ударов по голове. Сознание ускользало, звезды меркли, погружая его во тьму.

– Аксель, пожалуйста! – Блейз плакала, её голос дрожал от отчаяния. Ей было невыносимо видеть, как два лучших друга избивают друг друга до полусмерти. Энигма хмыкнул и отступил от неподвижного Адама. Облизнув губы, он повернулся к Блейз.

– У нас пятилетний сын! – воскликнула она, когда Энигма наклонился и схватил её за шею. Он рывком поднял её, держа извивающееся тело высоко в воздухе одной рукой, и впился в неё взглядом.

– Макс! – Блейз захрипела, её лицо багровело. – Ты не помнишь Макса, своего сына?

Энигма отвёл свободную руку назад, сжав пальцы в кулак до побелевших костяшек. Стиснув зубы, он резко выбросил кулак вперед – Блейз зажмурилась. – Я беременна! – закричала она.

Энигма замер, его кулак остановился в нескольких дюймах от её живота. Он моргнул, в его глазах появилось замешательство. – Что? Ты.. что? – пробормотал он.

Блейз задыхалась, пытаясь вдохнуть под его мёртвой хваткой. – Аксель, я снова беременна, – повторила она. – У нас будет второй ребёнок!

Энигма задрожал всем телом, и ужас исказил его лицо. Осторожно опустив Блейз на землю, он разжал пальцы, сжимавшие её горло. Отступив на несколько шагов, он судорожно хлопал себя по голове, бормоча что-то невнятное. Пот ручьями стекал по его лицу.

Блейз застонала, чувствуя, как кружится голова. Уже почти три дня она ничего не ела, и слабость сковывала её. Ей срочно нужна была медицинская помощь, больничная койка. Она не солгала, сказав, что беременна, но если она потеряет слишком много крови, всё может измениться. Мысль о возможном выкидыше сегодня сводила её с ума. Больше года они с Акселем пытались завести ещё одного ребенка.

Внезапно Энигма рухнул на колени, его тело сотрясала судорога.

– Что.. что с тобой происходит? – с трудом выдавила она, внезапно ощутив леденящий страх и всепоглощающее одиночество.

Энигма кричал, изо рта у него шла пена. Он вцепился в тело одного из мёртвых приспешников, словно труп мог ему помочь. Хрипя и отплевываясь, он свернулся в позу эмбриона. Раздался хруст ломающихся костей, кожа трескалась и слезала.

– О боже... – прошептала Блейз, широко распахнув глаза, отказываясь верить увиденному.

Она перекатилась по полу к Адаму и, тряся его за плечо, отчаянно пыталась привести его в чувство.

– Адам! – прошипела она. – Очнись!

Адам застонал. Звук жутких конвульсий Энигмы вырвал его из забытья. Он повернулся и, увидев происходящее, побледнел от ужаса.

— Что здесь творится? — спросил он.

Тело Энигмы выгнулось дугой, и он издал полный агонии рёв. На его спине начала формироваться странная, отвратительная рана.

— Я не знаю, — ответила Блейз. — Я сказала ему, что беременна, и у него просто начался приступ.

— Ты беременна?

— Да.

— Как давно?

— Я узнала об этом всего несколько дней назад. Я ждала подходящего момента, чтобы сказать ему...

Рана на спине Энигмы увеличилась вдвое всего за несколько секунд, продолжая расти. Мгновение спустя из неё показалось что-то, напоминающее человеческую руку.

— О боже, — прошептала Блейз, потянувшись к руке Адама и крепко сжав ее. — Что это, чёрт возьми, такое? Что они с ним сделали?

Адам сглотнул и поднялся на ноги, наблюдая за разворачивающимся перед его глазами кошмарным зрелищем.

— Мне кажется, я знаю, что это такое, — сказал он.

Контузия постепенно обретала форму, превращаясь в подобие сиамского близнеца. Адам кивнул самому себе и произнёс:

— Это двоичное деление, вызванное репликацией ДНК.

— Что? Что это значит? — в голосе Блейз звучало отчаяние.

Адам глубоко вздохнул.

— Это похоже на клеточный митоз, форму бесполого размножения и деления клеток. Некоторые многоклеточные организмы, например, иглокожие и плоские черви, способны к регенерации и могут вырасти в два полноценных организма, если их разделить пополам.

— Это... новость, — Блейз нахмурилась. — Аксель же не плоский червь.

Адам покачал головой.

— Скорее всего, это какой-то эксперимент Синдиката, о котором мы не знаем. Похоже, Аксель и Энигма разделились на две отдельные личности, на два тела. Ты, должно быть, случайно запустила этот процесс.

И действительно, когда Энигма перестал кричать, их стало двое. Энигма лежал, свернувшись калачиком, на том же месте, дрожа в разорванной одежде. Рядом с ним лежал обнажённый Аксель Стоун, покрытый слоем дымящейся слизи.

— Это невозможно, — прошептала Блейз. — Я не могу в это поверить.

Адам вздохнул.

— После всего, что ты видела за годы борьбы с Синдикатом, это кажется таким уж невероятным?

Он подошел к одному из мёртвых приспешников, снял с него одежду и помог "новому" Акселю одеться. Блейз мгновение просто смотрела на него в ужасе, но затем моргнула, осознав правоту Адама.

После сражений с армией клонов Блейз, развития генетических и психокинетических способностей, битв с гигантскими сторожевыми роботами, суперсолдатами-роботами X и боевыми машинами-роботами Y, это казалось всё менее и менее абсурдным. Чем больше она об этом думала, тем более правдоподобным это казалось.

— Ты прав, — сказала она. — О боже, Аксель, с тобой всё в порядке?

Она поднялась на ноги, эмоции захлестывали её, и она почти не чувствовала боли в ноге. Сейчас главное — Аксель, и то, как он переживет такое странное физическое разделение.

Аксель Стоун закашлялся, прикрывая руками рубашку, которую Адам поспешно на него накинул.

— Блейз? — спросил он, прищурившись. — Это ты? Глаза совсем не видят...

— Неудивительно, ты ими никогда и не пользовался, — невозмутимо ответил Адам. — Полегче, Аксель, полегче...

— Да, это я! — Блейз сияла от радости. — Это я, малыш!

Аксель слабо улыбнулся и пробормотал:

— Значит, ты снова беременна, да?

Блейз, сквозь наворачнувшиеся слёзы, кивнула.

— Да.

— Фантастика, — с тихим смешком произнес Аксель. — Мальчик или девочка?..

Энигма резко открыл глаза. Он понял, что потерял сознание, хотя и не помнил, как именно это произошло. Нахмурившись, он попытался восстановить события в памяти, но тщетно. В голове остался лишь отголосок болезненного восторга, похожего на оргазм, но на пике не удовольствия, а боли. После этого он, видимо, отключился.

Бормоча что-то невнятное, он поднялся на ноги и, обернувшись, едва не вскрикнул от неожиданности.

Аксель Стоун, скрестив руки на груди, смотрел на него с неприкрытым раздражением. За его спиной стояли Адам Хантер и Блейз Филдинг. В руках Адама снова был "Магнум", прицел которого был направлен прямо на Энигму.

— Как?.. — Энигма вздрогнул, но не успел договорить. Аксель бросился вперед и нанёс мощный огненный апперкот, который пришёлся точно в челюсть, отбросив Энигму к стене коридора.

— Большой Апперкот!

Аксель взревел и обрушил на грудь Энигмы пылающее Драконье Крыло, отчего его одежда мгновенно вспыхнула.

Энигма закричал, катаясь по полу и пытаясь сбить пламя.

— Похоже, я "унаследовал" твои способности к магии ниндзя, ты, кусок дерьма, — прорычал Аксель. — Плохие новости для тебя..

Охваченный яростью, он бросился на Энигму, полный решимости уничтожить этого неестественного двойника раз и навсегда.

16

Аксель обрушил на Энигму град ударов, яростно атакуя руками и ногами. Энигма, заслоняя лицо, отчаянно пытался защититься. В каждом ударе Акселя сквозила не просто злость, а выплеск всего пережитого ужаса и бессилия. Он демонстрировал боевое мастерство, превосходящее всё, что он когда-либо показывал.

Во время одержимости Аксель был пленником в собственном теле, беспомощным свидетелем зверств Энигмы. Он видел, как тот сорвал одежду с Блейз и бросил её в отходы героинового завода, как едва не убил Адама. Это было самым страшным испытанием в его жизни, воплощением кошмара об одержимости злым духом. Теперь, свободный от влияния Энигмы, Аксель жаждал возмездия.

Он не понимал, как произошло разделение, но был благодарен за возвращённый контроль. Скорее всего, это было связано с инъекцией Рудры, но кто знает, какие яды и химикаты содержались в этом адском коктейле? Аксель поклялся себе, что обязательно потребует объяснений от Рудры, как только разберется с Энигмой. Он докопается до правды, чего бы это ни стоило.

Энигма попытался контратаковать, но его удар был вялым, продиктованным отчаянием, и прошёл мимо цели. Аксель легко уклонился и ответил молниеносной серией ударов в лицо злобного двойника.

Энигма отшатнулся, измученный и разъярённый. Пот и кровь заливали его лицо, когда он стиснул зубы.

– Мне жаль тебя, Энигма, – произнёс Аксель, в его голосе звучала не жалость, а скорее презрение.

Энигма скривился, словно во рту появился отвратительный привкус. Он плюнул в сторону Акселя.

– Прибереги свою жалость для слабаков!

– Теперь, когда мы разделены, – продолжал Аксель, – у тебя нет ничего своего. Ни души, ни воли.

Энигма издал утробный рык, его гнев нарастал.

– Ты – мой! – прошипел он, словно раненый зверь.

– Он сейчас взорвётся! – предупредил Адам. – Будь осторожен, Акс!

В последней отчаянной попытке Энигма попытался нанести мощный апперкот, но Аксель был слишком быстр. Он уклонился, взмыл в воздух и обрушил на голову Энигмы сокрушительный удар. Энигма пошатнулся и рухнул на землю, теряя сознание.

– Йеееееееаааааааа... – выдохнул он, прежде чем погрузиться в темноту.

Всё было кончено. Энигма был повержен.

Аксель выдохнул, чувствуя, как напряжение последних дней и кошмарного сражения – этого жуткого зеркального отражения – медленно отступает. Он был рад, что всё кончилось, хотя пережитое ещё долго будет преследовать его.

Сражение с врагом, который был его точной копией, оказалось невыносимо странным. На мгновение Акселю показалось, что он понимает, что чувствовала Блейз, когда девять лет назад они сражались с клонами homo superior. Но Блейз не перерождалась в новом теле, не была вынуждена бороться со своим прежним "я", захваченным чужой личностью. Этот опыт был уникальным, и его отголоски, несомненно, будут терзать Акселя ещё долгие годы.

– Слава богу, – прошептала Блейз, скорее себе, чем кому-то конкретно.

– Адам, – позвал Аксель, не отрывая взгляда от поверженного Энигмы и протягивая руку. – Пистолет. Сейчас же.

Адам, не задавая вопросов, протянул ему "Магнум". Он понимал, что Аксель собирается сделать.

Аксель принял оружие, ощущая тяжесть стали в ладони. Пистолет был тёплым и влажным. Переложив его в правую руку, он направил дуло на Энигму, целясь в голову. Руку слегка подрагивало.

– Ты собираешься его убить? – спросила Блейз. – Он же без сознания.

Аксель кивнул. – Я читал его мысли. Я знаю, на что он способен. Он безнадёжен. Поверь, так будет лучше. Обычно я бы не стал стрелять в безоружного, но в этом случае...

Он без колебаний нажал на спусковой крючок. Выстрел оглушительно раскатился по коридору. Кровь брызнула Акселю в лицо.

– ...я сделаю исключение.

Наступила тишина, в которой каждый пытался осмыслить произошедшее.

– Ты только что убил своё старое тело, – наконец произнёс Адам. – Оригинал.

Аксель молча взглянул на Адама, его стальной взгляд красноречиво говорил: "Я не хочу говорить об этом сейчас, но ты пожалеешь, если я заговорю".

Блейз хотелось обнять Акселя, но она видела, как он взволнован. Нахмуренные брови выдавали его душевные страдания. Она решила, что лучше оставить его в покое. – Что нам теперь делать? – спросила она, прокашлявшись.

Аксель глубоко вздохнул, оглядывая коридор, пытаясь собраться с мыслями. – Нам нужно добраться до инженерного отсека, – сказал он. – Нельзя допустить, чтобы «Опустошитель Миров» завершил свою операцию.

– Мы уже на орбите, – напомнил Адам.

Аксель кивнул. – Я помню разговоры и переживания Энигмы до нашего расставания. Если миссия Шивы идет по плану, мы ещё можем остановить активацию генератора чёрных дыр. У нас остался только один шанс, единственный шанс спасти мир.

– И что это? –спросила Блейз.

– Саботаж, – ответил Аксель. – Мы должны вывести из строя оружие и взорвать корабль, пока не поздно.

Адам кивнул. – Музыка для моих ушей. Где инженерная палуба?

Аксель махнул рукой, приглашая их следовать за ним. – Сюда. Живо! – Он повёл их вверх по шахте технического обслуживания, минуя лифты, надеясь остаться незамеченными. Это не повлияло на бортовые камеры слежения, но, судя по всему, их не обнаружили, и тревоги не подняли. Аксель сохранял оптимизм.

Через несколько минут они добрались до инженерного отсека. Когда они вошли через большие металлические двери, Блейз ахнула.

– Что это? – спросила она, с благоговением глядя вверх.

– Это ядро генератора чёрных дыр, – ответил Аксель. – Сердце корабля.

В центре зала от пола до потолка возвышалось огромное трубчатое устройство, покрытое чёрным льдом, усеянное тысячами мигающих светодиодов и пульсирующими неоновыми огнями, меняющими цвет с зелёного на синий. По бокам устройства располагались трубки меньшего размера, тянущиеся вдоль стен в форме огромного восьмиугольника и соединяющие ядро с квантовыми компьютерами, расположенными на равном расстоянии друг от друга по всей палубе. В дальнем конце зала на дисплее отображалась голограмма Земли – живое отображение орбитальных данных, собираемых датчиками корабля.

Адам, не теряя времени, подошел к одному из квантовых компьютеров и начал нажимать кнопки.

– Ладно, с этой операционкой я справлюсь, – проговорил он, и жутковатый зеленоватый свет монитора выкрасил его лицо болезненным оттенком.

– Ты можешь активировать какую-нибудь программу самоуничтожения? – спросила Блейз, в голосе которой прозвучала тревога.

Адам отрицательно покачал головой, продолжая лихорадочно стучать по клавишам.

– Нет, здесь ничего подобного нет. Этот корабль создавался только для одного – для создания чёрной дыры. Синдикат не предусмотрел никаких запасных вариантов. Ядро генератора уже активировано, что сильно усложняет задачу. Чёрт!

Он с досадой ударил кулаком по консоли. – Вот бы здесь были Мерфи или Зан! Они бы мигом с этим разобрались.

– Нам нужно вывести ядро из строя, – решительно произнёс Аксель. – Если мы изменим давление вырождения, то сможем вызвать перегрузку до того, как чёрная дыра сформируется полностью. Нужно заставить частицы антивещества внутри ядра перейти в квантовые состояния с более высокой энергией, ослабив силу сжатия. Корабль взлетит на воздух, и мы, скорее всего, погибнем, но это наш единственный шанс.

Блейз нахмурилась, глядя на Акселя с подозрением. – С каких пор ты стал экспертом по астрофизике?

– Просто поверь мне, – ответил Аксель с убийственной серьёзностью. – Энигма знал больше, чем казалось.

Адам пожал плечами. – Попробую.

Он снова застучал по клавишам, вводя модифицированный код вируса Firestorm, который он помнил наизусть. Запрограммировав ряд пользовательских команд, он запустил процесс. Компьютер обработал код и выдал серию цифр, сигнализирующих о критической ошибке.

– Кажется, сработало, – сказал Адам, с надеждой в голосе. – Точно мы узнаем только когда ядро выйдет на полную мощность, но вирус адаптивный, так что теоретически он должен ослабить давление, как ты и говорил.

Аксель удовлетворённо кивнул. — Отлично, но нам нужно убираться отсюда, пока не стало слишком...

Он резко обернулся к автоматическим дверям и замер. В проеме стояла Рудра, держа в обеих руках какое-то усовершенствованное энергетическое оружие, нацеленное прямо на них.

— ...поздно!

Аксель выпалил из "Магнума" в сторону Рудры, и оба бросились в разные стороны, ища укрытие. Пуля просвистела в дюйме от головы Рудры, не задев её, но она успела ответить, обрушив на Акселя несколько импульсов зелёной энергии. Он успел пригнуться, чудом избежав попадания. Разряды ударили в переборку над ним, мгновенно расплавляя металл и окатывая его плечи брызгами раскалённого шлака.

— Господи Иисусе, — выдохнул он.

— Ну как тебе моя новая игрушка? — прокричала Рудра. — Фазированная поляронная пушка. Она испускает пучок поляронных частиц, которые возбуждают атомы в цели, разрушая связи между ними. Поверь, это самый медленный и мучительный способ умереть, и я с превеликим удовольствием испытаю его на вас троих!

Она снова выстрелила, на этот раз целясь в Блейз.

Аксель перекатился и выскочил из-за укрытия, бросившись по мосткам, чтобы перетянуть огонь на себя. На бегу он выпустил ещё несколько пуль из "Магнума". В ответ раздались беспорядочные выстрелы. Рудра расхохоталась.

— Я вижу, ты полон энергии, Аксель, — проговорила она, сквозь смех. — Как тебе живётся в новом теле? Уверена, ты мог бы поделиться впечатлениями с мистером Икс, если бы старик был ещё жив.

— Что ты со мной сделала? — потребовал он, перезаряжая "Магнум" за переборкой.

Тем временем Адам пытался обойти Рудру с фланга. Заметив его, она выпустила заряд поляронной энергии, вынудив его отступить. Он бросился к ядру генератора чёрных дыр, где уже укрылась Блейз. Вероятно, это было единственное место в камере, куда Рудра не осмелилась бы стрелять, опасаясь повредить ценное оборудование.

— Ах да, инъекция, — улыбнулась Рудра. — За это можешь поблагодарить Онихиме и Яшу. Небольшая геновая терапия, основанная на их разработках. Репликоны, или реплицирующиеся молекулы ДНК, в сочетании с ферментами дрожжевого синтеза, должны были создать самовоспроизводящуюся армию идентичных солдат под нашим контролем. Забавно, что наш маленький эксперимент удался. Очень жаль, что вам пришлось застрелить Энигму...

— Следующей будешь ты! — прорычал Аксель, добивая "Магнум". Он снова выстрелил, и пуля с лязгом отскочила от металла.

Рудра зашипела от бессильной ярости. Она обрушила ещё больше энергии полярона, полная решимости раз и навсегда покончить с этими назойливыми линчевателями. Её выстрелы сеяли хаос: пробивали стены насквозь, разрывали переборки в клочья, оставляя за собой лишь обгоревшие, дымящиеся обломки.

За корпусом генератора тяжело дышала Блейз.

— Ты в порядке? — спросил Адам.

Она сглотнула, и на её лице промелькнула озорная улыбка, предвещавшая Адаму какую-то безрассудную выходку.

— Она вернулась, — усмехнулась она.

— Что?

— Моя аура. Я чувствую ауру! — С этими словами она вышла на открытое место и сделала несколько шагов в сторону, где пряталась Рудра.

Рудра вскочила и выпустила в Блейз шквал энергии, намереваясь уничтожить её. Но Блейз лишь спокойно взмахнула левой рукой, и энергетические разряды, бушевавшие в комнате, словно растворились в воздухе, не причинив ей ни малейшего вреда.

— Чёрт... — выдохнула Рудра, её глаза расширились от ужаса. Может, им стоило вколоть Блейз двойную дозу генетического ингибитора?

Блейз, не останавливаясь, продолжала идти к Рудре, подняв правую руку. Невидимая сила подхватила маленькую черноволосую японку в воздух.

— Неужели ты ничему не учишься? — произнесла Блейз с холодной улыбкой. В её левой руке заплясали струи голубой энергии, угрожая сформироваться в её фирменный голубой огненный шар. — Аксель, пристрели эту суку. У меня нет времени тратить силы на таких, как она...

Аксель коротко кивнул Блейз и направил "Магнум" на застывшую в воздухе Рудру.

— Нееееееет! — закричала Рудра.

Бах! Бах! Бах!

Рудра, до этого висевшая в воздухе, камнем рухнула на землю, лишённая телекинетической поддержки Блейз. Энергетическое оружие с лязгом отлетело в сторону.

Адам, покинув укрытие, подошёл к Акселю и Блейз. На его лице читалось лёгкое изумление.

— С вами точно не соскучишься, — заметил он. — Блейз, может, в следующий раз побережешь свои таланты для более подходящего момента?

Блейз слабо улыбнулась.

– Приятно снова чувствовать себя в руках.

Аксель, мрачно глядя на бездыханное тело Рудры, произнёс:

– Шива этого не простит. Мы только что убили его сестру.

Блейз кивнула, и на её лице отразилась тень.

– На войне все средства хороши.

17

На командном мостике на экране Даллалы начал мигать индикатор.

– Сэр, кажется, что-то случилось с ядром генератора, – сказала она, и на её лице отразился страх. На её глаза навернулись слёзы, когда она начала получать данные о повреждениях от инженеров. Они указывали только на одно: ядро повреждено, и план не работает.

– У нас серьёзная проблема... – начала она.

– Что? – Шива зашипел. – Только не говори мне, что Рудра не смогла позаботиться об «Огненном Шторме»? Энигма был экспериментом, любопытным экспериментом... Но моя родная сестра?

– Я не вижу никаких признаков жизни Рудры на корабле, – сдержанно ответила Даллала. Она знала, что это не то, что он хотел услышать.

– На инженерном уровне был взрыв... – сказала она.

Шива моргнул, внезапно почувствовав вину и потерю.

Нет!

Рудра... моя сестра... Кагами Шива... мертва!

Убита «Огненным штормом»...

Я не должен был посылать её туда одну!

Будь они прокляты!

– Ядро генератора достигло критической массы, сэр. Уровень сжатия слишком низкий для формирования чёрной дыры. При таких условиях сингулярность будет слишком маленькой для достижения наших целей, и есть риск, что она разрушится сама по себе. Это не работает!

Шива вскочил на ноги.

– Будь они прокляты! – взревел он. – Они за это заплатят! Где они?

Даллала с трудом сглотнула.

— Они направляются к спасательным капсулам на четвёртой палубе. Сэр, не следует ли нам начать эвакуацию? Корабль, вероятно, не выдержит изменения давления..

— Оставайтесь на своих местах! — рявкнул Шива, перебивая её. — Миссия будет продолжена! Ничто нас не остановит!

— Но, сэр.. — начала она.

— Делайте, что я говорю! Или я убью вас!

Шива вошёл в лифт. Он в последний раз встретится с этими надоедливymi идиотами из «Огненного шторма» — ничто не помешает ему стать новым Богом. Они умрут от его рук. Он победит.

Аксель, Блейз и Адам неслись по почти безлюдным коридорам, стремясь к спасательным капсулам на четвёртом уровне.

Редкие члены экипажа, попадавшие им на пути, не оказывали серьёзного сопротивления. Пара точных ударов руками и ногами быстро выводила их из строя.

Эти головорезы отличались от привычных панков Синдиката: меньше грубой силы, больше хитрости, но преданности Шиве им было не занимать.

— Куда теперь? — выдохнул Адам, когда они достигли развилки.

— Направо, — скомандовал Аксель. — Спасательные капсулы в двухстах ярдах.

Вдалеке раздался бесстрастный голос компьютера: "Критическая масса через три минуты.."

Времени оставалось катастрофически мало. Чтобы выжить, им нужно было активировать спасательную капсулу в ближайшие минуту-две, иначе их ждала огненная смерть.

— Чёрт! — Блейз резко остановилась.

В конце коридора, скрестив руки на груди, стоял Леон Шива. Он казался странно спокойным, несмотря на неминуемую гибель «Опустошителя Миров». Затем он сорвался с места и, с искажённым от ярости лицом, стремительно направился к ним.

— В последний раз вы вмешиваетесь в мои дела! — взревел он и, с невероятной скоростью, обрушил кулак на живот Акселя. Аксель отлетел назад, а Шива тут же метнул в Адама огненный шар. Удар пришёлся в плечо, сбив его с ног.

Не успела Блейз опомниться, как Шива уже навис над ней, ударил в лицо, схватил и швырнул через коридор в груды обломков.

– Вы убили мою сестру! – прорычал он, раздувая ноздри. – Теперь вы все умрёте!

Он бросился к лежащему Адаму, опустился на колено и, перевернувшись, нанес мощный удар ногой в спину, целясь в челюсть.

– Последний Удар!

В этот момент Аксель подскочил сзади и схватил Шиву за руки. Дважды ударив его коленом в живот, он нанёс сокрушительный удар головой, а затем, развернувшись, бросил его на пол, подняв облако пыли.

– Аааааааах!

Шива перекатился на бок, присел на корточки и, используя силу ног, резко выбросил правую ногу вперёд, нанеся Акселю болезненный удар в бок, повредив рёбра.

Блейз, оправившись от атаки Шивы, вскочила на ноги и шагнула к нему, формируя в руке пульсирующий шар голубого пламени.

– Кикоушо! – выкрикнула она, запуская огненный снаряд.

Снаряд пробил рубашку Шивы и опалил его плоть, заставив вскрикнуть и отшатнуться. В этот момент его сбил с ног Адам, подсечкой отправив вращаться на полу.

На заднем плане бесстрастный голос компьютера объявил: «Критическая масса через две минуты...»

Шива, оглушённый, лежал на полу, постанывая и пытаясь прийти в себя.

– Нам нужно выбираться отсюда, – торопливо сказал Адам, оглядывая ряд спасательных капсул. Их было пять, и, судя по данным на стене, все они были активны и готовы к запуску. – Времени в обрез!

Втроём они втиснулись в ближайшую капсулу, их прерывистое дыхание эхом отдавалось в тесном, холодном пространстве.

Капсула представляла собой четырёхместный шаттл размером всего три на два метра, способный войти в атмосферу Земли и самостоятельно улететь от «Опустошителя Миров» на расстояние до трёхсот тысяч миль. Автоматизированное управление полетом осуществлялось с помощью небольшой клавиатуры рядом с левым сиденьем.

Аксель нажал кнопку рядом с дверью. С шипением пара дверь захлопнулась, и автоматический шлюзовой механизм начал отсоединение капсулы от корабля.

– Пристегнитесь, – скомандовал Адам, защелкивая ремень и быстро вводя данные на клавиатуре. – Будет трясти.

Аксель бросил последний взгляд в иллюминатор. Шивы нигде не было. Он не лежал в коридоре, где они его оставили...

Покачав головой, Аксель занял своё место рядом с Адамом и Блейз, пристегиваясь. Металлические панели, закрывавшие большое окно из оргстекла, отодвинулись, открывая вид на сияющий голубой горизонт планеты, усыпанный звёздами, и темнеющую луну слева.

Голос компьютера прозвучал вновь: «Критическая масса через сорок пять секунд...»

— Запускай! — крикнул Аксель.

Адам нажал кнопку запуска. Капсула дернулась, отрываясь от корабля, и их вдавило в сиденья. Почти мгновенно включились ионные ускорители, разгоняя капсулу до тысячи метров в секунду. Возникшая перегрузка была почти невыносимой, словно мозг пытался вырваться из черепа.

— Йииихааа! — Адам издал дикий вопль. Впереди, словно манящие призраки, маячили планеты. По мере того, как они удалялись от обречённого «Опустошителя Миров», расстояние сокращалось мучительно медленно, но неумолимо.

Слёзы навернулись на глаза Блейз, но грохочущая скорость спасательной капсулы превращала их в мгновенные брызги, хлеставшие по щекам и мочкам ушей.

— Скоростной лифт в ад! — Адам снова взвыл, с маниакальным восторгом принимая происходящее. — Иду ко дну с ветерком!

Аксель сидел, вцепившись в подлокотники, челюсти стиснуты до боли. Он ждал удара, зажмурившись, как вдруг иллюминатор залила ослепительная белая вспышка.

Это был взрыв...

Звук едва пробивался сквозь рев двигателей и вой атмосферы, но ударная волна швырнула спасательную капсулу в безумный танец. Завыла сигнализация, и все вокруг превратилось в хаотичное месиво движения, звука и огня — неистовый вихрь разрушения.

Блейз закричала. Земля в иллюминаторе пылала, но она знала, что это лишь их модуль, пронзающий атмосферу по самоубийственной траектории. Частицы газа с чудовищной силой обрушивались на обшивку. Сквозь какофонию она едва расслышала бесстрастный голос компьютера: "Внимание! Максимальная температура ударного слоя превышает шестнадцать тысяч Кельвинов... Изэнтропийное сжатие превышает допустимые пределы... Неизбежен выход из строя теплозащитного экрана..."

Каким-то чудом, сквозь пелену света и звука, Адам умудрился нажать кнопку на клавиатуре. — Держитесь! — заорал он.

Внезапно, сквозь рёв возвращения, прорвался низкий, утробный вой, настолько мощный, что он, казалось, парализовал чувства. Это был звук схлопывающейся в себя черной дыры, порождённой «Опустошителем Миров».

– Что... за... хрень?! – выдохнул Аксель.

Блейз потеряла сознание. Давление стало невыносимым.

Вот улучшенная версия текста, с акцентом на стиль, читаемость и более плавный переход между сценами:

– Запуск ретро-ракет! – отчаянно выкрикнул Адам. – Запуск ретро-ракет!

Вторая вспышка ослепила его, но на этот раз это было солнце, безжалостно палящее в небе. Капсула, вопреки всему, продолжала нестись к планете, рассекая атмосферу со скоростью, втрое превышающей скорость звука.

В панике Адам судорожно вцепился в рычаги управления, отчаянно отправляя сигнал SOS, прежде чем тьма поглотила его, и он безвольно обмяк в кресле.

Аксель, прикованный к иллюминатору, мог лишь беспомощно наблюдать. Вокруг ревели аварийная сигнализация, а внизу, неумолимо приближаясь, простирался Тихий океан, готовый принять капсулу в свои ледяные объятия.

Билл Кларк вышел через портал на палубу своего корабля. Опершись на перила, он задумчиво рассматривал тлеющий кончик сигареты, медленно выпуская кольца дыма в прохладный вечерний воздух. Вдалеке, над полосой тумана, похожей на зловещую вату, брошенную на тёмно-синюю гладь океана, ещё слабо мерцало голубое небо. Он вдыхал влажный, солёный воздух, наслаждаясь знакомым пейзажем. Взгляд скользнул по пирсу, где ряд ртутных ламп, словно проснувшиеся светлячки, указывал путь к его кораблю. Их сияние усиливалось с каждой минутой, по мере того как солнце окончательно скрывалось за горизонтом, оставляя за собой багряный след на небе. Внизу, у корпуса фрегата "Миллениум", плескались спокойные воды океана. Сегодня он был необычайно тих.

Кларк был опытным моряком, ветераном с сорокалетним стажем. Он происходил из древнего рода, чья жизнь была неразрывно связана с морем, и повидал на своем веку все, что оно могло предложить. Семейная легенда гласила, что он был потомком самого Джона Пола Джонса. Правда это или нет, но, сколько Кларк себя помнил, его предки были моряками – сильными, добрыми и преданными своему делу. Но времена менялись, и вместе с ними уходили в прошлое старые традиции. Он был последним в длинной череде потомственных моряков. Его сын не пошёл по его стопам.

Билл-младший хотел чего-то другого. Вместо того чтобы бороздить океанские просторы, он выбрал изучение морской биологии и поступил в Калифорнийский университет в Санта-Крузе. Кларк помнил, как часто наблюдал за сыном, с увлечением изучающим прибрежные камни, перепрыгивающим от прилива к отливу. Тогда ему казалось, что зов моря вновь передан следующему поколению. Так оно и было, но не совсем так, как он ожидал. Несмотря на легкое разочарование, Кларк принял выбор сына. Вместо покорения волн, Билл-младший решил исследовать тайны океана и формы жизни, обитающие в его глубинах. Размышляя о решении сына, и глядя на свой "Миллениум", Кларк понимал, что это, возможно, и к лучшему. Времена изменились для таких моряков, как он. Быть капитаном океанского лайнера – уже не то, что

в его первое плавание. На таких судах, как «Миллениум», командовать было удовольствием.

Кларка раздражало, как компьютеры и автоматизированные системы навигации постепенно вытесняют его знания и опыт. Порой он чувствовал себя простым пассажиром. Ещё немного, и корабли смогут плавать самостоятельно. Конечно, этот корабль мог бы, если бы компьютеры были запрограммированы на полное управление. Не то чтобы он ненавидел компьютеры. Очевидно, они облегчали его работу. Его беспокоила лишь растущая, почти слепая, зависимость от них.

Компьютеры – всего лишь инструменты. Как и любой инструмент, они требуют внимания и не могут функционировать без контроля. Он был рад, что другие разделяют его мнение, и знал, что такие люди, как он, всё ещё необходимы для решения непредвиденных ситуаций. За это он был благодарен.

Кларк докурил сигарету и завершил финальный обход судна. Вернувшись на мостик, он, поскольку внутри курение было запрещено, прикурил ещё одну и прислонился к внешнему ограждению. Взгляд его скользнул по воде, и вдруг его внимание привлекла яркая белая вспышка в небе. Он замер, нахмурившись, пытаясь понять, что это было. Слишком ярко для самолета или звезды – больше похоже на ядерный взрыв высоко над облаками. Ему показалось это странным, но он списал всё на игру воображения.

На мгновение он задумался, стоит ли сообщить об этом по радио. И тут он заметил кое-что ещё... пылающий цилиндр, стремительно падающий с неба с невероятной скоростью, словно космический корабль. Он рухнул в глубокую воду примерно в пятидесяти милях от берега, без раскрытых парашютов, с такой силой, что любой астронавт на борту наверняка погиб бы мгновенно. Кларк открыл рот от изумления и схватил бинокль. Несомненно, какое-то судно упало в воду и теперь беспомощно качалось на волнах, извергая клубы чёрного дыма.

Когда мягкое сияние полной луны начало вытеснять угасающие лучи заходящего солнца, Кларк решил, что необходимо сообщить о случившемся.

Там кто-то мог серьёзно пострадать.

18

Аксель пробудился от яркого кинжала света, пронзившего единственное окно и вонзившегося в белизну химического унитаза, приютившегося в углу камеры рекомпрессии. Он откинулся на койке, окидывая взглядом стальное чрево цилиндра, вытянувшегося на пятнадцать метров. В центре, как в утробе чудовища, теснились койки, угрюмый металлический стол и стулья. За жалкой перегородкой прятался туалет, рядом – бледный рулон салфеток.

Над Акселем, словно раскаты грома, бушевал храп Адама. В другом конце, укрыв лицо рукой, в забытьи лежала Блейз. Из-за толстых стальных стен доносился приглушённый ропот мужских голосов – словно глухое ворчание океана.

Аксель зевнул, сбрасывая с себя остатки сна. Тело ныло, словно после жестокой битвы, но в остальном он чувствовал себя терпимо. Подойдя к окну, он прищурился, ослеплённый ослепительным солнцем, властвующим над Тихим океаном. Перед ним раскинулась задняя палуба американского эсминца типа «Арли Берк» – гордость флота, «Уинстон С. Черчилль II». Белая площадка для вертолётки, словно лист чистой бумаги, тяжёлые, словно змеи, тросы и трубчатая металлическая рама гидравлического крана – все говорило о мощи и надежде.

Внизу, словно муравьи, суетились матросы, поднимая спасательную капсулу из воды. Второй кран взвыл, вытягивая её из пучины. Крики, ругань, яростные взмахи руками – хаос, смягчённый толстыми стальными стенами камеры. Аксель нахмурился, потирая затылок. Воспоминания о катастрофе были обрывочными, как сны безумца. Водолазы-спасатели успокаивали его, уверяя, что это нормально, и память вернется со временем.

Им повезло. Чудом рядом оказался корабль военно-морского флота. Без срочной гипербарической оксигенации их ждала мучительная смерть от быстрой рекомпрессии при повторном погружении. Что-то вроде газовой эмболии, но Аксель не был экспертом в этих вопросах.

Он вернулся в палату, опустился на стул за столом. Колено пульсировало, словно раненое сердце, кожа вокруг белой повязки вздулась. Другая повязка стягивала живот. Военно-морской врач оказал им первую помощь ещё при пересадке из спасательной капсулы в камеру рекомпрессии. Особенно досталось Блейз, у которой, к несчастью, но, возможно, и неизбежно, случился выкидыш во время этого хаотичного падения с небес.

Их вытащили из спасательной капсулы в герметичном водолазном колоколе и перенесли в эту большую камеру на палубе корабля. Они должны были провести здесь двадцать четыре часа. Аксель потерял счёт времени, провалившись в беспамятство сразу после прибытия. Часов в комнате не было. Циферблат его наручных часов был разбит – он не помнил, как это произошло. На столе кто-то нацарапал: «США – отстой!». Он провёл пальцами по грубым бороздкам, и остро кольнула жалость к Блейз, потерявшей ребёнка. Но они всегда смогут попробовать ещё раз...

– Да, просто одна из тех вещей, – пробормотал Аксель себе под нос. – Нужно просто помнить об этом. – Он поднялся из-за стола.

– Нужно поесть, – решил он. – Пойду попрошу еды. – Он оглядел остальных:

– Я не голодна, – буркнула Блейз, не поднимая глаз.

– Я знаю, но нам всё равно нужно поесть. – Аксель подошёл к окну. Стоящий рядом моряк сразу заметил его и нажал кнопку радиосвязи.

– Вам что-нибудь нужно, мистер Стоун?

– Да, – отозвался Аксель, – нам нужна еда. Отчаянно нужна.

– Сию минуту, сэр.

Во взглядах моряков Аксель уловил сочувствие, почти осязаемое. Они, конечно, представляли, каким ударом стала эта катастрофа для троих уцелевших. Знали бы они только, через какой ад им пришлось пройти...

Он бросил взгляд на Блейз и Адама. Усталость залегла глубокими тенями под их глазами. Блейз, казалось, растворилась в пространстве, взгляд устремлен в невидимую даль. Но на её лице, несмотря на пережитое, застыло какое-то умиротворение. Аксель поймал себя на мысли, что даже в этой измотанности она сохранила свою красоту. Неземную, ускользающую.

— Знаешь, Блейз, — тихо произнёс он, — ты прекрасно выглядишь.

Блейз будто очнулась от глубокого сна, медленно повернув голову в его сторону.

— Я не чувствую себя прекрасной, — прозвучал её тихий, надтреснутый голос.

Аксель кивнул, и из груди вырвался тяжёлый вздох. Они снова сокрушили Синдикат, но эта победа горчила, как полынь. Только время покажет, какие шрамы оставила эта битва на их душах.

Две недели спустя
Лион, Франция
19 апреля 2027 года

Блейз нетерпеливо переминалась на стуле, ощущая, как ноющая боль от раны на бедре, словно тень прошлого, напоминает о себе. Она впивалась взглядом в Джейкоба Скалли, внимая каждому его слову, сидя бок о бок с Акселем и Адамом в плотной толпе из пятисот двух душ, представляющих пёструю палитру подразделений Интерпола.

Скалли, Генеральный секретарь, выходец из самого сердца Нью-Йорка, говорил с акцентом, в котором, однако, угадывались скорее южные мотивы, чем отголоски родного города.

— Синдикат разбит, повержен, уничтожен! — гремел его голос. — И всем этим мы обязаны лишь одному — героическим усилиям нашего подразделения «Огненный шторм». Не хватит слов, чтобы выразить нашу признательность! Человечество стояло на краю пропасти, на грани полного уничтожения. Если бы не «Огненный шторм», если бы они не сорвали планы Синдиката, не уничтожили их чудовищное оружие, от Земли осталась бы лишь безжизненная пустыня.

Среди рядов поднялась рука, прерывая триумфальную речь.

— Господин Генеральный секретарь, но как мы можем быть уверены, что Синдикат уничтожен окончательно? Они не раз доказывали свою живучесть, восставая из пепла. Не слишком ли хорошо, чтобы быть правдой?

— Леон Шива руководил главной базой Синдиката, целой фабрикой смерти, расположенной в зловещих песках Мохаве, — ответил Скалли, усиливая свой

голос микрофоном. – Благодаря блестящей операции «Огненного шторма» мы узнали, что именно этот завод был их неиссякаемым источником дохода, до сих пор ускользавшим от нашего внимания. Военные стёрли его с лица земли во вторник утром. В среду Верховный Главнокомандующий Петров лично подтвердил мне факт полного уничтожения объекта, прекратившего навеки незаконное производство этой отравы. Без Шивы, без его гения и преданности, без финансовых ресурсов, Синдикат обезглавлен и парализован. Наши агенты по всему миру перехватили их последние, судорожные попытки сопротивления, выкорчёвывая их влияние с улиц и арестовывая тех преступников, которым до сих пор удавалось избегать правосудия. Всё, что осталось от зловещей империи мистера Икс, обратилось в прах.

Он перевёл дух, и на его лице заиграла улыбка.

– Интерпол с удовлетворением констатирует полный и безоговорочный разгром Синдиката. В связи с этим я объявляю дело закрытым... до принятия окончательных мер.

Зал взорвался шквалом аплодисментов.

– А теперь, я прошу представителей «Огненного шторма» подняться на сцену. Я хочу лично вручить им награды, заслуженные ими по праву...

Блейз, Аксель и Адам поднялись со своих мест, словно повинувшись невидимому сигналу, и двинулись к сцене сквозь лес аплодисментов высокопоставленных гостей. Каждый жест, каждый взгляд был прикован к ним.

Несколько ступеней – и они уже на деревянном помосте, где их ждал Скалли. Его рукопожатие было крепким, а взгляд – полным признательности. Он вручил им медали, отливающие благородным металлом в свете софитов.

– От имени Нового мирового порядка, эта почётная награда, – голос Скалли звучал торжественно, – присуждается вам за отвагу и бесстрашие, проявленные при исполнении служебных обязанностей, с риском для жизни.

Зал взорвался овациями. Зрители поднялись, выражая свое восхищение и благодарность. Блейз улыбалась, ловя вспышки камер. Она старалась убедить себя, что все кончено, что кошмар правления Синдиката действительно позади. Но где-то в глубине души, словно осколок льда, таилось предчувствие: это ещё не конец. Шрамы, оставленные ужасами Синдиката, навсегда останутся с ними. Невидимые, но такие осязаемые. Эта война изменила их навсегда.

19

Кладбище Роуз-Хилс
Уиттиер, Калифорния
29 апреля

Каждый раз, когда Адам Хантер приходил на могилу брата, сердце сжималось в тиски беспощадной боли. Не только горечь редких визитов терзала его, но и разъедающее чувство вины за то, что не смог уберечь Эдди. Ах, если бы

только время повернулось вспять, если бы только он мог изменить тот роковой день...

Могила Эдди покоилась на тихой лесной поляне, в обрамлении изумрудных холмов. Чёрные гранитные и белые мраморные надгробия, словно безмолвные стражи, хранили вечный покой усопших.

Адам знал – это невозможно. Шесть долгих лет минуло с того дня, как оборвалась жизнь Эдди. Шесть лет с момента той кровавой встречи на военном заводе Синдиката, затерянном на островной базе в Тихом океане. Тогда они, Файршторм и он, шли по следу неуловимого мистера Икс, тогда ещё известного как Сохарис, зловещий «Повелитель драконов». Их нить привела к нему через Эша, жестокого главу нью-йоркской ячейки Neo Chaos. После ожесточённой схватки с адскими роботами, они столкнулись с мистером Икс в его роскошном пентхаусе.

Адам закрыл глаза, и обжигающие слезы проступили сквозь веки. Воспоминания того дня были ядовитым бальзамом на незаживающей ране. Эдди... Такой отважный, такой импульсивный. Ослеплённый гневом из-за гибели Макса Хатчетта, он ворвался в логово врага, жаждущий мести. Но в своей ярости был излишне поспешен, безрассудно скор. Мистер Икс, словно дьявол из табакерки, ошеломил их всех, выхватив автомат и всадив смертельную очередь в беззащитное тело Скейта.

Слёзы ручьями текли по щекам Адама. Он судорожно вытер их шелковым платком, извлеченным из кармана пиджака. Его взгляд, полный скорби и безысходности, устремился на надгробие брата. Холодный камень гласил: «Здесь покоится Эдвард Сэмюэл Хантер, известный как Скейт. Брат, друг, герой. Родился 11 марта 1998 года. Умер 4 мая 2021 года в возрасте 23 лет. Его любили».

Невосполнимая утрата... Порой Адам тонул в мрачных волнах самобичевания, терзаемый мыслью, что в трагической смерти Скейта есть и его вина. Он мотнул головой, отгоняя назойливую стаю мрачных мыслей. Ещё немного, и эта гнетущая тьма втянет его в пучину депрессии, как уже случилось.

Засунув руки в карманы, он застыл перед могилой, продрогший до костей. Небо над ним – тусклое, свинцовое, словно выцветшее зеркало – равнодушно отражало его тоску. Слова застревали в горле, он хотел сказать что-то брату, но так и не находил нужных слов.

Мир вокруг словно выгорал, теряя краски. Ноги налились свинцом, лицо и руки жгло ледяным холодом. Он глубже спрятал руки в карманы, пытаясь сохранить хоть немного тепла. Собравшись с духом, он сплотнул и прочистил горло.

– Ну, привет, Сэмми, – прошептал он в пустоту. – У меня для тебя новости, и хорошие, и плохие. Начну с хорошей – Синдикат уничтожен.

Уголок его губ дрогнул в подобии усмешки.

– Знаю, ты это уже слышал, но Интерпол клянётся, что на этот раз по-настоящему. Их окончательно разгромили. Те, кто повинен в твоей смерти, в гибели стольких других, наконец-то понесут наказание...

Он тяжело вздохнул. Холод пронизывал насквозь, а небо над головой заволакивали зловещие тучи. Невероятно для калифорнийского апреля.

– Firestorm расформирован, Сэм, навсегда, – произнёс он, глядя на могильный камень с суровой решимостью. – Шива мёртва, наша миссия выполнена. Работа закончена. В следующем месяце я возвращаюсь в Детройт, к маме. А это уже плохие новости... Она больна, Сэмми. Рак яичников, говорят врачи. Я нужен ей там. Я не могу её бросить...

Он опустил взгляд на землю, вслушиваясь в тишину. Но ни камень, ни земля не откликнулись. Да он и не ждал ответа. Ветер шелестел травой, а первые капли дождя коснулись его лица.

– Прощай, Сэмми.

Адам развернулся и побрёл навстречу огням города.

Резиденция Стоунов
Беверли-Хиллз, Калифорния

В тот вечер Блейз создавала не просто ужин, а целый ритуал. На столе мерцали бокалы, наполненные янтарным сиянием самого дорогого в округе «Джеймсон Голд», словно заключённые в стекло солнечные мгновения.

Дымчатый аромат домашней лазаньи танцевал в воздухе, предвещая наслаждение, а шоколадный торт, её коронное блюдо, обещал сладость воспоминаний. Всё должно было быть безупречно – это их последний ужин вместе, как минимум, на неопределённое время.

В гостиной царил хаос веселья. Аксель, Адам и Тина, словно опытные дрессировщики, развлекали пятилетнего Макса. Мальчик, в душе уже мастер боевых искусств, с восторгом принимал участие в игровых спаррингах, представляя себя героем любимого «Огненного шторма».

Когда кулинарное волшебство завершилось, Блейз позвала всех к столу. Каждый занял своё привычное место, с нетерпением ожидая, когда хозяйка разложит по тарелкам дымящуюся лазанью.

– Выглядит просто божественно, дорогая, – Аксель подмигнул ей, ощущая благодарность за заботу. – Я твой должник за столько вкусных ужинов. Спасибо.

Адам, едва сдерживая голодный рык, взял в руки нож и вилку, предвкушая удовольствие.

– О, господи, это райское наслаждение! Я и не подозревал, что умираю от голода.

Блейз улыбнулась, чувствуя приятное тепло от их похвал.

— Не стесняйтесь, добавки хватит на всех, если останется место после такого пиршества.

На другом конце стола Тина, заботливо орудуя ножом, помогала Максиму справиться с едой. В перерыве между нарезанием она небрежно бросила:

— Итак, это официально? «Огненный шторм» прекращает своё существование?

Аксель тщательно прожевал кусок лазаньи, прежде чем ответить кивком.

— Да. С завтрашнего дня нас больше нет.

Тина удивленно приподняла брови.

— Должна признаться, я искренне удивлена.

Блейз лишь пожала плечами, садясь на свое место.

— Это конец целой эпохи. С падением Синдиката у нас больше нет причин оставаться «Огненным штормом». Мы с Акселем решили уйти из игры в борьбу с преступностью, вместо того чтобы становиться марионетками Интерпола. Мы собираемся направить все свои силы на воспитание нашего сорванца... и, если повезёт, завести ещё одного малыша. — Аксель бросил на нее лукавый взгляд, в глубине его глаз плясали озорные искорки. — Это будет самое захватывающее приключение...

— Мне так жаль, что у вас... это случилось, — тихо произнесла Тина, имея в виду недавний выкидыш Блейз.

Блейз пренебрежительно махнула рукой, словно отгоняя назойливую муху. Недолго думая, она наполнила стакан до краев виски и осушила его одним глотком.

— Всё в порядке. С кем не бывает.

— А как ты себя чувствуешь, Аксель? — спросила Тина с набитым ртом. — Как переношишь все эти "игры с телами"?

Он кивнул, задумчиво жуя.

— Это... интересно, если не сказать больше. Иногда я забываю об этом, словно это сон. А иногда — до мурашек жутко. Но уж точно никогда не забуду, как стрелял в своё старое тело...

Тина и Адам обменялись долгими взглядами, в которых плескались тени прошлого.

— Как бы я хотела, чтобы четырнадцать лет назад всё обернулось иначе, — прошептала Тина с грустью. — Когда ты только вышел из комы... Если бы мы тогда рассказали тебе об Энигме...

— Не стоит терзаться, сестрёнка, — Аксель покачал головой, отгоняя призраки былого. — Я понимаю, вы с Адамом действовали из лучших

побуждений. Да и вообще, это я должен извиниться за то, что держал тебя в заложниках!

— Ты был не в себе, — мягко напомнил Адам. Он плеснул янтарную жидкость виски в свой бокал, затем наполнил бокалы Акселя и Тины. Подняв свой, он произнёс: — Могу я предложить тост? За старые добрые времена... Пусть и тернистым был наш путь, но он сделал нас сильнее. И за верных друзей, которые всегда рядом.

— За старые добрые времена, за хороших друзей, — Блейз тепло улыбнулась, чокаясь бокалами со всеми.

— Слышал, ты возвращаешься домой, Адам? — поинтересовался Аксель.

Адам кивнул.

— Мама приболела. На пару месяцев вернусь в Детройт, в свой ежегодный отпуск, а потом назад, в Вашингтон, округ Колумбия.

— Всё так же строишь карьеру в ФБР?

— Да. Пусть от Синдиката и не осталось следа, всегда найдутся преступления, ждущие своего часа.

— Что ж, удачи тебе, друг, — произнёс Аксель. — Не забывай про нас. И если повстречаешь доктора Зана, передай, что пятьдесят баксов он мне до сих пор должен.

Адам от души рассмеялся и положил себе ещё лазаньи.

Блейз осушила второй бокал виски и потянулась за третьим.

— Когда я вырасту, — мечтательно произнёс маленький Макс, — я хочу стать агентом ФБР! Ты меня научишь, Адам?

— Конечно, — улыбнулся Адам. — Если твоя мама не будет против.

Блейз ласково улыбнулась сыну.

— Конечно, нет.

После ужина Тина, с присущей ей хозяйственностью, помогала Блейз мыть посуду, а Аксель вытирал её сухим полотенцем. Пока женщины хлопотали на кухне, Адам развлекал Макса фокусом с исчезающими монетами. Каждый раз, разжимая детскую ладошку, Макс обнаруживал, что монет становилось на одну меньше. И вот, осталась последняя. — «Ну-ка, сожми её крепче! Очень крепко!» — Когда Макс разжал ладонь, он с изумлением обнаружил, что монета превратилась в новенький десятицентовик. Возбужденные крики Макса: «Как ты это сделал? Мама, как он это сделал?» — эхом разнеслись по коридору, следуя за ними в прихожую.

Блейз протянула Адаму пальто. На её щеках играл румянец от выпитого виски.

— Спасибо, что пришёл, — сказала она.

— Вы мои друзья, — Адам улыбнулся, по-мужски обнимая Акселя за плечи. — Буду по вам скучать.

Он нежно поцеловал Блейз и Тину в щеку, затем, без лишних прощаний, сел за руль своей машины.

Блейз, Аксель, Макс и Тина махали ему руками, пока его машина не скрылась за поворотом, растворившись в ночной мгле.

— Ну что, семья, пора домой, — произнёс Аксель. — Уже поздно..

— ЭПИЛОГ —

Боль пронзала насквозь, словно раскалённое железо впивалось в каждую клетку, каждый нерв, превращая тело в пылающий костёр страданий.

Чьи-то грубые пальцы вцепились в его волосы и приподняли подбородок. Он распахнул глаза, ожидая увидеть стерильные стены больничной палаты.

Обнажённый, он лежал в облаке пара. Сознание возвращалось мучительно медленно, словно просачивалось сквозь плотную пелену. Пальцы жгло нестерпимым огнём, ноги горели адским пламенем.

Он издал тихий, жалкий стон, не в силах сдержать рвущую изнутри боль.

— Полегче, Леон, — прозвучал знакомый голос, полный тревоги. — У тебя обширная компрессионная травма.

— Что? — прохрипел он, пытаясь уловить смысл слов. — Что происходит?

Голос звучал чужим, натянутым, словно принадлежал не ему.

Он находился в какой-то ванне. Обжигающе горячая вода, казалось, достигала самой шеи, хотя он не мог быть уверен в этом. Чувства притупились, растворившись в боли.

— Я думал, что умер, — прошептал он, с трудом ворочая языком.

— Тебе крупно повезло, — ответил голос. — Я видел, как твоя лодка ушла под лёд. Ты пробыл под водой около трёх минут, прежде чем я вытащил тебя. Когда я увидел тебя там, у меня чуть сердце не остановилось... — Голос затих на мгновение. — Нам обоим чертовски повезло, что лёд выдержал, когда я тащил тебя к берегу.

Леон Шива с трудом приоткрыл глаза и увидел над собой лицо склонившегося незнакомца. И сразу узнал его.

— Это ты.. — прошептал он, не веря собственным глазам, разум отказывался воспринимать реальность.

В этот момент до него дошло, что игра ещё далека от завершения. Битва на Улицах Ярости только начиналась...